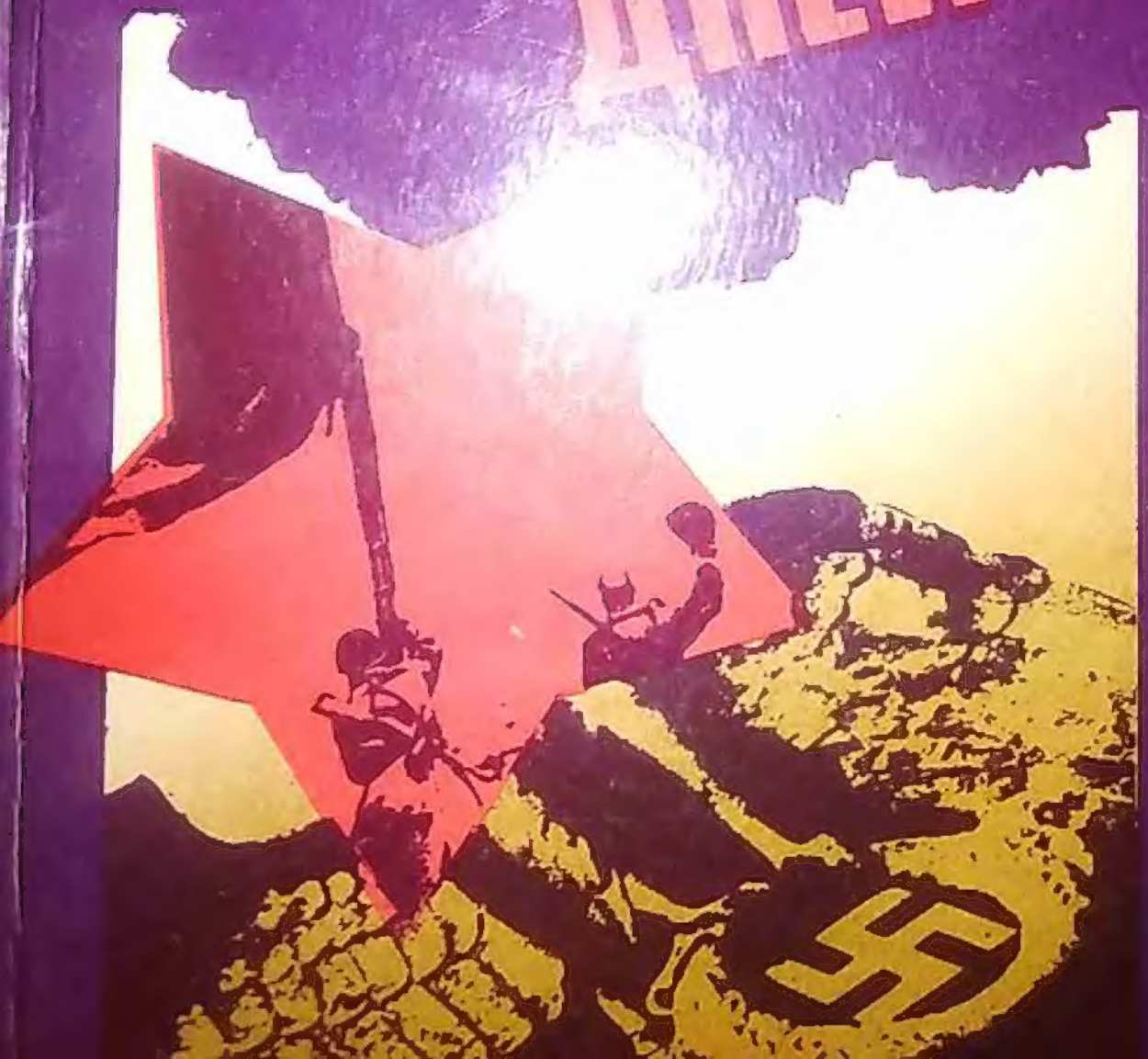
М. САФОНОВ

СЕМНАДЦАТЬ ШТУРМОВЫХ ДНЕЙ



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

erlin
Breslau

eslau

СЕМНАДЦАТЬ ШТУРМОВЫХ ДНЕЙ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1985

Михаил Иванович Сафонов — бывший начальник штаба 301-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии. Службу в Советской Армии начал в 1927 году красноармейцем. Кадровым командиром стал с конца 1930 года.

Участвовал в боях против белокитайцев во время конфликта на КВжд в 1929 году, с японскими самураями у озера Хасан в 1938 году.

В годы Великой Отечественной войны сражался с немецко-фашистскими захватчиками на Северо-Кавказском фронте в должности начальника штаба стрелковой бригады, на Южном, 4-м, 3-м Украинских и 1-м Белорусском фронтах в должности начальника штаба дивизии.

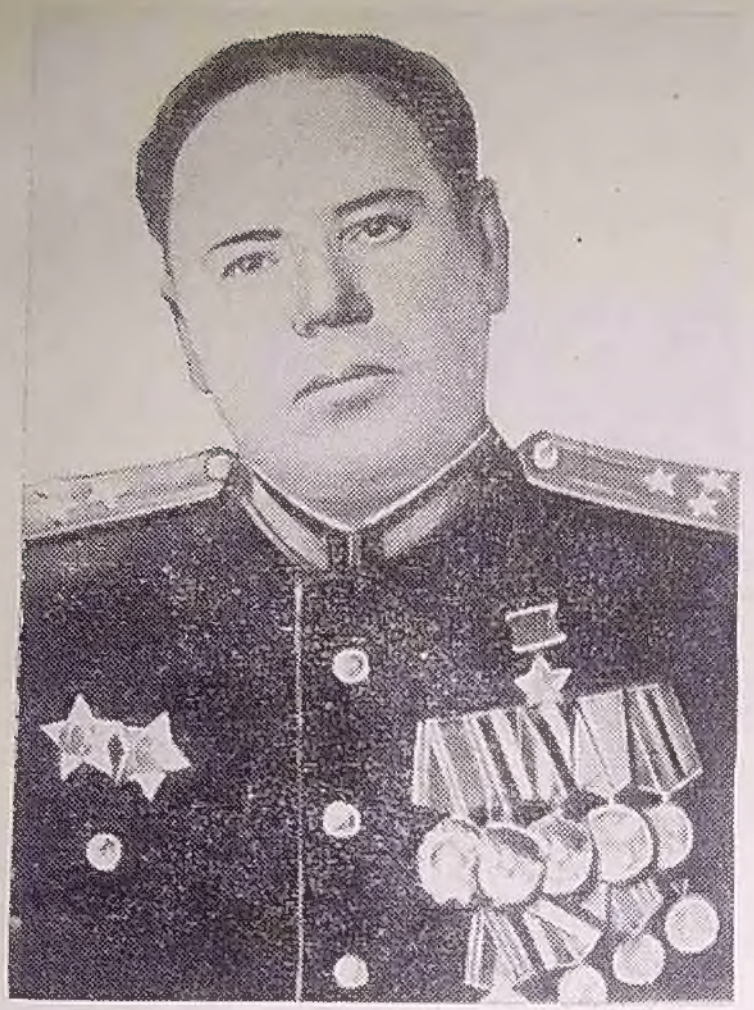
Награжден 11 боевыми орденами и 14 медалями. Член КПСС с 1930 года. Генерал-майор в отставке. Живет в Саратове.

При форсировании Шпрее.
Слева направо: замполит отряда полуглиссеров Г. Суворов, командир отряда М. М. Калинин, замотех отряда Г. М. Чернов, моторист В. К. Бочкарев.

Батальон Героя Советского Союза майора Н. В. Оберемченко форсирует Шпрее.

Герой Советского Союза командир 301-й стрелковой дивизии генерал-майор В. С. Антонов.

Герой Советского Союза командир 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант И. П. Рослый.

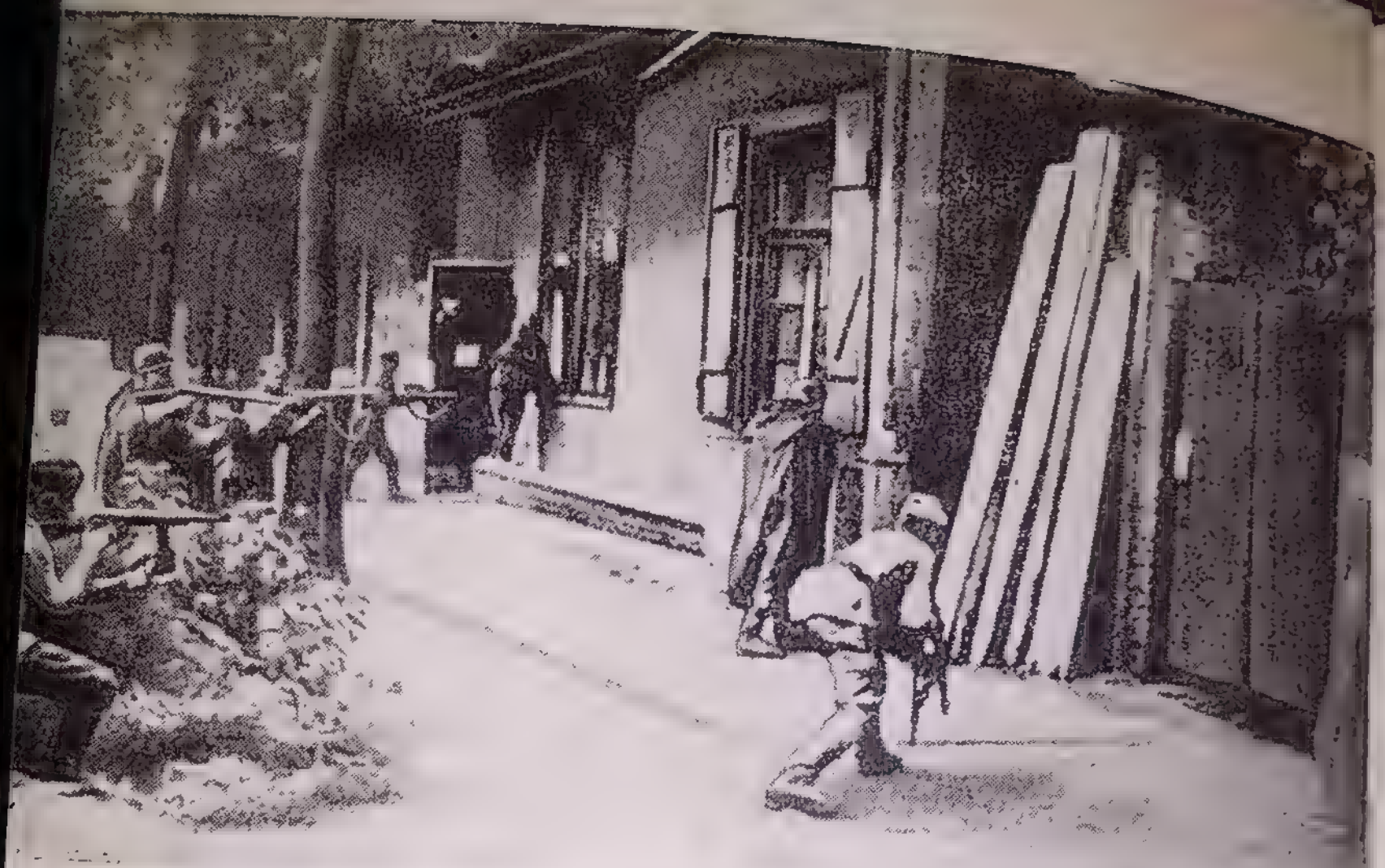


Герой Советского Союза командир 1052-го полка полковник А. И. Пешков.

Герой Советского Союза командир 1054-го стрелкового полка Н. Н. Радаев.

Командир 1050-го стрелкового полка гвардии полковник И. И. Гумеров.

Командир 823-го артполка подполковник Г. Г. Похлебаев.

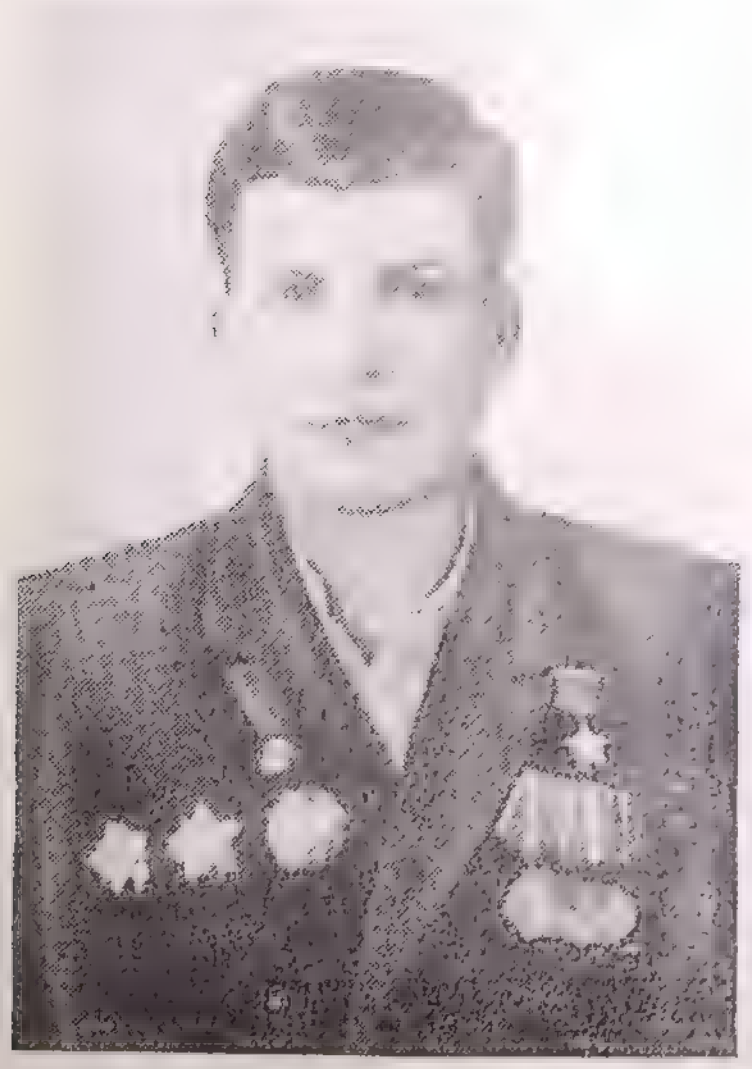


В Трептов-парке. 24 апреля 1945 года
Воины дивизии Антонова.

Герой Советского Союза комсорг батальона Г. А. Авакян.

Герой Советского Союза командир батальона майор Н. В. Оберемченко.

Бой в здании патентного управления. Берлин. 27 апреля 1945 года.



Герой Советского Союза командир батальона В. А. Емельянов.

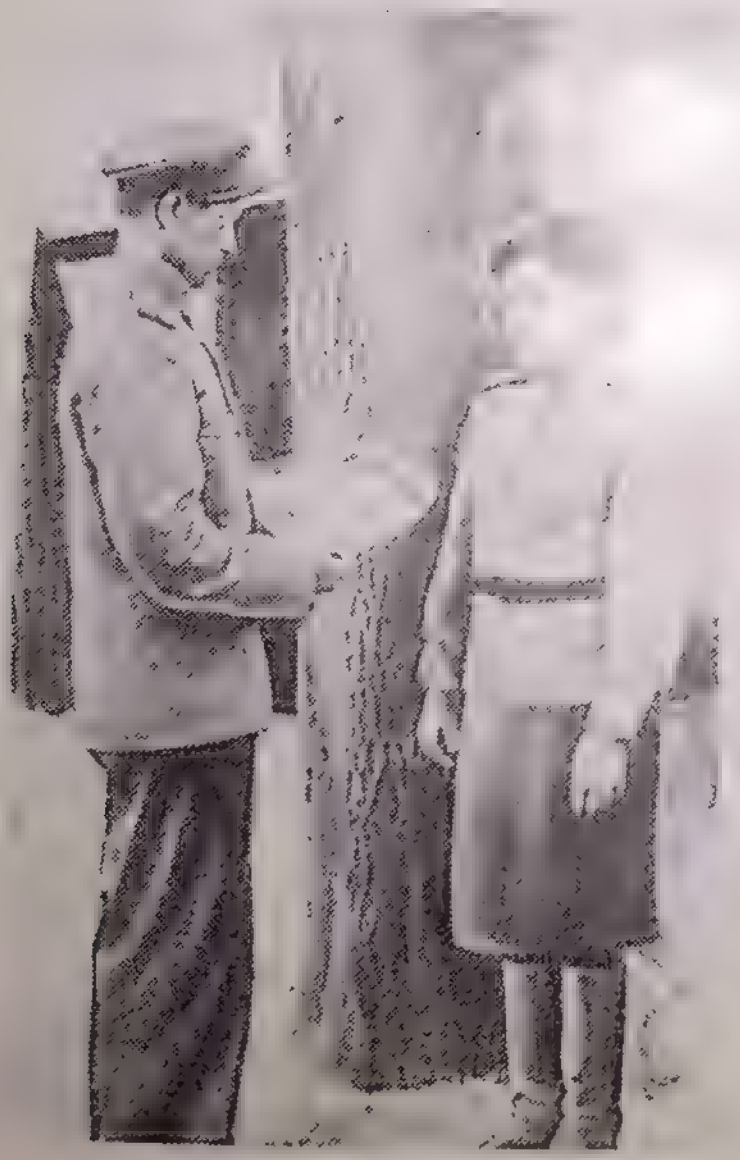
Командир 2-го стрелкового батальона Ф. К. Шаповалов. Снимок 1960 года.

Генерал-полковник [illegible] Берзарин (у телефона). 18 апреля 1945 года

Капитан П. С. Япринцев.

Начальник телефонной станции старший сержант Е. Н. Пасевина.

Повар Н. Кузьмичев кормит немецких [illegible] и детей. Берлин. 26 апреля 1945 года.



Старший лейтенант С. Замгоренко вручает Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ связистке М. Пискуновой.

Телефонистка Р. Годун.

Старший лейтенант В. Н. Маринов (справа) и лейтенант В. Курбатов. 5 мая 1945 года. Берлин.

Комсорг батальона С. Алимов и начальник штаба дивизии М. И. Сафонов. Снимок 1975 года. Саратов.

Герой Советского Союза моторист В. В. Черинов.

Разведчик сержант Г. И. Соколов. Снимок 1953 года.

Герой Сов[illegible] ров шта[illegible]

Э. Берзарин с группой офице-

Сын полка В. П. Капленко. Снимок 1960 года.

Инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор А. В. Никулина. Снимок 1972 года.

Слева направо: младший лейтенант медици — — — н Козин, старшина В. Козина, капитан В. Ф. Шпаков, лейтенант — — — Федоренко

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков осматривает имперскую канцелярию. 3 мая 1945 года.

Сержант Н. Шумкин (в центре) с бойцами своего отделения водрузили Красное знамя над зданием гестапо. Берлин, 29 апреля 1945 года.

Группа воинов-саратовцев у поверженного [illegible]

[illegible] медицинской службы А. С. Гуп-[illegible]на.

У рейхстага.

В Трептов-парке. У памятника родители Героя Советского Союза В. Чаринова, погибшего при форсировании Шпрее.

НАТИСК НА БЕРЛИН!

1

К Одеру полки нашей 301-й стрелковой дивизии вышли глубокой ночью 1 февраля 1945 года. Кругом стояла непроглядная темень. Однако впереди, за населенным пунктом Цеденик, и по флангам то и дело взлетали ослепительные гроздья ракет, которые снизу словно бы подчеркивались стремительными пунктирами трассирующих пуль.

Непрерывная оружейная и автоматная пальба шла и в тылу дивизии. Дело в том, что, вырвавшись далеко вперед, мы оставили позади изрядное количество разрозненных групп фашистских солдат, а то и целых подразделений. Все это было чревато для нас самыми неприятными последствиями.

Действительно, вскоре в наш тыл стали поступать тревожные вести. Восточнее Кюстрина немцы напали на наш медсанбат: три медсестры и врач были убиты.

По дороге на переправу пал от фашистской пули командир разведроты дивизии старший лейтенант Боря Половинкин.

В лесу восточнее Блесдина изголодавшиеся в окружении гитлеровские вояки набросились, словно саранча, на нашу полевую кухню. Котел опустел в мгновение ока. В результате 2-й батальон 1050-го полка остался без горячего обеда. Не жалея крепких слов в адрес «гитлеровских оглоедов», командир полка Гумеров приказал выдать своим бойцам продукты из НЗ (неприкосновенного запаса).

Так, как это часто бывало на войне, трагическое мешалось со смешными, комическими моментами.

На следующий день командиру нашей дивизии Владимиру Семеновичу Антонову позвонил командующий 5-й ударной армией Николай Эрастович Берзарин. Разговор был коротким: три-четыре минуты, после чего Антонов озабоченно сказал:

— Ну что ж, Михаил Иванович, пора, как видно, и нам перебираться к Одеру... Командарм приказал его форсировать с наступлением темноты. Говорит: если задержитесь — сделать это будет вам намного труднее. И он, конечно, прав.

Мы знали, что форсировать такую реку, как Одер, в условиях, когда вся дамба на противоположном берегу занята противником, будет очень сложно. Поэтому еще во время преследования отступающих гитлеровских частей у нас возникла идея: произвести форсирование без обычной в таких случаях артподготовки, без стрельбы, криков «ура!» и вообще без малейшего шума. Тихо переправиться по льду и, используя фактор внезапности, сбить у врага хотя бы небольшой плацдарм.

Передвинув свой НП к Целлину, мы с Антоновым с наступлением темноты вышли на берег Одера.

Внимательно осматривая зеркально отсвечивающее под вспышками ракет ледяное поле, кое-где испещренное темными воронками от бомб и снарядов, Антонов заслушал донесение начальника разведки дивизии майора Боровко, который с небольшой группой разведчиков еще прошлой ночью перебрался на западный берег реки и сумел закрепиться на крохотном кусочке дамбы.

Однако для частей дивизии предстоящее форсирование обещало быть намного труднее, чем мы думали. Лед на Одере был уже настолько тонким, что не всегда выдерживал тяжесть тела. Кроме того, каждого бойца подстерегали на пути к противоположному берегу многочисленные полыньи и вороики, пробитые бомбами и снарядами, в которых крутилось мелкое ледяное крошево. Как их преодолевать?

Как нередко случалось, решение пришло уже в ходе форсирования.

Первой на лед Одера спустилась рота капитана Василия Антоновича Тышкевича — одного из самых храбрых и смекалистых наших командиров. Он запомнился мне еще по Висло-Одерской операции, где капитан Тышкевич со своими бойцами первыми прорвали оборону немцев на реке Пилице, овладели важной вы-

сотой и, выбив противника из Лиховиц, обеспечили успех действий всего полка. Тогда же он был представлен к званию Героя Советского Союза, которое ему вскоре и будет присвоено.

Вот и на этот раз капитан Тышкевич проявил находчивость и предусмотрительность. Его бойцы поползли по льду, толкая впереди себя заранее приготовленные доски, с помощью которых они успешно преодолели полыньи, опасные участки тонкого льда и благополучно достигли дамбы.

Конечно, легко сказать — «благополучно достигли». Ведь надо учесть, что форсирование шло под огневым вражеским шквалом. Плотность огня настолько велика, что порою бойцам трудно было поднять даже голову. Тем не менее вслед за ротой Тышкевича, прихватив по две примерзшие доски, вперед устремились батальоны Богомолова, Перепелицына, Емельянова, Бонцова.

К рассвету 3 февраля на том берегу уже были полностью 1050-й и 1052-й стрелковые полки, которые расширили занятый нами плацдарм до трех километров по фронту и двух километров в глубину, изрядно потрепав при этом 25-ю мотопехотную дивизию немцев.

Так в районе Гнилое — Мерки — Грабин — Орлик возник северный плацдарм. Но мы ни на минуту не сомневались, что гитлеровцы вряд ли смирятся с этим фактом. Поэтому командир полка В. С. Антонов, внимательно наблюдавший за действиями III за всеми перипетиями овладения плацдармом, позвал меня к себе и озабоченно сказал:

— Плацдарм мы отбили, но, как сам знаешь,— это еще только полдела. Немцы непременно попытаются сбросить нас опять в Оку. Поэтому, пока не поздно, надо перебросить на плацдарм противотанковую артдивизион, да и зенитный взвод не мешало бы...

Уже стемнело, когда я возвратился. Быстро ответил я, не скрывая своего удовлетворения тем, что мне удалось разгадать решение командира дивизии.

— Ну что же, в таком случае пора и нам перебрасывать III на плацдарм. Чую, что драка будет большая, и, чтобы управлять ею, надо быть к ней поближе...

И вот мы с Антоновым пустились в путь, только что проделанный нашими бойцами. Временами лед «дышал» под нами, будто живой, и казалось, вот-вот треснет,

разойдется в разные стороны мелкими обломками и темная холодная пучина зимнего Одера мгновенно поглотит нас.

Ступив наконец на твердую землю, Антонов, чертыхнувшись, помянул недобрым словом и эту коварную речонку, и всю «проклятую неметчину».

— Ну а вся неметчина-то здесь при чем? — стряхивая воду с намокшей шинели, с улыбкой заметил я.

— Да зима здесь какая-то непутевая, как геббельсовская пропаганда, — раздраженно отозвался Антонов. — Февраль месяц, а лед уже меньше пальца толщиной. Да в это время на Волге знаешь какой льдище? Полметра, а то и больше.

— Ну у нас на Оби, положим, лед еще толще. Но уж лучше по тонкому льду — да к Берлину, чем по толстому — да к Москве или Сталинграду, как это было в начале войны, — подбадривающе сказал я.

— Ну это уж ясно, как пить дать! — согласился Антонов потеплевшим голосом, но тут же вновь помрачнел, увидев неподалеку от нас, на дамбе, девушек-телефонисток, колдовавших у телефонных аппаратов:

— Это еще что такое? Зачем еще и девчонок приволокли? Противник в полукилометре!..

И он решительным шагом направился прямо к ним.

— Почему здесь? Кто приказал? — сурово сдвинув темные полукружья бровей, стал вопрошать он, приведя в немалое смущение девушек, явно растерявшихся перед грозным натиском комдива. — Я же говорил, чтобы оставались на восточном берегу, на командном пункте, пока мы здесь не обживемся...

— Нам никто не приказывал, товарищ полковник, мы сами, — виновато стала оправдываться Дуся Насевина. — А что немцы рядом, так мы же не одни, с нами трое наших ребят-связистов...

— Ну, если ребята с вами, тогда оставайтесь, — несколько смягчаясь, сказал Антонов, который под внешней суровостью скрывал, так и все мы, большую нежность к нашим славным девушкам, мужественно делившим вместе с нами все нелегкие военные заботы. — Только под пули зря не лезть...

Когда мы поднялись на вершину дамбы, Владимир Семенович окинул цепким взглядом открывавшееся перед нами пространство и окончательно пришел в хорошее расположение духа.

— Каков видок, а? — довольно спросил он, подставляя грудь налетевшему свежему ветерку.— Не только весь плацдарм как на ладошке, но и в глубину их обороны километров этак на пять видно...

— Да, но и у немцев наш НП тоже как на ладошке,— заметил я.— А с блиндажами тут неважно. Есть только три, да и те плохонькие. Сперы сейчас приводят их в порядок. Надо поторопить их... С рассветом наверняка к нам пожалуют «гости».

Антонов ничего не ответил, продолжая осматривать окружающую местность в бинокль. Но я знал, что думает он сейчас примерно о том же, что больше всего тревожило и меня: о контратаке гитлеровцев. Их командование, конечно, понимало, что отбитый нами плацдарм — это своего рода трамплин для стремительного броска на Берлин. Не на шутку встревоженный немецкий генштаб в спешном порядке бросил в поддержку своим частям на этом участке фронта пехотную дивизию «Бебериц», усиленную тяжелыми танками «тигр» и самоходками. И хотя мы тоже не теряли времени даром — расширили плацдарм за счет подошедших ночью некоторых частей 230-й и 218-й дивизий нашего корпуса, — превосходство в силах, и особенно в технике, было на стороне противника.

Наступило серенькое февральское утро. Едва развеялись белесые волны ночного тумана, как на плацдарм двинулась целая лавина немецкой техники: танки, самоходки, пехота на бронетранспортерах. Потребовалось немного времени, чтобы определить направление главного удара. Острие вражеского бронированного клина нацелилось на батальоны капитанов Богомолова и Шаповалова, занимавшие оборону между населенными пунктами Гизхов — Мерш — Гробен.

В дело сноровисто вступили наши противотанкисты. Черными факелами задымили четыре фашистских танка. Затем еще три... Вот неподвижно замерли две самоходки. Наши пулеметчики метким огнем стали выкашивать немецких автоматчиков, жмущихся к своим танкам.

Но остановить бешеный напор врага нам не удалось. Наша оборона туго натянулась, словно струна, которая, казалось, вот-вот лопнет...

Чувствуя напряженность момента, Антонову позвонил командир корпуса генерал Рослый.

— Как дела, Владимир Семенович?

— Жарко, товарищ «Десятый»! Прут, как под Сталинградом. Наверно, забыли, что сейчас сорок пятый год, а не сорок второй...

— Значит, надо им об этом напомнить. Во всяком случае, об оставлении плацдарма не может быть и речи. Я только что разговаривал с Николаем Эрастовичем. Он уверен, что вашей дивизии эта задача по плечу...

— Не буду хвалиться, но завоеванных позиций мы еще ни разу не сдавали. Хотя и не такое бывало... Думаю, и на этот раз не подкачаем.

2

Шел уже третий день боев на плацдарме. Однако наше положение не только не улучшилось, но, можно сказать, осложнилось еще более.

Во-первых, несмотря на чувствительные потери в живой силе и технике, противник все время усиливал нажим своих контратак. На месте одной отрубленной головы у фашистского дракона словно бы сразу вырастали две новые. Немцы атаковали по нескольку раз за день. И это, естественно, изматывало наши части.

Во-вторых, на помощь фашистам неожиданно пришла... природа. В эту четвертую ночь вдруг резко потеплело. Поначалу я не придал этому значения. Однако полночи в нашем тылу начал все больше нарастать какой-то непонятный треск и гул. Находившиеся на НП офицеры разом выскочили из блиндажа. И нашим глазам предстала картина, которая в другое время, вероятно, только бы порадовала всех, но теперь вызвала такое впечатление, будто мы присутствовали при начале очередной вражеской контратаки. Лед на Одере пришел в движение: ломаясь на мелкие и крупные части, взламываясь острыми торосами, крушил все на своем ледяным крошевом, или шуге, как говорят чапаевцы, употребляя одно из своих «волжских» словечек. Сбросившая ледяные оковы вода словно бы взбунтовалась и стала выходить из берегов, прорываясь местами через разрушенные участки дамбы прямо на позиции наших бойцов.

Вскоре наш плацдарм превратился в настоящий остров, отрезанный с одной стороны противником, а с другой — разлившимся весенним половодьем от нашего тыла, а следовательно,— от продовольствия и боепри-

насов, с которыми у нас и до этого было не слишком густо.

Понемногу вода стала заливать и блиндажи — особенно тот, где разместился Антонов. Видя, в каких немыслимых условиях приходится работать командиру дивизии, я предложил ему перейти в небольшой кирпичный домик, стоявший метрах в ста от дамбы на насыпном бугорке, сделанном, как видно, специально, чтобы уберечь его от затопления.

Однако Антонов наотрез отказался.

— Как же я вам... буду... бояться! — полушутя-полусерьезно спросил он, смерив меня своими черными, слегка выпуклыми глазами. — А потом, лучшее место для переднего КП вряд ли придумаешь... Нет, отсюда я не уйду — пусть буду даже плавать в воде по горлышко!

Однако на следующий... все-таки пришлось на время оставить... блиндаж. Дело в том, что немцы дали по дамбе... решенный арсенал, что нам пришлось... из своих насиженных мест и укрыться в щелях.

Когда разрывы... затихли, Антонов вы... во весь рост, огляделся и вдруг с усмешкой позвал меня:

— Начальник штаба! Ну-ка, подь сюда!

По тойду... П., мете дом..., перебрался комдиву, ... ярко-красных ... та его крыша.

— Немцы бы... ретянуть! — с ... явное удовольствие от моего ошарашенного вида. — Однако они не... ют разногласия с моим начальником штаба..

— Да-а! — ... Витя, ... в рубашке родились!

— Это уж точно! — добродушно подтвердил Антонов и, резко сменив тон, спросил озабоченно: — Михаил Иванович, как у нас с боеприпасами?

— Туговато, товарищ полковник. В частях даже установили норму: на каждый ... два патрона, на «тигра», «пантеру» и других бронированных «зверей» — тоже не более двух снарядов!..

— Вот это по-нашему! — одобрил Антонов. — Впрочем, передай командирам частей, что если кому-нибудь из бойцов удастся обойтись одним патроном или снарядом, то, как поет Леонид Утесов: «...никто с них не спросит, никто не осудит!..»

Стоявшие вокруг офицеры отозвались на шутку комдива дружным смехом, который сразу снял напряжение, охватившее всех во время недавнего артналета. Ведь почти каждый из них — фронтовик со стажем, если можно так выразиться. И знает: уж если противник засек НП, то теперь не отвяжется, будет беспокоить постоянно.

После артналета бешеные контратаки гитлеровцев возобновились с новой силой. Едва наши батальоны успевали отбить одну, как откуда-то из глубины вражеских позиций выкатывался новый бронированный вал, который тяжелым утюгом вклинивался в нашу оборону, то и дело грозя разорвать ее.

— Вот прут, сволочи! — чертыхался Антонов во время коротких передышек, выпадавших иногда в цепи почти непрерывных контратак противника. — А еще говорят, что немец, мол, сейчас уж не тот, так как чувствует свой неминуемый конец. А я бы так сказал: смертельно раненный зверь, он для охотника еще опаснее, и во много раз!..

— Владимир Семенович! А помните, на совещании у командующего один полковник бухнул, что, дескать, вот форсируем Одер и с ходу двинем на Берлин, на Эльбу? — спросил я, с какой-то неприязнью вспоминая самодовольное лицо этого бравого вояки, будто он один был виноват во всех бедах, которые выпали на нашу долю на этом тонущем в хлюпающей земляной жиже плацдарме.

— Ну как же, конечно, помню, — оживился Антонов. Как видно, в отличие от меня воспоминание об этой самонадеянной реплике воинственного полковника только потешило комдива. — Не зря я ему тогда заметил: не ставь недруга овцою, а ставь его волком.

— И попали в самую точку, — заметил я. — Немцы-то опять показали свои волчьи зубы. Теперь, видать, они и тому полковнику мозги вправили.

— Побеждать — это значит предвидеть, — задумчиво подытожил Антонов. — И тогда даже численно превосходящего противника можно бить малой кровью, как

это было у нас под Кишиневом, когда мы разнесли в пух и прах целый армейский корпус Посселя. И получилось это, вероятно, не потому, что мы заранее посчитали этого генерала дураком, а? — положив руку на мое плечо, улыбнулся Владимир Семенович.

3

Утро 4 февраля выдалось таким же сырым и ненастным, как и во все предыдущие дни на Одерском плацдарме. К тому же порывами налетал холодный, резкий, схватывающий все тело мелким озябом ветер. А тяжелая, мокрая, не просыхавшая со дня начала боев на плацдарме одежда плохо согревала бойцов. Утомленные только что отгремевшим тяжким боем люди плотно закутались в плащ-палатки и теперь спали на дне окопов, тесно прижавшись друг к другу.

А на Одере продолжала бушевать шуга: с шипом и треском крутила льдины, увлекая их в Померанскую бухту.

С низко нависших дымящихся облаков жидко просеивались тонкие, сквозь паутину, нити дождя вперемешку с колючей ледяной крупой.

Позиции полка полковника А. И. Пешкова проходили вдоль восточной окраины Ортвига, занятого немцами. Наиболее опасный участок, на который все это время без устали лезли гитлеровцы, находился в расположении 3-го батальона. Здесь держала оборону рота капитана Александра Безносикова. Целую ночь бодрствовали несли службу наблюдатели взводов, сменявшиеся каждые два часа. И только один человек не сомкнул глаз до самого рассвета. Это был парторг роты Александр Ополев, который, казалось, не знал усталости, прислушиваясь к каждому шороху, отрывистой немецкой речи, приглушенному урчанию моторов на вражеской территории.

Всю ночь простоял он в окопе, навалившись грудью на его мокрый бруствер.

В такой позе и застал его подошедший ротный — капитан Безносиков.

— На Шипке все спокойно, парторг? — слова ротного прозвучали так громко средь утренней тишины, что Ополев, весь поглощенный вниманием, даже вздрогнул от неожиданности.

— Спокойно, да не очень, товарищ капитан,— ответил он, отступая от бруствера.— Что-то не спится немцам в Ортвиге. Рыскают меж домов, как тараканы.

— А техники никакой не видел?

— Видеть не видел, врать не буду. Но вот гул танковых моторов всю ночь было слышно.

— А точно, что танковых? — засомневался было ротный.

— Да что же я несмышленыш-первогодок какой-нибудь? — даже обиделся Ополев.— Могу биться об заклад, что не только отличу танковый мотор от автомобильного, но даже могу по звуку определить: что это — «тигр», «фердинанд», «пантера»...

— Ну, хорошо — верю, верю! — словно бы сдаваясь, поднял руки вверх Безносиков.

Ополева в самом деле трудно было назвать новичком, хотя он и не относился к числу кадровых военных и в мирное время работал председателем колхоза. Но вот уже три года находился на фронте. Притом все время — на передовой. Перенес тяжелое ранение и даже был, как говорят в армии, списан «вчистую», то есть признан негодным к службе в армии. Однако с заключением комиссии не согласился и все-таки добился отправки на фронт.

Очевидно, председательское умение работать с людьми помогало ему и здесь, на фронте. Парторгом Александр Ополев был отменным. Его постоянно видели в окопах, средь бойцов. Его непременным правилом было — убеждать не словами, а прежде всего личным примером: находчивостью, мужеством, воинской сноровкой. Поэтому нисколько не преувеличу, если скажу, что Ополев был всеобщим любимцем не только своей роты, но и всего полка.

— Значит, немцы опять будут контратаковать? — подытожил ротный почные наблюдения Ополева.

— А что же им остается, товарищ капитан? — спокойно отозвался тот.— Берлин-то ихний — вот он, под самым носом. Каких-нибудь шестьсот километров! Как мы в сорок первом говорили? Отступать некуда, за нами Москва. Но мы-то тогда не только Москву отстояли, но вот теперь до Берлина дошли...

— Да-а! — задумчиво протянул Безносиков.— Как Гитлер вопил в сорок первом? Дранг нах остен! Натиск на восток! А мы этот его «дранг» в другую сторону по-

вершим — на запад! И уж этот драчг нах Берлин» — сделаем, но что бы то ни стало!..

— Об этом я как раз и говорил нашим бойцам в недавней беседе,— сказал Ополев.— Наш плацдарм — это кинжал, нацеленный в сердце Берлина. Поэтому фрицы так яростно и тщатся сбросить нас в Одер. Но, как говорится, кишка тонка!.. Хотя денек, я чувствую, опять будет горячий.

— Кстати, как у нас дела с противотанковыми гранатами? — озабоченно спросил ротный.

— А вот! Вчера, [illegible]. Ополев на проделанную в бруствере нишу, где аккуратно были уложены шесть противотанковых гранат.— И у других имеется по столько же. А кому противотанковых не хватило, те пожертвовали [illegible] гранат...

— А с харчами как?

— С утра пекла [illegible]. Думаю, до начала контратаки успеем подкрепиться.

— Ну добре! — одобрительно заметил ротный.— Давай, продолжай наблюдение, а я пойду еще с бойцами поговорю.

Вражеская контратака [illegible] около 10 утра. Гул немецких самолетов [illegible] перекрыт раскатами артиллерийской канонады. И [illegible] земля пошла гулять огненная [illegible] снаряды, мины, бомбы будто бы торопились [illegible] разрывах друг друга.

Плацдарм окутался [illegible] тучами удушливого смрада. Не успел [illegible], как из Ортвига опять густым валом [illegible] танки, самоходки, пехота (капитан Емельянов, на [illegible] стал надвигаться клин контратаки противника, насчитал до 40 танков и до 4 батальонов пехоты).

И грянул новый бой! Жаркий и ожесточенный, как и все предыдущие. Обладая значительным превосходством в силах, немцы [illegible] прорваться в первую нашу траншею и отбросить [illegible] в глубину нашей обороны.

А на самом горячем участке капитана Емельянова дело даже дошло до рукопашной, которую немцы, зная силу русского штыка, обычно избегали. И не потому, что физически уступали нашим бойцам. Напротив, внешне они выглядели нередко и крупнее и выше нас. Брали мы другим — ловкостью, изворотливостью, умением всегда прийти на помощь товарищу. А главное — не-

сравнению превосходили их воинским духом. Как говорили еще наши предки,— лечь костьми, но врагу не уступить.

Вот и на этот раз по всей роте услышали призыв парторга Александра Ополева: «Товарищи, умрем, но фашистских гадов не пропустим!»

И Александр подтвердил свой призыв прежде всего личным примером. Ведь на позиции его взвода надвигались сразу четыре танка (из них три «тигра»!), две самоходки и до роты немецких автоматчиков.

Стальные громадины двигались неторопливо, словно бы прощупывая широкими гусеницами прочность почвы. Но с каждым мгновением расстояние между ними и неотрывно следившим Ополевым неумолимо сокращалось. Положив руку на заботливо уложенный рядок противотанковых гранат, Александр ждал, когда танки подойдут на нужную дистанцию. Неожиданно один из них сделал стремительный рывок, сразу оказавшись метрах в 20 от ополевского окопа, и, чуть повернув башню, хлестнул длинной пулеметной очередью вдоль позиций 7-й роты. Как видно, немецкие танкисты посчитали, что в находящемся перед ними окопе никого не осталось в живых.

Крепко зажав в руке противотанковую гранату, Ополев собрался было сделать широкий замах, но узкая щель окопа не позволила ему этого сделать. И тогда, вскочив на ступеньку бруствера, Александр с силой метнул гранату под широкое днище танка. Сильный взрыв потряс стальную махину, и она стала как вкопанная.

В следующий момент все произошло словно бы по заранее написанному сценарию. Тем же приемом Александр подбил и второй подошедший «тигр». Все это длилось какие-то считанные минуты.

Однако в целом положение 3-го батальона, несмотря на боевую удачу Ополева, значительно ухудшилось. Его передовые траншеи вскоре оказались занятыми врагом.

Все дальнейшее происходило на глазах бойцов отделения соседнего батальона, где находился Ополев. Внешне, будто подхваченный какой-то могучей силой, он, прижав к груди связку гранат, поднялся во весь рост из своей ячейки и опрометью устремился навстречу приближающемуся очередному танку. Будто заговоренный от свистевших над ним пуль, он приближался вплотную к лобовой части «тигра»...

Когда рассеялся черный дым, окутавший вражескую машину, Безносиков, прибежавший в это отделение, увидел лишь покореженный взрывом «тигр». Он стоял неподвижно, словно памятник бессмертному подвигу павшего героя...

Героический поступок парторга роты Александра Ополева был переломным моментом в ходе боя, достигшего своей критической точки. Уничтожением им целой своей жизни «тигр» оказался командирским. И остальные немецкие машины в замешательстве попятились назад.

Воспользовавшись создавшейся ситуацией, комбаты Василий Емельянов и Михаил Бобков [illegible] свои батальоны в мощную контратаку, в результате которой гитлеровцы были выбиты [illegible] с высоты.

В населенном пункте Клетское бойцам со [illegible] воинскими почестями похоронили [illegible] Александровича Ополева. Позже пришло [illegible] за подвиг, совершенный на Орловском плацдарме, ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

4

5 февраля. Наконец-то природа сделала настоящий подарок измученным [illegible] и [illegible]. Утро было чудесным. Теплым и тихим.

Даже Одер приумерил [illegible] беспокойный [illegible], понявший, что ему уже не вырваться из клетки. Его [illegible] освещенная [illegible], [illegible] розовым светом восходящего солнца, с каким-то вкрадчивым, убаюкивающим плеском мягко [illegible] на берег.

Ночью, не [illegible] [illegible] переправа в первый был [illegible] 1051 и отправленная [illegible]. Его командир, полковник Николай Николаевич Радаев, которого я встретил на пути [illegible] переправой, выглядел необычно бодрым, оживленным.

— Ты что такой сияющий, словно девица на выданье? — невольно [illegible] его приподнятым настроением, спросил я.

— Разве не ясно, товарищ полковник? В тепло и сухом! А то совсем засиделись во втором эшелоне. Даже [illegible] полки дерутся, а мы сидим себе, посматриваем...

— Ничего, зато теперь, я думаю, немцы вам скучать

не ждут. Так что за ночь вам надо будет получше обо-
рудовать позиции.

Действительно, насладиться вдоволь всеми прелестями наступившего солнечного утра нам так и не пришлось. Едва солнце поднялось чуть повыше, противник яростно набросился на позиции, только что занятые полком Радаева. Чувствуя, что ему приходится туго, Антонов приказал связать его с радаевцами.

— Ну что, казаки, пообтрепали вам немцы чубы? — подбодрил он шуткой Николая Николаевича.

— Это еще можно посмотреть, кто кому больше обтрепал,— бодро отозвался Радаев.— Нока держимся и позиций своих отдавать не собираемся.

В полдень по просьбе Антонова я с дивизионным врачом Дейнеко отправился к переправе через Одер, чтобы проконтролировать отправку на восточный берег раненых, где размещался наш медсанбат и армейский госпиталь.

К этому времени у переправы скопилась довольно большая группа раненых, которых продолжали подвозить и подносить. Возникла опасность артналета или бомбового удара немцев по этому месту.

Однако с помощью саперной роты нам удалось довольно быстро — на пароме и лодках Д-3 — переправлять раненых, ликвидируя образовавшийся затор.

В очередной раз подошел к берегу паром, и санитары с саперами спешно стали снимать с него носилки со стонущими, перекрещенными окровавленными бинтами людьми.

Бросив взгляд на одни из носилок, я даже вздрогнул от неожиданности. В этом обескровленном, измученном лице с черными тенями под глазами трудно было узнать известного на всю дивизию своей отвагой пулеметчика Колю Баздырева. Вспомнилось, что совсем недавно мы представили его к званию Героя Советского Союза.

Вспомнилась и душная августовская ночь 1944 года под Кишиневом. Тогда Коля Баздырев с комсоргом батальона Иваном Сенечкиным буквально выкосили снайперским пулеметным огнем целую роту гитлеровцев, рвавшихся к командному пункту полка Радаева.

А бой у населенного пункта Старо-Выскупина в Польше? Отважный комсомолец, можно сказать, один

сорвал мощную контратаку, которую противник готовил против нашей дивизии! Дело в том, что для обеспечения своей контратаки немцы скрытно установили в небольшой рощице две артиллерийские батареи. Однако нашим разведчикам удалось высмотреть эти тщательно замаскированные орудия. Надо было их срочно уничтожить. За это рискованное дело и взялся Баздырев со своим пулеметным расчетом.

Прикрываясь мелкими зарослями кустарника, бойцы двинулись в обход указанной разведчиками рощицы. Удача сопутствовала смельчакам. Не привлекая внимания немецких часовых, они подобрались к запаянной батарее метров на сто и буквально в упор расстреляли из пулемета орудийные расчеты.

Когда на подмогу «тяжелым пулеметчикам» поспели подразделения полка, счастливый Баздырев бросил своим товарищам — полковым артиллеристам «в подарок»: четыре целехонькие пушки и внушительный штабель ящиков со снарядами.

И вот этот бесстрашный и обаятельный парень почти без признаков жизни лежал на носилках, которые два сапера осторожно поднимали на паром.

Позже я узнал, что произошло.

Четыре атаки были отбиты [illegible] Радаева. Однако противник с еще большей яростью бросился в пятую,— притом значительно усилив [illegible] танками и пехотой.

Еще раз проверив пулемет, Николай Баздырев с улыбкой бросил своему [illegible] номеру Ковальскому:

— Ну, брат, как бы нам не пришлось искупаться в Одере. Смотри, какая прорва техники на нас прет!

Однако про себя с тревогой подумал, что для него, как и для всего полка, наступает, быть может, самый решительный момент в обороне плацдарма.

Эта мысль мелькнула молнией в его мозгу и бесследно угасла. Ибо на виду атакующего противника бойцу никогда предаваться оценкам и размышлениям. Все его чувства и все внимание словно бы сфокусированы в одной точке: мысленно отмерив дистанцию, на которую он должен подпустить приближающиеся цепи, он будто бы сливается в одно существо со своим оружием. И ждет, ждет, ждет... 600, 500, 400 метров... Баздырев припал к пулемету и веером дал длинную очередь. Глаза застелило едким пороховым дымом. Но сквозь проступившие слезы он с удовлетворением отметил, что

вражеская цепь стала напоминать старую расческу с зияющими дырами от сломанных зубьев.

Несколькими точными движениями Николай сменил ленту и короткими очередями отогнал разрозненные группы автоматчиков, пытавшихся подобраться к позициям батальона. Затем кивнул головой Ковальскому, и тот без слов понял, что пора менять позицию. Но тач, на вражеской стороне, опередили их.

Перед глазами Бездырева вдруг вздыбилась стена земли и дыма. Его со страшной силой подняло и швырнуло на землю. Он попытался подняться, но тело, словно раскаленным стержнем, пронзила страшная боль. И последним проблеском сознания было ощущение, что он камнем идет в темную холодную глубь Одера.

...С тяжелым чувством провожал я взглядом отходящий паром. И тем радостнее было для меня узнать чуть позднее, что врачам все-таки удалось спасти жизнь Николаю. Только к своим боевым товарищам он уже не вернулся. Для окончательной поправки здоровья и полного восстановления трудоспособности его отправили домой, куда Николай Дмитриевич Бездырев уехал Героем Советского Союза. Ибо, пока в госпитале ему подлечивали раны, вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета.

5

Восьмой день на плацдарме начался необычно тихо — без артподготовки, которой немцы обычно возвещали о начале своей очередной контратаки. У нас с Антоновым даже мелькнула робкая мысль: неужто немецкий бронированный вал разбился вдребезги перед нерушимой стеной нашей обороны и немцы примирились с существованием одерского «пятачка»? Ведь перед нашими позициями дымились целые груды покореженной фашистской техники, а убитых было столько, что немцы давно уже перестали убирать трупы.

К сожалению, затишье и на этот раз было недолгим. В полдень противник вновь двинул вперед около 40 танков при поддержке своей пехоты. На этот раз — против полка Исхака Идрисовича Гумерова, занимавшего оборону по линии Гизхов — Мерин — Грабен.

После часового боя контратака была отбита. Противник, словно побитый пес, поджав хвост, убрался восвояси.

Но не прошло и двух часов, как все повторилось сызнова. Контратака. Отход. Вновь контратака. И так до самого вечера.

Перед заходом солнца вновь наступила долгожданная передышка. Может быть, поэтому закат показался нам таким нежно-розовым и тихим.

— Пожалуй, пора давать команду разряжать пушки! — с облегчением сказал вошедший к нам в блиндаж командующий артиллерией дивизии полковник Зайцев. — По ночам немчура, как правило, не атакует...

— Э, дорогой Николай Федорович, вспомнил сорок первый год, когда они даже на обед огонь прекращали! — насмешливо заметил Антонов, отрываясь от расстеленной перед ним на столе карты. — Сейчас, когда мы, можно сказать, у стен Берлина, им, как говорится, не до жиру — быть бы живу... Вот увидишь, попрут и ночью. Так что пушчонки свои разряжать погоди. Возможно, им и ночью придется поработать!

Как бы в подтверждение этих слов комдива в районе Гизхов — Мерин — Грабен ухнуло несколько артиллерийских выстрелов. А затем по позициям гумеровского полка загулял стенной смерч такой силы, что всю окрестность там заволокло тучей черного дыма.

Артналет не успел еще стихнуть, как началась новая — сколько их было за эти семь дней непрерывных боев на плацдарме, все давно сбились со счета! — контратака немцев. Поднеся к глазам бинокль, я определил ее направление: батальоны Лукьянского и Богомолова. Но подсчитать силы атакующих было трудно из-за сплошной пелены дыма. Хотя, судя по интенсивности огня, контратака — достаточно мощная.

Это подтвердил Гумеров, с которым Владимир Семенович связался по телефону. Полк с невероятным трудом сдерживал бешеный напор врага.

Как поступить в таких случаях командиру дивизии?

По правилам военной науки в этот момент ему необходимо ввести в бой свой резерв и довершить разгром атакующего противника мощным огнем артиллерийских групп. Однако дело в том, что ни того, ни другого у Антонова не было. Резерв был давно уже задействован, а у артиллерии снарядов осталось, как говорится, с гулькин нос.

Единственное, что мы с Антоновым могли сделать,— это послали Гумерову для помощи в управлении боем

наших лучших штабных офицеров. Джабиева, Ярового, а также начальника политотдела дивизии Коломейцева, офицеров политотдела Вилинского, Лопатина и Лисовецкого.

Однако обстановка — особенно на участке 1050-го полка — продолжала ухудшаться.

Позвонил командир корпуса генерал П. П. Рослый. Он сообщил, что на его командном пункте находятся маршал Г. К. Жуков и командарм Н. Э. Берзарин, которые довольны действиями дивизии на плацдарме и желают личному составу успеха в отражении контратак противника.

Едва Антонов положил трубку, как раздался зуммер гумеровского телефона. Вести были плохие: ранен ком. бат Ленский, командование батальоном принял на себя замполит Григорий Цыганков.

Как всегда в самый критический момент боя, Владимир Семенович встал во весь рост на бруствере и, не обращая внимания на посвистывание пуль, неотрывно наблюдал за позициями гумеровского полка, то и дело отдавая короткие распоряжения по телефону.

Вскоре мы с тревогой увидели, как медленно попятилась назад одна из рот 1-го батальона. Затем еще две роты комбата Богомолова...

Антонов, который продолжал стоять на бруствере — угрюмый, но спокойный, можно даже сказать, подчеркнуто спокойный,— обернулся к своему адъютанту Василию Конозобке и приказал вызвать к себе начальника разведки майора Боровко и двух автоматчиков из комендантского взвода. Я понял, что своим многоопытным командирским чутьем комдив угадал, что наступил самый критический момент в отражении вражеской контратаки, и решил, что его место там, где решалась сейчас судьба этого жаркого боя.

Действительно, поправив на груди большой трофейный бинокль, Антонов коротко бросил мне:

— Михаил, останешься за меня! Я к Богомолову...

И, даже не пригибаясь под роем зловеще посвистывавших пуль, он решительно двинулся туда, в самое пекло, где его ждали, казалось, тысячи смертей. Но он бесстрашно шел им навстречу, потому что знал, что на него смотрят сейчас с верой и надеждой тысячи глаз.

В самом деле, завидев знакомую фигуру комдива в его неизменной кожаной куртке, неожиданно возникшую

перед ними среди дыма и грохота разрывов, отступавшие бойцы залегли и открыли по немцам такой яростный огонь, что те не выдержали, остановили продвижение и тоже были вынуждены прижаться к земле.

А Антонов между тем был уже в боевых порядках 3-го батальона. И тут произошло нечто такое, что можно было бы назвать каким-то чудом. Еще недавно пятившиеся под мощным натиском противника бойцы батальона капитана Богомолова, а затем и лейтенанта Цыганкова дружно поднялись и с криками «ура!» бросились на залегших гитлеровцев. От былой неуверенности и даже страха не осталось и следа!

Артиллеристы противотанкового дивизиона, используя возникшуюся в стане врага суматоху, один за другим подбили пять танков.

А когда во фланг гитлеровцев неожиданно ударил батальон майора Шпилько, чаша весов резко склонилась на нашу сторону. Немцы в беспорядке стали отступать, усеивая поле боя телами раненых и убитых.

Я с облегчением смахнул горячий пот со лба и с какой-то особой нежностью подумал о комдиве. Сколько раз приходилось мне быть свидетелем вот таких моментов, когда удивительное хладнокровие и мужество Владимира Семеновича решали исход боя! Не случайно наша дивизия пока еще не знала поражений на всем длинном боевом пути от Кавказа до Одера!

Бой между тем подходил к концу. Глухая, Мерин и Грабен были полностью очищены от фашистов. И вот, когда наши бойцы добивали остатки атакующих подразделений врага, неожиданно упал комбат Александр Богомолов, бежавший вместе с цепью управления.

Никто даже не заметил, откуда прилетела эта шальная пуля, пробившая пилотку на груди Александра Федоровича. Первым подбежал к нему его ординарец, который с двумя автоматчиками и ездовым положил комбата на плащ-палатку, чтобы отнести его к Одеру, на передовой полковой санпункт.

— Стой! Куда это вы меня понесли? — неожиданно придя в сознание, спросил Богомолов. — Немедленно положите меня на землю!

Бойцам пришлось повиноваться. И истекающий кровью геройский комбат продолжал руководить действиями своего батальона до тех пор, пока не перестало биться его мужественное сердце.

Так в почетном списке моих однополчан, Героев Советского Союза, появилась и фамилия Александра Федоровича Богомолова. К сожалению, это высокое звание было присвоено ему уже посмертно.

6

Утром 11 февраля между Антоновым и командиром корпуса произошел следующий разговор:

— Сколько дней вас немец уже не беспокоит, Владимир Семенович? — спросил И. И. Русый. — Пять? С одной стороны это хорошо, вы заслужили такую передышку. Но с другой — не замышляют ли они там нечто из ряда вон выходящее? Все это меня беспокоит.

— По-моему, зализывают раны, товарищ генерал, — ответил Антонов. — До сих пор выносят трупы своих солдат и офицеров. Мы так вымотали их дивизии — и 25-ю, и мотопехотную, и хваленую «Детерин», что для атак у них теперь, как говорится, кишка тонка.

— И все-таки, как говорится, береженого бог бережет. А посему я бы тебе посоветовал провести хорошую полковую разведку противника: надо точно узнать, не замышляет ли немец что-то против нас, и вообще посмотреть, чем он там занимается.

— Слушаюсь, товарищ генерал! Сегодня же займусь этим...

К вечеру составили общий план проведения разведки. Местом действия избрали район Ортвина. Сформировали разведгруппу в составе 27 человек. Возглавил ее лейтенант Михаил Фетисов, опытный разведчик, который славился своим умением добывать «языков».

Двое суток Фетисов буквально дневал и ночевал у северной окраины Ортвина, тщательно изучая подходы к нему и в то же время внимательно наблюдая за жизнью вражеского лагеря.

12 февраля разведгруппа построилась для осмотра. Мы с майором Боровко медленно прошли вдоль строя, внимательно оглядывая каждого. Вид у этих крепких, рослых ребят был подчеркнуто воинственный. Даже с некоторой присущей всем разведчикам лихостью: автоматы ППШ, армейские ножи — «финки» в металлических ножнах, сумки с ручными гранатами.

После осмотра Фетисов подробно ознакомил меня со всем замыслом. Целью разведки должен был стать

захват трех домиков, стоящих несколько особняком на северо-восточной окраине Ортвига. По подсчетам Фетисова, в них находилось не более роты гитлеровцев. Причем часть из них ночью уходила в тыл на отдых.

— Да, но, как мне известно, у этих домиков пулеметные точки, которые держат под прицелом все подходы к переднему краю,— заметил я, внимательно вглядываясь в карту.

— Видел я эти пулеметные точки, товарищ полковник. Но мы на них не полезем, что мы, дураки, что ли? Я там приметил канаву, по которой свободно можно пробраться в тыл и уже оттуда, со спины, ударить по этим домикам!

— Ну что ж, лейтенант! — решительно произнес я после некоторого раздумья.— Ваш план действий я утверждаю. Операцию начнем в ноль часов. Давайте сверим часы...

В эту ночь ни я, ни командир полка Пешков, ни его начальник штаба Штанько — да и никто другой из тех, кто был причастен к разведке, не сомкнули глаз. А начальник разведки майор Боровко находился с вечера в самой первой траншее батальона Емельянова, хотя ночь выдалась непроглядно темной и даже оттуда домиков не было видно.

Все мы напряженно вслушивались в темноту. И когда со стороны Ортвига вдруг разом, будто по команде, грянули разрывы десятков гранат, а в небе вероломно засверкали голубоватые вспышки осветительных ракет, я почувствовал даже какое-то облегчение, хотя знал, что самое трудное для разведчиков только начинается. Неопределенность всегда страшит больше любой опасности.

Но через полчаса грохот боя, долетавший со стороны Ортвига, внезапно оборвался. И вновь потянулось тягостное ожидание. Я позвонил Пешкову. Тот ответил, что от разведгруппы пока никаких сообщений.

Между тем над Одером стал робко пробиваться серенький рассвет. Даже наш комдив Антонов, человек с железными нервами, и то начал проявлять видимые признаки беспокойства.

И тут тонко запел долгожданный зуммер телефона. Я бросился к трубке.

— Товарищ полковник, удача! — восторженно выпалил Пешков. Затем, будто устыдившись своей мальчишеской горячности, он уже спокойно доложил: — Разведгруппа возвращается. Все живы и здоровы. Ведут «языка».

чишеской восторженности, сделал небольшую паузу и стал обстоятельно докладывать: — Разведка проведена успешно: тридцать фрицев уничтожено, семь взято в плен. Три домика на окраине Ортвина в наших руках и прочно удерживаются закрепившимися в них двумя ротами Емельянова...

— Это точно? — как-то даже спросил я, до крайности ошеломленный услышанным. Мы, конечно, надеялись и верили в успех, но чтобы все сложилось так удачно, все в точности по плану, — что и говорить — это стало для всех нас большой приятной неожиданностью.

— Совершенно точно, товарищ полковник, — радостно подтвердил Пешков. — Все получилось как в аптеке, на весах. Ребята сработали отлично. Особенно — Кузнецов, Шарков, Кулешов и, конечно, сам заместитель — лейтенант Фетисов.

Эта разведка принесла нескольким нашим однополчанам медаль «За отвагу», начиная с тех пор, когда немцы смирились с нашим «пятачком» и прекратили атаки.

Затем вновь потянулось наше относительно спокойное существование. Враг предпринимал. И более опытных с обеих сторон ограничивались лишь перестрелкой снайперской артиллерийской, минометной и пулеметной.

Однако утром 11 марта немцы вновь преподнесли нам неожиданный сюрприз.

Мы с комдивом Антоновым как раз выбрались и вышли из блиндажа, чтобы идти в полк Пешкова — посмотреть, как идет подготовка исходных позиций для ожидавшегося наступления на Берлин. Погода с каждым днем все больше радовала нас. Вот и сейчас мы остановились, наслаждаясь тихим туманным утром. Глубоко вдыхая полной грудью теплый воздух, я вдруг с радостью обнаружил, что на изрытой воронками, усыпанной осколками земле кое-где стала пробиваться веселая ярко-зеленая молодая травка. Мне увиделось в этом нечто символическое: даже страшный огонь войны был бессилен перед могучей животворящей силой природы.

Мои размышления прервал голос ординарца Антонова, который позвал меня или комдива к телефону. Пришлось вновь спуститься в блиндаж.

Звонил подполковник Гумеров.

— Товарищ «Второй»,— возбужденно доложил он.— Тут чертовщина: немцы пустили против 2-го батальона какие-то непонятные движущиеся механизмы...

— Подожди, Нехак Идрисович, что за механизмы — танки, самоходки?

— Ни то, ни другое, товарищ полковник. Какие-то маленькие машинки в виде черепашек.

— Танкетки, что ли? Так немцы их вообще не производят...

— Да нет, это не танкетки. Какие-то непонятные штуковины. Ни на что не похожи...

— Ну если ни на что не похожи, то попробуйте-ка крепость их шкуры из ПТР или противотанковой пушки.

Выйдя из блиндажа, я доложил об этом необычном сообщении Антонову. Тот полез на развалины разбитого снарядами домика, пытаясь разглядеть что-нибудь в бинокль. Однако через некоторое время, разочарованный, спустился обратно.

— Ни черташеньки не видно,— пробурчал он, застегивая крышку чехла на бинокле.— Насыпи мешают и кустарник. Иди перетай Гумерову, чтобы захватил хотя бы одну гитлеровскую «черепашку».

Из дальнейшего разговора с Гумеровым выяснилось, что 2 «черепашки» взорвались от прямого попадания снарядов, 2 подорвались на противотанковых минах, а 1 по непонятной причине недвижно застыла на нейтралке. С наступлением темноты нашим разведчикам и саперам удалось притащить ее на нашу сторону.

Утром вокруг этой диковины собралось, можно сказать, все командование дивизии. По своему внешнему виду она чем-то напоминала наши танкетки довоенного выпуска. Но, судя по всему, это был какой-то самоуправляемый движущийся снаряд.

Я решил проконсультироваться с начальником штаба корпуса Емельяном Ивановичем Шкиным. Тот ответил, что такие штуки ему уже знакомы и что пленные немцы называют ее танкеткой торпедой.

Для того чтобы разобрать и изучить ее, были вызваны лучшие специалисты дивизии. Сначала они осторожно извлекли взрывчатое вещество, которым был начинен корпус торпеды, изготовленный из толстых стальных листов. Затем приступили к осмотру ее устройства.

Длина — полтора метра. Высота — 65 сантиметров. Двигалась она на гусеницах. Мотор снабжен баком горючего емкостью в пять литров.

С пунктом управления торпеда связывалась проводом, который, разматываясь во время движения, тянулся за ней ярко-красной змейкой. И в этом была ее ахиллесова пята. Ибо стоило шальной пуле или осколку перебить провод, как торпеда становилась неуправляемой и шла уже не на цель, а куда попало.

Впоследствии, по показаниям пленных, выяснилось, что пущенные против нас торпеды предназначались для уничтожения наблюдательного пункта. Однако, получив явную неудачу своей «механической» атаки, немцы впоследствии свои «сухопутные» торпеды больше не применяли.

Да и вообще никаких попыток вернуть себе наш плацдарм на Одере противник больше не предпринимал.

Так закончилась двухмесячная героическая оборона Одерского плацдарма, захваченного нашей 301-й стрелковой дивизией. Его роль стала неоценимой в развернувшемся вскоре сражении за Берлин. Именно с Одерского плацдарма был нанесен один из самых мощных ударов по столице фашистского рейха.

НА ОДЕРЕ ВЕСНА...

1

23 марта наша дивизия, которая два месяца удерживала захваченный ею плацдарм на западном берегу Одера, отошла во второй эшелон, на восточный берег реки.

Тому, кто воевал, не трудно представить, как было воспринято это сообщение после полутора месяцев непрерывных боев на плацдарме. Предстоящая передышка радовала нас. Но вместе с тем мы знали, что нас ждет не только отдых, но и упорная подготовка к решающему наступлению.

К рассвету подразделения дивизии расположились в небольших хуторках, живописно разбросанных по густому сосновому лесу. «Прямо на курорт попали», — устало шутили бойцы.

Штаб дивизии разместился в небольшом городке Бервальде. Жителей в нем осталось немного. Большинство их ушло с фашистскими частями, поверив геббельсовским россказням о зверствах Красной Армии.

Около месяца в дивизии шла упорная боевая учеба. Подразделения отрабатывали прорыв сильно укрепленных позиций, бои в траншеях, отражение контратак. Особое внимание уделялось отработке действий при штурме крупного города. Да это и понятно. Хотя приказа о наступлении еще не было, все знали, что нам предстоит штурмовать вражескую столицу.

Бервальде превратился в настоящий учебный центр. Круглые сутки в нем слышались крики «ура», мелькали фигуры карабкающихся по стенам и заборам бойцов. На чердаки и крыши втаскивались легкие орудия и пулеметы, трещали холостые выстрелы.

Тщательную подготовку проходил и офицерский состав. Лейтмотивом всех занятий здесь также были вопросы прорыва глубоко эшелонированной обороны противника и управления боем в крупном городе. Часто устраивались военные игры. Они проводились на рельефных миниатюр-полигонах, где с помощью песка была воссоздана та местность, на которой нам предстояло действовать.

В мою память особенно врезалось показательное занятие, проведенное в Ной-Ламе лично командующим 5-й ударной армией генерал-полковником Николаем Эрастовичем Берзариным. Присутствовали командиры корпусов, дивизий, полков. Тема занятия — «Ведение боевых действий штурмовой группой в населенном пункте».

Николай Эрастович в мельчайших подробностях с глубоким знанием дела показал, как должны действовать штурмовые группы в городских условиях: в развалинах зданий, в подвалах, на улицах.

Мы слушали командующего с большим вниманием. Н. Э. Берзарин словно бы открывался нам с новой стороны. Конечно, мы и до этого знали о его высоком полководческом умении. Но тут мы увидели, что он не только большой знаток оперативного искусства, но и в совершенстве знает действия мелких подразделений во всех видах боя.

Вообще лично для меня Н. Э. Берзарин был и остается образцом настоящего командарма советской военной школы. Кроме полководческого таланта он обладал еще высокой культурой, эрудицией, большой чуткостью в отношениях с подчиненными. В последующей службе я всегда старался в своей работе с войсками брать с него пример.

Шла напряженная боевая учеба. В частях дивизии проводились партийные собрания. Обсуждался на них один, но очень важный вопрос: как коммунисты во время штурма Берлина. Настроение было приподнятое. Воины дивизии с ветеранами накануне начала наступления на фашистское [illegible] всегда бывало, высокий боевой дух [illegible] принимали их в ряды ленинской партии. Мы [illegible] в боях бойцов и командиров стали [illegible] коммунистами.

Кроме партийных собраний были проведены общие собрания в подразделениях, [illegible] агитаторов рот и батарей, семинары с парторгами и [illegible]. А ветераны дивизии — замполит 185-[illegible] полка полковник Иван Яковлевич Гуськ[illegible], замполит 823-го артиллерийского полка майор Константин Захарович Цуцкеридзе, замполит батальона 10[illegible]-го стрелкового полка Натан Михайлович Полосук, [illegible] батальона лейтенант Грант Арешович Аскян, [illegible] батальона лейтенант Леонид Яковлевич Новорубов[illegible], комсорг дивизионной газеты лейтенант Салиджан Алиев, инструкторы политотдела дивизии капитаны Иван Ефимович Гонгин, Владимир Тимофеевич Литвинец, Франс Маркович Вилинский, сотрудники редакции дивизионной газеты «Сталинец» старшие лейтенанты Моисей Васильевич Шеретобитов, Марк Аникимович Лисовецкий и другие — все время находились в подразделениях, делясь своим боевым опытом и опытом героев дивизии.

Большое впечатление на молодых воинов произвел

проведенный Военным советом армии под личным руководством командарма генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина слет Героев Советского Союза 5-й ударной армии. В нем участвовало 16 солдат и офицеров нашей дивизии, удостоенных к тому времени этого высокого звания.

Фотографию слета я храню до сих пор как самую дорогую реликвию.

2

С тех пор как советские войска вплотную подошли к Одеру и Нейсе, немецко-фашистское командование, естественно, волновал один вопрос: откуда будет нанесен главный удар по Берлину? Первое время противник считал, что наступление начнется с Кюстринского плацдарма, так как этот плацдарм занимали войска маршала Жукова, здесь же находились главные силы 1-го Белорусского фронта. Надо заметить, что имя Жукова производило на немцев магическое воздействие. Там, где он появлялся, им всегда чудилось наступление. Впрочем, в большинстве случаев предчувствие их не обманывало. Вот почему все свои оставшиеся резервы и переброшенные с Западного фронта дивизии гитлеровцы стянули на вышеназванное направление.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков предвидел такой оборот дела. Поэтому он провел одну хитроумную акцию, которая смешала все предположения гитлеровского командования о месте нанесения советскими войсками главного удара...

В первых числах апреля все дивизии нашей 5-й ударной, 8-й гвардейской и 3-й ударной армии получили приказ срочно выделить по 15 лучших солдат под командованием офицера. При каждом из них должна была быть красноармейская книжка с указанием действительного номера дивизии и армии. А в полевую сумку офицера вкладывали тетрадь со списком подразделения и точным указанием, какой дивизии и армии оно подчиняется.

Не скрою, что этот приказ нас несколько озадачил. Однако в ответ на наши недоумения командир корпуса Герой Советского Союза И. П. Рослый сказал:

— Выполняйте все в точности. Это приказ маршала Жукова.

На другой день отобранных воинов собрали в лесу под Ной-Дамом. Здесь их объединили в один отряд, посадили на машины и отправили в полосу 2-го Белорусского фронта, в район города Штаргарда. Прибыв туда, отряд получил задание провести разведку боем. При этом было дано указание не стремиться к захвату пленных. Главное, что надо было сделать,— это «растерять» на поле боя побольше красноармейских книжек и полевых сумок с документами.

Разведка боем прошла успешно. Схватка продолжалась около часа. Затем отряд отошел с незначительными потерями. Чтобы не вызвать подозрения большим числом «потерянных» красноармейских книжек, разведчики переодели в нашу форму несколько трупов гитлеровцев.

Задуманная маршалом Жуковым военная хитрость полностью удалась. Проведя разведку боем не в полосе своего фронта, Георгий Константинович спутал первоначальные расчеты немцев, заставив их перебрасывать свои резервы с одного направления на другое. В результате перед началом Берлинской операции гитлеровское командование, по показаниям пленных, точно не знало, где будет нанесен главный удар.

3

Был разгар весны. Солнце припекало совсем по-летнему. Зазеленели луга и поля. Оделись листвой деревья. Песни жаворонков не умолкали от рассвета до вечерних сумерек. Если бы не пушки да танки, черневшие на полях, можно было совсем забыть о войне. Все с волнением ожидали скорого наступления на Берлин — сердце фашистской агрессии. Это нетерпеливое ожидание было неожиданно потревожено еще одним радостным событием...

Однажды ночью ко мне прибежала дежурная радистка Маша Бережная. Она взволнованно сообщила:

— Товарищ полковник, наш комдив — Герой!

— Постой, постой... Откуда ты узнала?

— Только что слушала передачу из Москвы. Комдиву и еще многим нашим присвоено звание Героя Советского Союза...

— Кому же еще?

— Не запомнила, но фамилию комдива точно слышала.

Владимира Семеновича Антонова в дивизии любили, несмотря на его суровый нрав. Любили за разносторонние знания и большое воинское искусство: за те два года, что он нами командовал, дивизия не знала поражений, ее победный путь протянулся от предгорий Кавказа до Одера. Любили Антонова и за большое личное мужество: он не страшился в трудные минуты боя встать в солдатские цепи и повести их за собой, воодушевляя личным примером.

Для меня же полученная новость была приятна вдвойне: Владимир Семенович — волгарь, саратовец, мой командир.

К полудню пришел и Указ, из которого мы узнали имена всех награжденных.

Вечером, собравшись в самом большом зале Бервальде, мы торжественно чествовали новый отряд героев. Затем состоялся концерт художественной самодеятельности.

Особый успех выпал на долю женской танцевальной группы. Трудно было узнать в этих нарядных девушках наших боевых подруг: связисток, медработников. Мы привыкли их видеть в кирзовых сапогах, длинных не по росту шинелях. А здесь... шелковые платья, модные прически.

На следующее утро начальник 6-го отделения капитан Терещенко сообщил, что командира дивизии, меня, начподива и командующего артиллерией срочно вызывает командир корпуса. Мы сразу собрались и выехали.

Совещание проводилось в большой штабной палатке. По тому, как она охранялась, по закрытым клапанам ее окон можно было предположить, что разговор предстоит особо секретный.

Перед своим выступлением командир корпуса генерал-лейтенант И. И. Росный приказал раздать нам карты с нанесенной на них схемой немецкой обороны и полосами, отведенными для нашего наступления.

— Главную роль, товарищ Антонов, как видите, будет играть ваша дивизия, — ознакомив нас с боевой задачей, заметил генерал, повернувшись к комдиву. — Из всего корпуса ей выпадает честь в первом эшелоне прорывать оборону врага. Надеюсь, дивизия в этих завершающих боях вновь подтвердит свою славу и с честью справится с поставленной перед ней боевой задачей.

Когда мы вернулись назад, командиры частей уже поджидали нас. Не торопясь, я развернул полученную от командира корпуса карту и прикрепил ее к столу. Надо было видеть, как загорелись у всех офицеров глаза, когда их взглядам открылась узкая полоска, очерченная двумя сплошными линиями с цифрой «301 см» посередине. Полоска, сужаясь, тянулась от Кюстрина через северные скаты Зееловских высот на Вуксдорф, Карлсхорст и своим заостренным концом упиралась в центральные кварталы Берлина.

— Вот это да! — восторженно воскликнул командир 1052-го стрелкового полка Герой Советского Союза А. И. Пешков.

— А рейхстаг мы будем брать? — наперебой спрашивали командиры частей.

— Кому ж еще больше? — улыбнулся Владимир Семенович Антонов.— Скажу по секрету, и рейхстаг, и имперский дворец входят в полосу нашей армии. А наша дивизия действует на направлении главного удара. Я предлагаю в каждом подразделении подготовить государственные флаги СССР для водружения их на правительственных зданиях Берлина.

Это предложение комдива было с воодушевлением поддержано офицерами. Однако вряд ли кто из нас мог предполагать, какие оно будет иметь последствия. На другой день к комдиву чуть свет явился заместитель по тылу полковник Нагорных.

— Что случилось, Иван Тимофеевич? — встревоженно спросил Антонов.

— Товарищ полковник, это вы приказали командирам подготовить красные флаги?

— Да, я...

— Товарищ полковник, это ведь просто столпотворение какое-то. Старшины не дают проходу. Требуют красный материал. А где я его им возьму? Тот, что имелся, давно роздан. А они все идут и идут. Не могу же я, в самом деле, обеспечить флагом каждого красноармейца.

— Прости, Иван Тимофеевич,— с трудом сдерживая улыбку, сказал Антонов.— Об этом я совсем не подумал. Но надо как-то выходить из положения. Каждому бойцу флаг, конечно, не нужен. А вот для рот и взводов — нужно постараться...

НА КЮСТРИНСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

1

Вскоре мы выехали на Кюстринский плацдарм для рекогносцировки. Плацдарм этот занимал километров 50 по фронту и до десятка в глубину. Нам издали казалось, что местность совершенно пустынна. Но когда мы подъехали поближе, просто не разглядеть. Плацдарм был буквально усеян артиллерийскими и минометными позициями. В укрытиях стояли танки и автомашины. Вся земля вдоль и поперек изрыта траншеями, ходами сообщений, блиндажами, землянками. Передний край опутан колючей проволокой, прикрыт минами, а на танкоопасных направлениях — и стальными ежами. За два месяца обороны этот относительно небольшой клочок приодерской земли был превращен нашими воинами в отличный исходный рубеж для наступления.

Три дня мы ездили по переднему краю. Офицеры старались получше рассмотреть и уточнить систему вражеской обороны, определить насыщенность ее огневыми средствами. Досконально изучали местность. Думали над тем, как лучше использовать нашу силу и технику, чтобы обеспечить успех предстоящего наступления с наименьшими потерями.

Особенно долго задержалась наша рекогносцировочная группа у населенного пункта Гольцев и военного городка, входивших в полосу прорыва дивизии. Оба они лежали в развалинах, но немцы оборудовали здесь прочные узлы сопротивления. Мнение офицеров было единодушным: еще до начала общего наступления необходимо парализовать оба эти объекта. Но как это

сделать и когда? На это пока трудно было дать определенный ответ. В течение трехдневной рекогносцировки мы не заметили в этих пунктах ни одного немецкого солдата. Оттуда не раздалось ни одного выстрела.

— Ну и орешки нам достались,— озабоченно проговорил комдив, собрав офицеров дивизии для принятия окончательного решения.

— Ничего, у нас зубы крепкие. Разгрызем,— довольно громко заметил я.

Вывод нашей дивизии на плацдарм был намечен в ночь на 14 апреля. К закату солнца мы с командиром дивизии выехали к Одеру, чтобы встретить свои части у переправы. Оставив машины в развалинах дома на юго-западной окраине Кюстрина, мы направились к берегу. Вечер был тихий. Легкий западный ветерок едва заметно рябил гладь реки. С чуть слышным плеском набегали на песчаный плес мутные волны. Понтонно-мостовая переправа, по которой должны были проходить наши части, начиналась метрах в 30 от нас. Она тянулась через реку узкой сероватой полоской. У въезда на мост виднелось несколько окопов и щелей. Спустившись к самой воде, мы присели на валявшуюся у берега разбитую лодку и долго молчали.

— Сколько на твоих? — вдруг спросил Антонов.— Не запаздывают?

Я посмотрел на часы.

— Нет, двадцать минут у них еще в запасе. Подойдут в срок.

Быстро смеркалось. Закат горел алым цветом, предвещая на завтра ветреную погоду. Над переправой показались два «яка». Сделав несколько разворотов, самолеты ушли на восток. Гул их моторов подчеркивал тишину вечера.

Голова дивизионной колонны подошла точно в указанное время. Первым двигался 2-й батальон под командованием капитана В. А. Емельянова. Мы узнали его издали по походке и Золотой Звезде Героя на груди.

— Товарищ полковник, второй батальон следует на плацдарм,— четко доложил капитан.

— А что у вас за знамя, товарищ Емельянов?— спросил я, показывая на идущего за капитаном автоматчика с красным флагом.

— Это батальонное знамя Победы, товарищ полковник. На рейхстаг подготовлено!

— Вы думаете, что именно ваш батальон возьмет рейхстаг?

— Так точно, товарищ полковник,— бодро вступил в разговор автоматчик.— Если не рейхстаг, то имперскую канцелярию уж возьмем в аккурат...

На командный пункт, разместившийся в садах поселка Горгаст, мы прибыли уже вечером. Быстро надвигалась теплая весенняя ночь.

Легкий ветерок, обдавая свежестью, холодил щеки. Мы подошли к блиндажу комдива и остановились. Рядом стояло большое вишневое дерево. Ствол и сучья у него так были избиты и исцарапаны осколками снарядов, что трудно было найти живое место. Но вишня оказалась на редкость живучей. Несмотря на страшные раны, испещрившие ствол, уцелевшие ветви жили и были усыпаны цветами.

Долго мы стояли молча. И каждый думал о могучей животворной силе дерева, устоявшего под огненным ураганом войны. Вспомнились искалеченные, засыпанные пеплом сады, оставленные на выжженной войной Родине. Когда-то они теперь поднимутся? Да и кому их поднимать? Большинство мужчин здесь — как поется в песне, «в Германии, в Германии, в далекой стороне».

— Ну, ладно. Иди отдыхай,— ласково сказал комдив.— Завтра дел у нас по горло.

— Не до сна, товарищ комдив, надо планирование заканчивать. Потом, вы же приказали к полуночи собрать офицеров штаба и командиров частей на совещание.

— Да, но это к утру. А сейчас пойди и хоть немного сосни. Вспомни старика Суворова: перед боем, как он учил, надо всегда хорошенько выспаться.

— Суворов имел в виду солдат, а не штабных офицеров,— улыбнувшись, возразил я.

— Иди, иди, Михаил. Упрямец. Тебе разве докажешь.

Пройдя несколько метров, я оглянулся. Владимир Семенович стоял все в той же неподвижной позе, глядя на запад, где в темном глубоком небе вспыхивали огоньки ракет.

2 Заказ 2116

В полночь я зашел за комдивом, и мы пошли на совещание. В просторной землянке оперативного отделения все уже были в сборе: командиры полков, командиры приданных частей, начальники родов войск и служб штаба. Тускло горели две керосиновые лампы. Офицеры-разведчики торопливо развешивали на глинистых стенах землянки огромные схемы, расцвеченные синими и красными стрелами.

Мы прошли вперед и сели за небольшой стол, приставленный к торцу длинного стола, наскоро сколоченного из досок. Обведя взглядом сосредоточенные лица офицеров, Антонов встал, глухо кашлянул и, повернувшись к начальнику разведки дивизии майору Боровко, только что возвратившемуся из штаба армии, сказал:

— А ну-ка, товарищ майор, доложите, какие новые данные собрали о противнике?

— На нашем направлении держит оборону по-прежнему двадцатая танково-гренадерская дивизия,— застегивая и одергивая китель, произнес Боровко.— Но есть данные, что в ожидании нашего наступления дивизия изрядно пополнилась и уплотнила свои боевые порядки. Оборонительные рубежи ее подготовлены заранее и довольно прочны.

— Товарищ Боровко, скажите, а что известно о настроении солдат и офицеров гитлеровских войск? — спросил начальник политотдела дивизии полковник Коломейцев.

— У солдат настроение скверное. Мало кто из них верит, что можно задержать наступление Красной Армии. Однако командир дивизии генерал-лейтенант Яуэор старается уверить их в обратном. Это и немудрено. Ведь он дал Гитлеру клятву стоять на этом рубеже до последнего солдата.

— Клятва, конечно, звучит эффектно, — заметил командующий артиллерией дивизии полковник Казанцев.— Но захотят ли сами солдаты принести себя в жертву бесноватому фюреру?

— Эта клятва Яуэора — просто пустые обещания,— продолжал Боровко.— Еще в марте с пленными было захвачено несколько фашистских газет. Там писалось: «Мы не можем надеяться больше на выигрыш времени. У нас нет ни запасов, ни укреплений, с помощью которых мы могли бы ожидать, пока выдохнется противник. Где найти такую линию обороны, которая не пала бы

через 24 часа? Мы вынуждены ставить на кон свои последние карты».

Правда, гитлеровская ставка опять стращает применением какого-то нового оружия.

— Откуда это известно?

— От захваченного пленного, командира роты полка «Великая Германия» из дивизии «Берлин». Он показал, что не так давно здесь был личный представитель Гитлера, министр вооружения и боеприпасов Германии Шпеер. Он проводил в городе Гузове совещание с генералами и офицерами и на этом совещании заявил, что в самое ближайшее время все соединения рейха будут снабжены новым секретным оружием, которое позволит нанести русским решительное поражение. Первыми получат такое оружие армии и корпуса, обороняющиеся по Одеру.

— Известны какие-нибудь подробности о новом оружии?

— Нет, товарищ полковник. П[illegible] нам ничего о нем не знает.

Отпустив командиров по частям, Антонов задумчиво спросил меня:

— Как ты относишься ко всем этим слухам о новом гитлеровском оружии? Как они ни пугают, а мне что-то не страшно. И не потому, что умышленно закрываю глаза на опасность. Сколько они нас стращали... В Донбассе — «тиграми», «пантерами», «фердинандами». Во время Висло-Одерской операции — фаустпатронами. На Одерском плацдарме — танкетками-торпедами, начиненными взрывчаткой. А вот вчера увидели еще одну ихнюю новинку — управляемые самолеты-снаряды «Фау-3». Ну и что это дало немцам?

«Тигров» и «пантер», как и других бронированных «зверей», в пух и прах разносят наши артиллеристы и даже гранатометчики. С фаустниками успешно борются снайперы и бронебойщики. А те двенадцать танкеток-торпед, что были пущены против нас, тут же расстрелял Гумеров со своими артиллеристами. Две штуки даже притащили в часть невредимыми. Да что мне об этом рассказывать? Ты и сам все хорошо знаешь. Взять хотя бы эти хваленые самолеты-снаряды. Те четыре, что были пущены по понтонному мосту через Одер, верно, при-

несли немцам мало радости. Ведь они разорвались километрах в семи-восьми от него... Не думаю, что и в этот раз фашисты выдумали что-то сверхъестественное. Гораздо больше беспокоят меня оборонительные узлы — Гольцев и военный городок. Прямо-таки из головы не выходят... Ну, ладно, — заключил Антонов,— пошли спать. Утро, говорят, вечера мудренее. Глядишь, что-нибудь придумаем.

2

14 апреля части дивизии заняли исходное положение для наступления. В первом эшелоне были расположены два полка: один под командованием Героя Советского Союза подполковника Александра Ивановича Пешкова; во главе другого стоял молодой энергичный офицер подполковник Николай Николаевич Радаев, родом он с Волги, из Горького.

Во втором эшелоне находился полк Исхака Идрисовича Гумерова, а также приданные дивизии танковая бригада Героя Советского Союза полковника Дионисия Селиверстовича Наруцкого и полк тяжелых танков полковника Ильи Архиповича Мясникова.

Кроме того, были созданы полковые и дивизионная артиллерийские группы. Дивизионную возглавлял командир 823-го артиллерийского полка подполковник Георгий Гаврилович Похлебаев. Этот добросовестный свердловчанин отличался пунктуальной точностью в обращении с техникой, большим тактом в отношениях с подчиненными, а также недюжинными знаниями артиллерийского дела.

Таким образом, все в дивизии было готово к предстоящему наступлению на Берлин. Оставалось только для уточнения данных о противнике провести разведку боем. Эта задача возлагалась командованием на одну из рот 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Но мы на всякий случай подготовили два своих батальона.

Часов в пять утра я с командиром дивизии отправился на наблюдательный пункт. Утро выдалось пасмурное и дождливое. Почва совсем раскисла, идти было тяжело. И не только из-за грязи: всюду плотно стояли машины, самоходки, танки, орудия. Они тянулись в несколько рядов вдоль всего фронта.

Наконец вышли в расположение полка Гумерова.

Ходами сообщений и траншеями двигаться стало значительно легче. Возле самого КП мы натолкнулись на командира отделения коммуниста Николая Шумкина и комсорга батальона лейтенанта Салиджана Алимова.

— Ну как, сержант, дела? — здороваясь с Шумкиным, спросил Антонов.

— Все в порядке, товарищ полковник. Вышли, так сказать, на финишную прямую, — приподнято отрапортовал сержант.

— Что финишная — это верно. Но препятствий на ней будет не меньше, чем на старте,— заметил комдив.

— Ничего, товарищ полковник. Разгон взяли хороший. Дошли, можно сказать, до самой берлоги фашистского зверя. Вот в этой берлоге и придется ему протянуть свои ноги,— задорно ответил Шумкин.

— С этим я не спорю, товарищ Шумкин,—смеясь, сказал в тон ему Антонов.— Иначе нам и не стоило ходить за семь тысяч верст киселя хлебать...

Тут я заметил торчащий из-под плащ-палатки уголок красного материала и, потянув за него, вытащил флаг с древком.

— О, да тут, оказывается, знамя... Чье это?

— Отделения сержанта Шумкина, товарищ полковник,— ответил Алимов.

— Так точно! — подтвердил сержант. Подготовлен к водружению на рейхстаге.

— Так-таки на рейхстаге? — хитро сощурившись, спросил Антонов.

— Ну, не на рейхстаге, так на каком-нибудь другом ихнем управлении, где эти фашистские мазурики черные свои дела обделывали,— не смутившись, сказал сержант.

Разведка боем началась точно в назначенное время. После короткого артналета рота 47-й гвардейской дивизии сделала бросок в направлении военного городка. Немцы открыли сильный пулеметный огонь. Гвардейцы попытались было продвигаться перебежками, но огонь еще больше усилился. Рота залегла, понеся значительные потери. Дальнейшее ее продвижение стало невозможным, и бойцы отошли на исходные позиции.

Часа через два на наш наблюдательный пункт прибыл командир корпуса генерал И. П. Рослый. Выслу-

шал доклад о проведенной разведке, он недовольно проговорил:

— Что это за разведка, которая ничего не дала? Надо провести ее еще раз своими силами.

— У нас все готово, товарищ генерал,— доложил Антонов,— когда прикажете начать?

— Сколько потребуется времени на организацию?

— Часа три, товарищ генерал.

— Хорошо. Начинайте ровно в пятнадцать часов. Результаты доложите через тридцать минут после начала,— приказал Рослый.

— Черт возьми, а не зря, оказывается, вы ночь-то потрудились,— сказал Владимир Семенович, когда командир корпуса ушел.— Как в воду смотрели. Какие намечены батальоны для разведки боем?

— На Гольцев — батальон майора Бойцова, в направлении военного городка — майора Перепелицына. Вероятно, следует одновременно подготовить к атаке и главные силы, чтобы в случае успеха ввести в прорыв полки первого эшелона и закрепиться в Гольцеве и военном городке.

— Вообще-то, правильно,— заметил Антонов, а потом, немного подумав, добавил: — Давайте командирам частей распоряжения.

3

В 14 часов 50 минут сотни орудийных стволов засверкали огненными сполохами и тонны раскаленного металла обрушились на позиции врага. Гольцев и военный городок вмиг окутались дымом, гарью, пылью. По прикрытием огненного шквала на их штурм ринулись передовые батальоны капитана И. П. Кузнецова, майора М. П. Бойцова, Г. М. Айрапетяна и А. Д. Перепелицына. Впереди шла танковая бригада полковника Д. С. Паруцкого, выполняя роль броневого тарана. Атака была стремительной, дерзкой, смелой.

Первым к военному городку приблизился батальон Перепелицына. Наблюдая за его решительными действиями, Антонов, не отрывая глаз от бинокля, воскликнул:

— Каков молодчина этот наш донской казак!

Первой к линиям проволочных заграждений вырвалась 5-я рота этого батальона. Однако враг оказы-

упорное сопротивление. Мигом ожили десятки огневых точек. Преодолев первую полосу заграждений, бойцы начали было залегать у второй под губительным вражеским огнем. Атака грозила сорваться. В этот момент в цепях атакующих появился командир роты капитан Демегришвили. С поднятым пистолетом в руке он выпрямился во весь рост и срывающимся от напряжения голосом крикнул: «Вперед, товарищи! Вперед, орлы!» Рота, словно вихрь, метнулась вперед. Забросав гранатами огневые точки врага, бойцы проскочили вторую полосу заграждений и ворвались в военный городок.

Только Ивана Гавриловича Демегришвили уже не было среди них. В момент атаки вражеская пуля сразила отважного командира.

Тем временем в Гольцев прорвалась рота старшего лейтенанта Александра Николаевича Цицаркина, уроженца города Черепаново Ульяновской области. Эта рота славилась своим мастерством в рукопашных схватках, заставляя вспоминать неувядающие традиции русских воинов в этом виде боя. И тон здесь всегда задавал сам командир, которому в то время был 21 год. Еще при прорыве немецкой обороны на Вяземе Цицаркин с одним взводом обратил в бегство в рукопашной схватке целую роту гитлеровцев.

В бою за Гольцев рота Цицаркина, действуя врукопашную, уничтожила около ста гитлеровцев. Кроме того, она вывела из строя пять пулеметных дзотов. В результате были обеспечены успешные действия всего 1052-го полка.

Гольцев и военный городок перешли в наши руки. Но враг попытался вернуть потерянные опорные пункты. Вскоре до батальона пехоты немцев при поддержке танков и самоходных орудий пошли в контратаку против наших подразделений, занявших военный городок. К контратакующим присоединились только что выбитые оттуда фашистские части. По городку был дан сильный артналет. Создавалось тревожное положение.

Связываюсь с Радаевым и спрашиваю:

— Слушай, Николай, выдержишь?

— Без сомнения. В городке Перепелицын и Айрапетян. А уж у них закон один: что боем взято, то свято.

Разгорелась жаркая схватка. Первым встретило вражеские танки и самоходки орудие старшины Георгия Александровича Бочарникова. И потомок кубанских

казаков изумил всех своим незаурядным воинским искусством. Несколько выстрелов, и два «фердинанда» стали, утонув в черном дыму. Следующие два выстрела заставили беспомощно закрутиться на месте «тигр». Остальные фашистские танки не посмели идти дальше, дав задний ход. Понеся большие потери, отступила и вражеская пехота.

Когда вражеская контратака была отбита, генерал-полковник Н. Э. Берзарин вызвал к телефону нашего комдива:

— Товарищ Антонов, с военным городком у вас получилось просто здорово! А ведь ваш предшественник, которого вы сменили, два дня там «толкался», но так и не смог взять городка. Продолжайте в том же духе. Успеха всей вашей дивизии.

Вскоре усиленным штурмом батальонов Героя Советского Союза В. А. Емельянова и майора С. К. Нурмагамбетова был взят и Гольцев.

За героические подвиги при овладении Гольцевом и военным городком капитан Иван Григорьевич Деметришвили, старший лейтенант Александр Николаевич Цицаркин, старший лейтенант Петр Федорович Гнида, а также старшина Георгий Алексеевич Бочарников были удостоены звания Героя Советского Союза.

К закату солнца мы начали выдвигать к Гольцеву свой второй полк с 92-м тяжелым танковым. Враг, видимо, почувствовал нависшую угрозу. Едва танковый полк снялся с исходных позиций, как вдруг из-за облаков показались самолеты с «Фау-2». Миновав линию фронта, они вошли в пике и выпустили пять самолетоснарядов, которые упали далеко в стороне, не причинив нам никакого ущерба. Когда взрывы стихли и подразделения снова устремились вперед, Владимир Семенович посмотрел на меня и с усмешкой спросил:

— Ну как, Михаил?

— Вообще-то, неприятные штуки. К счастью, что-то в них никак не ладится. Как бы там ни было, радует, как спокойно реагируют на них бойцы. Налетели такие страшенные двухэтажные махины, и хоть бы кто глазом моргнул. А помнишь, в начале войны люди, случалось, шарахались даже при появлении одного-единственного самолета...

— Да, война ко многому приучила,— задумчиво сказал Антонов.

Таким образом, проведенная разведка боем переросла в решительное наступление всей дивизии. Откровенно говоря, мне, воевавшему уже не один год, видавшему сотни боев и атак, все-таки еще не приходилось наблюдать такого безудержного энтузиазма, воинского героизма, как это было под Гольцевом и военным городком.

— А здорово у нас получилось, Михаил Иванович, — довольно говорил обычно скупой на похвалы Антонов, когда уже ночью мы осматривали трофеи, добытые ...лками 90-го пехотного немецкого полка. — Смотри, сколько трупов. От полка, наверное, рожки да ножки остались.

ПОКА НЕ ПОГАСЛИ ПРОЖЕКТОРЫ...

1

Общее наступление наших войск решено было начаться с рассветом 16 апреля. За ночь мы переместили часть артиллерии, минометы, подтянули полки второго эшелона и резервы. Командный пункт разместили в блиндажах, отвоеванных у противника, а наблюдательный пункт — на насыпи полотна железной дороги, в бывшем НП 90-го немецкого полка.

Когда наступили сумерки, подполковник Н. Н. Гумеров доложил командиру дивизии Антонову, что через рубеж расположения его подразделения к боевым порядкам частей Пенкова и Радаева выдвигаются машины с прожекторами.

— По чьему приказу это делается?

— Спрашивал. Говорят, по распоряжению командующего фронтом Жукова.

— Ну что ж, коль по распоряжению командующего фронтом, пусть выдвигаются. Значит, так нужно.

Около полуночи я пригласил к себе командующего артиллерией, командиров танковых частей и начальников служб дивизии. Необходимо было уточнить план действий на утро.

Закончив совещание, мы решили поужинать. Но не успели сесть за стол, как в землянку вбежал офицер связи корпуса и, еле переводя дыхание, доложил мне.

— Товарищ полковник, разрешите вручить срочный пакет.

Распечатав конверт и взглянув на находившийся в нем документ, я решил сразу же зачитать его офицерам. В боевом распоряжении говорилось: «Всем командирам соединений и частей. С началом атаки на всем фронте главного удара для освещения поля боя будут использованы прожектора».

В землянке воцарилась тишина. Чувствовалось, что многие находятся в явном недоумении.

— Распоряжение ясно? — спросил я командиров.

— Откровенно говоря, мне не ясно, — первым нарушил молчание командир танковой бригады Паруцкий, — что-то новое затевает наше командование.

— Мне тоже не слишком понятно. Но таков уж характер у Георгия Константиновича. Для каждой операции у него всегда есть в запасе новинка, которая сбивает противника с толку, толкает его на необдуманные действия. Помните, как искусно при прорыве на Висле были применены передовые батальоны? Немецкое командование было введено тогда в заблуждение относительно времени нашего наступления, что ускорило разгром противника. Думаю, что и на этот раз немцев ждет какой-то сюрприз.

Ровно в 5 часов началась артподготовка. Сперва во многих местах словно бы сверкнули молнии, и на запад с ревом потянулись длинные огненные языки. Это был залп реактивных минометов — «катюш». А вслед за этим грянул и гром. Тысячи орудий и минометов одновременно, словно по взмаху дирижерской палочки, открыли огонь по вражеским позициям. Мощь этой артиллерийской подготовки была невиданной за всю историю войн.

И в это же мгновение поле боя на десятки километров по фронту озарилось ослепительным светом сотен прожекторов. Масса людей, танки, самоходки, машины — все это пришло в движение и, оставляя за собой тучи пыли и дыма, лавиной понеслось на запад.

Вот уже взята первая траншея, вторая, а крики «ура», сливающиеся с гулом моторов, грохотней выстрелов, все не утихали.

Меня вызвали на корпусной телефонный провод. Беру трубку. Голос командира корпуса:

— Ну как идут дела у вас?

— Все в порядке, товарищ «Двадцатый»! Атака развивается успешно.

— Имейте в виду, Михаил Иванович, и передайте Литовову, что Берзарин возлагает на вашу дивизию большие надежды. Вы обязаны как можно быстрее завершить прорыв всей первой полосы обороны противника и обеспечить ввод в бой вторых эшелонов. Ни в коем случае не замедляйте темп атаки и не давайте противнику закрепляться на промежуточных рубежах.

Я заверил генерала Рослого, что задача будет выполнена.

К 6 часам утра противник был выбит из всей первой полосы своей обороны. Правда, в районе имения Линахов, превращенного немцами в сильный опорный пункт, правый фланг полка Пешкова [illegible] задержал. Но посланные командиром полка против противника три роты танков с батальоном автоматчиков быстро решили его судьбу. Враг был уничтожен.

Вскоре привели группу пленных гитлеровцев. Их было человек около 40, из них 2 офицера. Грязные, обтрепанные фашисты выглядели жалко и напоминали помешанных. Дрожа всем телом и переминаясь с ноги на ногу, пленные испуганно повторяли: «Гитлер капут, Берлин капут». Я спросил через переводчика старшего лейтенанта Володю Маринова, как на них подействовала наша прожекторная атака.

Говорит, что ошеломляюще. Когда русские осветили наши позиции, — перевел Маринов, — все солдаты и офицеры упали и лежали на дне траншей несколько минут. Предполагали, что большевики применили против нас какое-то новое оружие...»

— Спроси, из каких они частей.

— Все из танковой дивизии «Мюнхеберг».

— Как «Мюнхеберг»? — недоумевая, спросил я.

— Да, товарищ полковник. Говорят, двадцатая дивизия понесла большие потери и ночью выведена. А на ее место прибыла вот эта.

Я тут же доложил эту новость комдиву.

— Ну и черт с ними,— рубанул Антонов.— Какая нам разница — кого бить. Все они друг друга стоят.

Мы знали, что по Зееловским высотам проходит передний край второй полосы обороны противника. Их скаты были изрыты траншеями, в которых размещались огневые точки. У подножия высот проходил противотанковый ров глубиной до трех метров.

Все это заставляло думать о том, что с продвижением вперед сопротивление немцев будет усиливаться. Потому командование дивизии торопилось с выдвижением второго эшелона — полка П. П. Гумерова — и перемещением своего НП ближе к боевым порядкам.

2

В девять часов, когда части первого эшелона подходили к рубежу Альт-Ланзгов — Вербин, а полк второго эшелона выдвинулся за имение Альтхов, мы начали перемещение своего НП во [illegible] имения.

Место это было не особенно [illegible]ящим. С Зееловских высот враг хорошо просматривал не только имение, но всю местность до самого Одера.

И все же ничего лучшего в полосе наступления дивизии не было. Трехэтажный помещичий дом с высокой крышей позволял организовать с чердака наблюдение далеко в глубь обороны противника, а сад и роща вокруг имения — маскировать транспорт НП и обслуживающие подразделения.

Чтобы не привлекать на себя внимание противника, мы ехали порознь. Сперва ушла машина с наблюдателями и связистами под командой начальника разведки майора А. Т. Боровко. Затем выехал командующий артиллерией полковник Н. Ф. Казанцев с отделением управления. Антонов со своим радистом Володей Куриным и я с радистом Петей Беляевым разместились в двух «виллисах».

Заметив, что наступление полков первого эшелона стало замедляться, комдив прижал к губам микрофон трубки рации:

— Алло! Алло! Пешков, Радаев, почему задерживаетесь? Ускорьте продвижение.

Въехав во двор имения, мы увидели здесь большое оживление. Окрестные сады были забиты автомашинами, самоходками, орудийными тягачами. Между ними сновали бойцы различных тыловых служб. На крыше дома уже обосновались наши наблюдатели, командующий артиллерией, телефонистка. Мы собрались было уже подняться к ним, как раздалась команда: «Ложись!» И тут же грянуло враз несколько взрывов. Меня сильно толкнуло в спину, и в тот же момент я почувствовал, что лечу куда-то вниз... Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу в какой-то яме. Рядом стоял, отряхиваясь от грязи, Антонов. Он что-то говорил мне, но в ушах так шумело, что я ничего не мог разобрать.

— Ну как, цел? — наконец донеслось до меня.

— Как будто. А как с остальными?

— Майор Сапленков доложил, что есть раненые, убитых нет.

Придя окончательно в себя, мы вылезли из ямы и начали осматриваться. Пыль и смрад продолжали еще клубиться над имением. Первыми, кого мы увидели поблизости, были связистки Маша Бережная, Дуся Пасевина, Вера Болдырева и фельдшер Галя Федоренко.

К нам подбежал командующий артиллерией полковник Н. Ф. Казанцев.

— Ну что, дорогой пушкарь, придется, наверное, нам отсюда убираться? — спросил Антонов.

— По-моему, незачем.

— Значит, ждать, пока нас снова шуганут в какую-нибудь яму, да еще сверху прикроют землей для верности?

— Не шуганут, товарищ комдив. Батареи противника засекли. И сейчас их так дубасит похлебаевская артгруппа, что им наверняка не до нас.

— Хорошо. Коль Похлебаев работает так успешно, то пока остановимся. Но все же надо присмотреть запасной НП.

В это время во двор ввели группу пленных, захваченных разведкой дивизии. Сопровождавший их командир разведвзвода младший лейтенант А. К. Белкин передал нам несколько документов, взятых им у убитого немецкого офицера. Наиболее интересными среди них были обращения Гитлера и Геббельса к немецким сол-

датам в связи с успешной разведкой боем, проведенной нашими войсками на Кюстринском плацдарме.

14 апреля 1945 года вечером перед солдатами 9-й армии выступил имперский комиссар Геббельс. Он настоятельно призывал их «быть стойкими, не допустить ни на шаг продвижения русских».

15 апреля, когда «продвижение» все-таки состоялось, и притом настолько успешно, что была прорвана [illegible] линия немецкой обороны, длинную речь произнес сам Гитлер:

«Солдаты Восточного фронта! Последний [illegible] смертельной ненавистью большевизм начал наступление. Он пытается разрушить Германию и наш народ. В течение января мы оказали сильное сопротивление врагу. Сейчас новые части фольксштурма усиливают наш фронт. На сей раз большевики будут обескровлены. Кто в этот момент не выполнит долга, тот будет предателем. Если каждый возомнит свой [illegible] на Восточном фронте, то последний штурм будет отражен. Берлин был и будет немецким, и Европа никогда не станет русской...

Мои восточные бойцы! Учтите, что вашим мужеством, смелостью и упорством [illegible] не пяди [illegible] будет затоплено кровью».

Когда Маринов перевел Антонову эти слова, тот сказал, поморщившись:

— Гипнотический образец фашистской психологии. Все эти призывы для немцев — что мертвому припарка. Отправьте их в штаб корпуса, пусть там подошьют для истории.

Как мы и предполагали, по мере нашего продвижения к Зееловской оборонительной полосе сопротивление врага значительно возросло.

Первый ожесточенный бой разгорелся у селения, укрепленного немцами, села Ной-Лангов. Противник пошел в контратаку до двух батальонов пехоты и роту «тигров».

1052-й стрелковый полк сдержал их натиск, а затем понемногу начал теснить врага. Успеху его во многом содействовал вышедший во фланг противника 1-й батальон второго эшелона нашей дивизии. Немцы под угрозой полного разгрома поспешили отступить в направлении Ной-Лангов.

Упорное сопротивление противник оказал также на

рубеже Ной-Лангов и станции Вербих. На северо-запад от станции проходила ветка железной дороги. В ее насыпи немцы и оборудовали оборонительную позицию. Через каждые 30—40 метров в насыпи встречались гнезда фаустников, наносивших большой урон нашим танкам. Эта полоса прикрывала важный опорный пункт Ной-Лангов. 1052-й полк подошел к полотну железной дороги несколько северо-восточнее его. Навстречу нашим бойцам устремились два батальона вражеской пехоты и около двух десятков танков.

Кроме того, в небе появились немецкие самолеты Ю-87.

Истребительно-противотанковый дивизион майора М. А. Престинского, выдвинувшись на правый фланг и заняв позиции, сразу же вывел из строя шесть вражеских танков.

Тем временем «тридцатьчетверки» Л. С. Нарушкого метким фланговым огнем подбили еще 5 «тигров», разнесли 4 дота и 6 бронеколпаков, вкопанных в насыпь. В результате 1052-му полку удалось овладеть железнодорожной веткой северо-восточнее Ной-Лангова.

Не легче пришлось и 1051-му стрелковому полку подполковника Н. Н. Радаева. Наступая на левом фланге вдоль железной дороги, ему необходимо было во взаимодействии с двумя ротами танков овладеть станцией Вербих. Однако первая же попытка пустить танки впереди пехоты показала Радаеву безуспешность такого боевого построения. В траншеях, опоясавших станцию, и в железнодорожной насыпи засели немецкие фаустники. Они сразу же подбили две наши «тридцатьчетверки». Тогда Радаев решил действовать по-иному: пустить вперед не танки, а стрелковое подразделение, которое должно было, уничтожив фаустников, открыть путь боевым машинам.

Обдумав свой план, Радаев крикнул адъютанту:

— Старшего лейтенанта Яковлева — ко мне!

Евстафий Григорьевич Яковлев был командиром 6-й стрелковой роты. Ветеран дивизии, он прошел с ней путь от Терека, прославившись как мастер прорывов вражеской обороны. Их на его счету было около трех десятков. Четырежды был ранен, но дальше санбата не уезжал. Четыре боевые награды украшали грудь отважного волгаря (родом он из Новописемского района Татарской АССР).

Получив задачу расчистить путь танкам, Яковлев поднял свою роту в атаку и сам устремился впереди своих бойцов. Атака прошла на редкость успешно. В короткое время были ликвидированы 30 гнезд фаустников. Четыре из них пришлось на долю самого командира. Но он не пораловался удачно проведенной операции. Когда рота уже миновала полотно железной дороги, из лежащего в стороне окопа прогремел выстрел, сразивший наповал бежавшего впереди командира роты.

Правительство высоко оценило подвиг старшего лейтенанта Евстафия Григорьевича Яковлева, присвоив ему звание Героя Советского Союза посмертно.

3

К исходу дня 16 апреля подразделения дивизии находились у города Гузов и селения Вер[illegible]. Они были расположены у подножия северо-восточных склонов Зеловских высот. Подступы к ним прикрывались хорошо оборудованной позицией, состоящей из [illegible] траншей, с дзотами и железобетонными колпаками. Дороги и танкодоступные направления были минированы, улицы перегорожены завалами и [illegible]. Кроме того, перед Гузовом протекала небольшая река Альт Одер, являясь естественным препятствием для наступающих частей.

Два раза полки поднимались в атаку, но безуспешно.

— Товарищ комдив, давайте пока прекратим атаки и перестроим несколько боевые порядки, — сказал Антонову.

— Что вы хотите предложить, Михаил Иванович?

— Надо перенести направление главного удара с левого фланга на правый и ввести в бой полк Гумерова из второго эшелона.

— Думаешь, лучше получится?

— Уверен. Только надо хорошо организовать взаимодействие между стрелковыми полками и танкистами.

— А мне думается, Гузов лучше брать клещами: с севера полком Пешкова, а с юга полком Гумерова.

— Что ж, это, пожалуй, будет еще лучше. Такой маневр позволит захватить весь гарнизон гитлеровцев в Гузове.

— Тогда, не теряя времени, давайте указания ча-

стям, штабу и немедля готовьте все к действию. Даю на это два часа. Иначе до исхода дня не успеем выполнить намеченный план.

Командир корпуса генерал-лейтенант Рослый одобрил наш план и разрешил ввести в действие второй эшелон. После короткого, но мощного артналета части перешли в наступление.

Самый упорный и длительный бой вспыхнул за опорный пункт Ной-Ланзгов. И только искусный обходный маневр, который подполковник Гумеров произвел двумя батальонами, принудил противника частью сдаться, а частью отступить в тыл.

К концу дня части не только овладели Ной-Ланговом, но, разгромив еще ряд промежуточных опорных пунктов, вышли к оборонительному рубежу Гузов — Вербих.

На этом рубеже нам пришлось задержаться всю ночь. Неоднократные атаки немецких [illegible] успеха не принесли. Уточнив обстановку, я предложил Владимиру Семеновичу атаки временно прекратить, ночь использовать на подготовку, а с рассветом вновь возобновить наступление. Одновременно перенесли НП на южную окраину Ной-Ланзгова.

— Пожалуй, так и сделаем. Только давай-ка поначалу наведаемся в части. Посоветуемся с командирами. На месте-то оно видней будет, как лучше все сделать.

— Хорошо. Надо захватить с собой Кравцева, Коломейцева и разведчика Боровко.

— Штабу дан указание, чтобы по прибытии в Ной-Ланзгов сразу приступали к подготовке утреннего боя. А мы, пожалуй, начнем с Пешкова...

Командира полка Пешкова и его заместителя подполковника Гузова мы застали на наблюдательном пункте. НП был оборудован довольно просто: две неглубокие щели да тройка стрелковых ячеек.

— Ну, как дела, Александр Иванович? — втискиваясь в щель, спросил Антонов.

— Неважно, товарищ комдив, — пробасил Пешков.

— Что, щель тесна? — пошутил я.

— Если бы только это... Тут все дело застопорилось. Сидим вот кумекаем, как фрицев обхитрить.

— Ну и придумали?

— Кажется, да. Впрочем, майор Гушев только что вернулся с передовой. Доложи, Василий Никифорович, комдиву о результатах!

Тушев, заместитель командира полка по строевой, был исключительно находчивым офицером. Каждую боевую задачу он выполнял с большим искусством и умением. Кроме того, Антонов к нему особенно благоволил, как ко всем своим землякам. Тушев был саратовцем.

— Результаты, можно сказать, самые обнадеживающие,— волжской скороговоркой отрапортовал майор.— Я побывал с ребятами километрах в двух севернее Гузова. И думаю, что лучше всего прорываться в этом месте линии обороны: там всего одна траншая, да и та прерывистая. Невдалеке проходит овраг, по которому можно сделать скрытый подход.

— По-моему, резонно,— одобрительно посмотрев на Тушева, сказал Антонов.— А вы что на это скажете, Александр Иванович? — повернулся он к Пешкову.

— Я вот что решил, товарищ полковник. С фронта демонстрировать наступление одной ротой, а главными силами ударить с севера — там, где говорит Тушев,— с последующим выходом в тыл к немцам.

— Что ж, мне кажется, решение разумное. Как думаешь, начальник штаба?

— Я думаю, этот план можно утвердить. Только помните, что Гумеров наносит удар по Гузову с юга. Вам надо хорошенько увязать свои действия с ним и со своим соседом справа.

В 5 часов утра 17 апреля мы начали атаку. Наши действия несколько облегчались тем, что ночью на западную окраину Гузова успели скрытно пробраться батальон И. П. Суровцева из 1052-го полка и батальон Ф. К. Шаповалова из 1050-го. Потому было решено окружать Гузов, а не брать его в клещи, как мы планировали ранее.

И все же бой за Гузов был упорным, жестоким и длительным...

Форсировав реку Альт Одер, несколько наших батальонов ворвались на восточную и юго-восточную окраину города.

Завязалась рукопашная схватка. Чувствуя, что гузовский гарнизон дрогнул под яростным натиском наших бойцов, противник ввел в действие резерв: 27-й авиадесантный полк 9-й авиадесантной дивизии и 3-ю див-

...ию гренадерского артиллерийского корпуса. На опушку ...рощи западнее Гузова выдвинулись самоходки.

Но боевой порыв наших отважных воинов все возрастал. Именно в это время отличился наводчик орудия самоходной установки 337-го отдельного истребительно-...го противотанкового дивизиона старший сержант А. Т. Бибин. Двигаясь за боевыми порядками стрелковых подразделений, он заметил, что за одним из домов укрывается немецкий танк, а перед ним в окопе суетятся пехотинцы. Прикрываясь забором, Бибин продвинулся еще метров на 200 к танку и с первого выстрела воспламенил его. А затем дал самоходке полный ход, давя гусеницами и уничтожая автоматным огнем выскочивших из окопа гитлеровцев.

В конце концов вражеским артиллеристам удалось подбить советскую самоходку. Тогда, выскочив из боевой машины, Бибин и его расчет взялись за автоматы, уложив еще около десятка немцев. А трое гитлеровцев были взяты отважным сержантом в плен. Я подробно рассказал об этом эпизоде потому, что бибинская безудержная удаль и отвага были характерны для многих наших бойцов и командиров.

Были минуты, когда казалось, что противнику все же удастся вырваться из города, а значит, закрепиться где-то на другом рубеже, и тогда — снова бой, снова потери, еще более горькие оттого, что до победы оставалось так немного...

Но командир дивизии В. С. Антонов, штаб дивизии и командиры полков принимали все меры, чтобы не выпустить ни одного гитлеровца из Гузова.

В 7 часов по городу был дан такой мощный артналет, что казалось, ничего живого там не осталось. Подтянули к подразделениям танки.

Батальоны снова начали атаку. Продвижение значительно ускорилось. Танки все глубже и глубже втягивались в город, сжимая кольцо окружения.

Однако неприятель продолжал яростно сопротивляться. Каждый дом приходилось брать штурмом, так как гитлеровцы превратили здания в своеобразные дзоты и доты.

Но пожалуй, самые адски тяжелые бои в этот день выпали на долю батальона Ф. К. Шаповалова. На пути его оказался замок, превращенный немцами в опорный пункт. А слева, с опушки леса, били вражеские само-

ходки. Против них комдив Антонов решил выдвинуть тяжелый танковый полк Мясникова. Получив приказ, танкисты на полной скорости устремились к роще, из которой периодически выбивали серые струйки дыма от выстрелов. Танки на ходу открыли огонь. Три самоходки сразу задымились. У четвертой снарядом сорвало гусеницу, и она бессмысленно закрутилась на месте.

Видя грозно надвигающиеся советские танки, остальные самоходки стали поспешно разворачиваться и уходить в лес.

После ухода самоходок Шаповалову стало гораздо легче штурмовать замок. Пушки Похлебаева, выдвинутые на прямую наводку, враз разбили верхние этажи. Рухнувшие стены похоронили под собой оборонявшихся гитлеровцев. Загремело русское ошеломляющее «ура-а», и батальон бросился вперед.

Засевшие в подвальном этаже немцы сопротивлялись недолго. Несколько пущенных туда гранат заставили их выбросить белый флаг.

Когда замок был взят, шаповаловцы с запада устремились к городу. На правом фланге наступала 6-я стрелковая рота капитана П. С. Рябенко. В квартале, где она продвигалась, внимание бойцов особенно привлек один дом. Он был двухэтажный, каменный, с черепичной крышей. И стоял как-то в стороне от других. Очевидно, здесь жил хозяин замка с многочисленной прислугой.

Как только рота открыла огонь по зданию, из него выскочило с десяток немецких солдат. Скрыться удалось только троим из них, остальные были либо убиты, либо ранены. Заскочив в дом, капитан Рябенко с группой бойцов вдруг застыл на месте, пораженный. Из-под пола доносились слабые женские голоса, взывавшие к ним на родном русском языке: «Родные наши, спасите! Мы — свои, не немцы!» Несколько красноармейцев во главе с лейтенантом Алимовым и командиром взвода Козловым, вооружившись ломами, лопатами и железными прутьями, вмиг проломали в двери огромную дыру. Спустившись в подвал, бойцы начали помогать женщинам выбираться. Всего их было 16. Самой старшей на вид — лет 50, младшей — лет 18—20. Когда их привели к нам на НП, я внутренне содрогнулся: такие они были худые, грязные, оборванные.

— В подвале обнаружили. Русские они. Говорят,

трое суток там сидели,— объяснил сопровождавший их сержант.

— Вы русские? — спросил начподив подполковник П. С. Коломейцев.

— Украинки мы все.

— Откуда с Украины-то?

— Девять нас из Николаева, а семеро из Одессы,— отвечала та, что была постарше.

— А как попали сюда?

— Угнали немцы... Еще в январе 42-го. Схватили, посадили в эшелон и увезли сюда, в неметчину. Будь они трижды прокляты! — У женщин на глаза навернулись слезы.

— А где же вы работали? — спросил я.

— Работали мы все в имении фрау Фишки. Муж ее — какой-то офицер. Потому к ней нас и определили для работы.

— А где же эта преподобная Фишки?

— Удрала в Берлин еще 14 апреля. Как только над Гузовом стали наши самолеты летать, так и удрала сразу.

— А как же вы оказались в подвале?

— Уезжая, Фишки приказала нас запереть там, а через день отправить к ней в Берлин. Но тут такое началось, что немцам было уже не до нас.

— А что это у вас за рубец на шее? — спросил я одну из женщин.

— Фашисты оставили заметку,— горько усмехнулась она.— Когда нас везли в Германию, я и еще несколько девушек пробовали бежать. Но охрана заметила и открыла стрельбу. Многих убило, а я отделалась этим. Да и здесь тоже было не слаще. Эта фрау Фишки — настоящий зверь. Без плетки к нам не выходила.

Я сейчас очень сожалею, что не записал тогда фамилий этих женщин, перенесших столько мытарств в фашистской неволе. Возможно, они, вернувшись в свои родные города — Николаев и Одессу,— до сих пор живут там и откликнутся, прочитав эти строки? После того как мы их накормили, женщины сразу нашли себе дело: стали перевязывать раненых. А потом их отправили в Кюстрин.

Чтобы быстрее покончить с гитлеровской группировкой в Гузове, Гумеров ввел в 10 часов в свой резерв две роты 3-го стрелкового батальона. Усилили натиск

и другие подразделения полков. Полковник Казанцев дал еще один короткий артналет. Дело шло к окончательной развязке. В 11 часов цепи красноармейцев, а с ними и танки показались уже в центре города. Стрельба стала стихать, а затем и совсем прекратилась. Город Гузов, являвшийся одним из важных узлов немецкой обороны, пал. Рухнул один из барьеров на пути 5-й ударной армии к Берлину.

В бою за Гузов противник потерял убитыми 1030 солдат и офицеров, 228 гитлеровцев было взято в плен. Подожжено и захвачено 27 танков, 3 САУ, 83 автомашины, много различного вооружения.

Особое командирское мастерство и личную смелость проявили в этом бою командиры 1-го и 2-го стрелковых батальонов 1052-го стрелкового полка майор П. В. Сударенков и Герой Советского Союза капитан В. А. Емельянов; командиры батальонов 1050-го стрелкового полка майор Ф. К. Шаповалов, майор М. П. Бочков, командиры рот И. П. Яковлев, П. С. Рабенко, В. Ф. Спрош, А. М. Мальков. Нельзя не сказать несколько слов и об артиллеристах 823-го [illegible] батареи капитане Сухомлинове, командире взвода 9-й батареи младшем лейтенанте Г. П. К[illegible] командире орудия 7-й батареи старшине М[illegible] Выдвинув свои орудия в боевые порядки пехоты, они прямой наводкой разрушили более 20 [illegible], которых обороняясь гитлеровцы. М[illegible] Клочков остался один у орудия, был [illegible] ранен, но продолжал вести огонь, пока не скончался у лафета.

Иначе складывался бой на участке полка Радаева. Первая атака его батальонов на Вербих была отбита. Кроме того, к 8 часам из штаба дивизии сообщили, что западнее села отмечено большое скопление танков противника, возможна его контратака с этого направления.

— Поезжай, Михаил Иванович, к Радаеву,— приказал мне Антонов,— и помоги разобраться в обстановке. Возможно, подбросить туда кое-что придется.

Наблюдательный пункт подполковника Радаева располагался на склоне железнодорожной насыпи. Подходы к нему простреливались, и мне пришлось метров 200 ползти по-пластунски.

Не успели мы с Радаевым перебросться несколькими словами, как более двух десятков «тигров» и несколько самоходок вышли из укрытий и взяли курс на

3-й батальон полка... За танками вскоре показались и цепи немецких автоматчиков.

— Приготовиться к отражению танков! — раздались команды. Теперь уже было видно, что острие танкового удара придется на роты старшего лейтенанта Коваля и лейтенанта Власова.

— Смотри, смотри, а что это за люди побежали вперед? — воскликнул я, заметив, как пятеро бойцов выскочили из окопа и устремились навстречу вражеским машинам.

Радаев схватил телефонную трубку, резко крутанул индуктор и начал сердито вызывать:

— Коваль, Коваль...

Но Коваль не отвечал: вероятно, был перебит провод.

Бойцы продолжали бежать, иногда они падали, но тут же вскакивали и снова устремлялись вперед. Когда между ними и вражескими танками оставалось не более 300 метров, рядом с бойцами вдруг разорвалось несколько мин. Все заволокло пылью и дымом. Стреляя на ходу, немецкие танки резко увеличили скорость. Вот они уже поравнялись с тем местом, где настигли бойцов разрывы мин. Казалось, еще рывок — и «тигры» раздавят наши роты.

Но в этот миг в гуще танков взметнулись кверху пять столбов дыма. «Тигры» сразу же сбавили ход, а три из них беспомощно закружились на месте.

— Молодцы, молодцы! — закричали в окопах солдаты.

— Товарищ полковник, из роты Коваля сообщают, что это старшина Абакаров со своим отделением гранатами бьет,— доложил связист, успевший исправить телефонную линию.

А среди немецких танков продолжались взрывы. Еще две вражеские машины были охвачены огнем... За 15 минут боя отделение Абакарова подбило 5 танков и 1 самоходку, причем сам Абакаров уничтожил 3 фашистских танка. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще более поразительный случай произошел на участке 1-го стрелкового батальона этого же полка. На позицию отделения противотанковых ружей младшего сержанта В. А. Скрябина устремлялись 7 «тигров» и 2 бронетранспортера.

Василий Александрович Скрябин был опытным бронебойщиком. Особенно «везло» ему на «тигры». Еще на Огерском плацдарме в одном из боев он подбил три «тигра». А когда перед его окопом показались еще 20 немецких танков, Скрябин подозвал находившегося поблизости радиста батареи А. М. Галка и приказал ему вызвать огонь артиллерии на себя. Атака немецких танков была отбита. В. А. Скрябин за это был награжден орденом Красного Знамени.

Вот и на этот раз прославленный бронебойщик спокойно ждал приближения вражеских боевых машин. Подпустив их почти вплотную, Скрябин, тщательно прицелившись, сделал из своего ПТР один за другим десять выстрелов. Они были так удачны, что он даже приподнялся над бруствером окопа, не веря своим глазам. Четыре «тигра» и бронетранспортеры неподвижно застыли на месте, все сильнее затягиваясь клубами черного дыма.

Не менее нашего бронебойщика [illegible] и вражеские танкисты. Быстрота [illegible] нескольких машин так потрясла их, что, когда бойцы отделения Скрябина подбили еще два танка, [illegible]вцы стали выскакивать из люков и разбегаться [illegible] стороны. Вид удирающих врагов подчеркнул Скрябин. С криками «ура!», «за Родину!» он [illegible] и кинулся в погоню за вражескими [illegible], бросая на ходу гранаты. Уже более десяти [illegible] уничтожено бесстрашным сержантом, когда [illegible] в десяти от него с оглушительным [illegible] мина. Правая рука героя повисла плетью, [illegible] раненому в клочья рукаву гимнастерки [illegible]. Силы быстро оставляли его, но он упрямо продолжал бежать вперед.

Тут Скрябин увидел, что [illegible] левой руке зажата граната. Собрав остаток сил, он [illegible] метнул ее, но при этом не удержался на ногах и плашмя упал на землю. Но какой-то мощный неудержимый порыв продолжал толкать его вперед. И он, опираясь на локоть здоровой руки, пополз дальше, хрипло шепча пересохшими губами: «Бей гадов! Так их, ребята! И за мою руку не забудьте!», пока силы вконец не оставили его и он не застыл недвижно на месте.

Когда его нашли санитары и, уложив на носилки, понесли в медсанбат, жизнь еле теплилась в нем...

Этот подвиг Василия Александровича Скрябина был увенчан Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Воодушевленные бесстрашием своих товарищей, два батальона радаевского полка бросились в атаку. Отрезав от танков немецкую пехоту, советские воины на ее плечах ворвались в Вербих. Ворота к Берлину для наших войск еще более расширились. По сути дела, была прорвана вторая полоса обороны врага.

Когда бои за Гузов и Вербих закончились, на НП дивизии приехал командир корпуса генерал-лейтенант Рослый со своим начальником политотдела полковником В. Т. Помиповым и начальником оперативного отделения С. С. Прагой.

Осмотрев поле боя, Рослый, улыбаясь, сказал:

— Вы, товарищ Антонов, устроили здесь немцам что-то вроде маленького «котла». Молодцы! Благодарю вас и всех воинов вашей дивизии за этот бой.

— Служим советскому народу! — подтянувшись, весело отрапортовал Антонов. — Постараемся впредь делать им «котлы» побольше.

4

После очищения от противника Гузова и Вербиха в сражении наступила короткая пауза. Гитлеровцы поспешно отступали. В наших частях началось перемещение огневых позиций, наблюдательных и командных пунктов. Собрались к переезду на новый НП и мы. Все, казалось, было тихо и спокойно. Но едва мы успели сесть в машины, как Радаев доложил по рации, что он приступил к штурму вражеского узла обороны, расположенного на одной из высот, километрах в трех западнее Гузова. Поэтому мы с комдивом сначала решили побывать у него. Однако, отъехав километра два, наткнулись на Пешкова. По обстановке на наблюдательном пункте, по действиям связистов было видно, что он собрался перемещаться, но почему-то мешкал. И теперь его полк оказался во втором эшелоне.

Александр Иванович не сразу заметил нас. Склонившись к телефонному аппарату, он, надрываясь до хрипоты, кричал:

— Не хочет — отправить силой. Под конвоем!

Антонов и я переглянулись, удивляясь необычно резкому тону командира полка.

— Кого это вы, Александр Иванович, собираетесь отправлять под конвоем? — спросил Антонов.

Услышав голос комдива, Пешков живо обернулся и с возмущением начал докладывать:

— А что же вы прикажете делать, товарищ комдив? Это опять капитан Блошкин выкидывает фортели. Вел сейчас в атаку роту. Ранило его. Послал за ним врача, а он наотрез отказался эвакуироваться. Без него, видите ли, могут в Берлин прийти...

— Ну это, конечно, безобразие,— скрывая улыбку, поддержал Антонов командира полка.— Эвакуировать обязательно.

— А ранение серьезное? — спросил я.

— Тяжелое. Да он давно им счет потерял. И как дело доходит до эвакуации — всегда до белой горячки доводит...

В это время на НП привели очередную партию пленных. Их было человек 50. Грязные, оборванные, измученные, они еле держались на ногах. Большинство без головных уборов. Много раненых. Трех из них несли на носилках, а человек восемь вели под руки. Конвоировали пленных два крепыша бойца из разведроты дивизии.

— Из каких частей эти вояки? — спросил я старшего конвоира.

— Говорят, товарищ полковник, какие-то «парадные гренадеры». Наверное, те, что на Красной площади в Москве собирались маршировать.

— Не похоже.

— А кто их знает. Сейчас они так заларшивели, что и не узнаешь, какими были раньше. Ну да ладно. И так сойдет. В Москве ведь им теперь все равно не маршировать, а вот что мы за них в Берлине нагарцируем — это уж точно,— улыбнулся боец, поправляя на груди автомат.

При опросе большинство пленных действительно назвалось гренадерами 408-го парадно-гренадерского артиллерийского полка.

Мы были еще в пути, когда подполковник Радаев сообщил, что опорный пункт взят и полк продолжает продвижение на Берлин. О подробностях этого боя рассказал вскоре встретившийся нам подполковник Коломейцев, возвращавшийся из радаевского полка.

Два раза поднимал Радаев своих бойцов в атаку на злополучную высоту. И все безрезультатно. Под ливне-

вым огнем противника цепи продвинулись вперед всего лишь метров на сто, понеся немалые потери в живой силе и технике.

Солнце уже клонилось к закату, когда Радаев стал готовить третью атаку. Отдавая по телефону приказание командирам подразделений, комполка вдруг увидел бежавшего к его окону замполита 2-го батальона капитана Н. М. Полюсука.

— Лезь в окоп быстрее, капитан! — строго крикнул Радаев.— Сейчас только здесь одного ранило. Не видишь, как поливает!

Капитан кубарем скатился в окоп.

— Товарищ подполковник,— с трудом переводя дыхание, проговорил он, вытирая рукавом гимнастерки вспотевший лоб.— Разрешите мне с группой бойцов уничтожить дзот на высоте. Иначе атака опять может захлебнуться. Головы не дают поднять, сволочи.

— Разрешите, разрешите, — с сердцем повторил Радаев.— А кто будет за тебя в батальоне? Дядя, что ли? Думаешь, ты первый с такой просьбой? Пятый уже...

— Товарищ подполковник, разрешите все же мне,— продолжал настойчиво П[illegible].— Мне думается, я лучше других справлюсь с этой [illegible]. Подходы к дзоту я изучил, знаю, где можно [illegible] подобраться... Слово офицера, что самое большее через полчаса дзот будет уничтожен.

— Вы, капитан, так рисуете дело, будто там не дзот с пулеметами, а навозная куча. Подошел, швырнул ногой, и все разлетелось,— ворчливо заметил Радаев и неожиданно добавил: — Ну, ладно, действуй, капитан. Подбери в группу побольше толковых, расторопных комсомольцев. Знаю, в вашем батальоне их много. Желаю удачи!

Мало кто даже из наших бойцов заметил, как группа Полюсука сделала стремительный бросок и скрылась в кустарнике на склоне высоты. Но противник, очевидно, что-то усмотрел и, всполошившись, накрыл это место минометным огнем.

— Бросок надо, еще бросок! — с досадой крикнул Радаев, будто его могли услышать те, кто был в кустарнике.

Когда разрывы мин стихли, минут пять держалась тревожная тишина. Группа Полюсука ничем не обнаруживала себя.

— Вот тебе и выполнил задачу,— тихо проговорил Радаев, пристально наблюдая за кустами, все еще окутанными синей дымкой разрывов.

— Не может быть, чтобы все погибли,— успокаивающе заметил заместитель командира полка по политчасти майор Л. А. Мотодов. Но по его нервно теребящим ремешок бинокля пальцам было видно, что ему тоже не по себе.

— Дайте артналет по высоте! — приказал Радаев начальнику артиллерии.

Едва начали рваться наши снаряды, как майор Мотодов радостно закричал:

— Смотрите! Смотрите! Вот же они!

Все начали всматриваться. И действительно, из кустов в размытый неподалеку весенними водами овражек один за другим переползали бойцы Полюсука. Затем они снова на несколько минут пропали из виду. И снова тревожные мысли охватили командира полка и его заместителя.

И вдруг почти у самого дзота словно из-под земли выросла вся полюсуковская группа и, бросая гранаты, с криком «ура» кинулась к дзоту.

Капитан Полюсук с пистолетом в правой руке и с красным флагом в другой бежал впереди всех. Гранаты рвались уже у самых амбразур [illegible] пулеметы замолкли.

Заметив развевающийся на высоте флаг, в атаку бросился весь полк. Противник бежал. И вдруг у самых ног Полюсука разорвался вражеский снаряд. Дым на секунду скрыл фигуру отважного капитана. Когда бойцы взбежали на высоту, Полюсук лежал у дзота, сжимая одной рукой древко флага. Его начали поднимать, но капитан был уже мертв. Так ценой своей жизни капитан Полюсук обеспечил дальнейшее продвижение полка к Берлину. Запомни, Родина, этот яркий подвиг одного из твоих верных сынов.

5

19 апреля наша дивизия подошла к оборонительной полосе, сооруженной немцами вблизи города Букова. Это был относительно небольшой городок с населением около десяти тысяч человек. С востока его опоясывал сосновый лес, а с запада вплотную подходили два озера: Шермютцель-Зее и Грасс-Тарнав-Зее.

Опросом пленных было установлено, что город обороняют 51-й мотополк 18-й танково-гренадерской дивизии, танковый батальон и несколько подразделений 9-й воздушно-десантной дивизии.

Учитывая, что все эти подразделения сильно потрепаны, а танки не имеют запаса горючего и боеприпасов, мы решили брать Буков силами только одного стрелкового полка, усиленного танками и артиллерией. Остальные части наметили направить в обход города с севера, создавая этим угрозу окружения оборонявшим Буков частям и одновременно продолжая общее продвижение вперед.

Приняв такое решение, командир дивизии направился в части, наступавшие в обход, а мне приказал выехать к Пешкову и помочь ему в организации штурма Букова.

Подполковника Пешкова я нашел на опушке леса северо-восточнее Букова. Стоя на одном колене и укрываясь за стволом огромной сосны, командир полка внимательно смотрел в бинокль на город.

Рядом лежали на земле майор Полежаев и замполит артполка майор Цуцкеридзе. Они тоже с таким вниманием смотрели в сторону Букова, что не сразу заметили меня.

— Привет, орлы! — громко сказал я. — Вас Буков словно загипнотизировал.

— Товарищ полковник! — приложил руку к фуражке Пешков.

— Подожди с докладом, дай мне тоже немного осмотреться.

Буков был виден отсюда как на ладони. Крыши невысоких домов ярко блестели на солнце. Узкие улицы перегорожены противотанковыми «ежами». По всей окраине тянулась проволочная изгородь.

— Как ты считаешь, Александр Иванович, где больше всего укреплений? — спросил я.

— Мне кажется, на восточной окраине.

— Как вы решили действовать?

— Я решил атаковать город с севера и востока. Перед началом атаки дам десятиминутный артналет.

— С севера, я согласен, а вот с востока — нет. Вы же сами сказали, что у противника здесь больше укреплений. К тому же там, как видите, проходит ручей с крутыми берегами. По-моему, главными силами надо атаковать с севера, как вы и намечали, а один батальон пусть с

с востока. Можно посадить его на танки. Выход этого батальона к южной окраине Букова отрежет противнику пути отхода в юго-западном направлении. Так?

— Так, пожалуй, лучше будет,— подумав, согласился Пешков.

— Ну, а как вы, Константин Захарович, предполагаете использовать вашу артиллерию? — спросил я Цуцкеридзе.

— В основном на прямую наводку. Условия местности подходящие,— ответил майор.

...Атака началась в 16 часов. Артналет продолжался всего пять минут. Затем командир полка подал сигнал, и батальоны, развернутые в цепи, вместе с танковыми ротами ринулись к городу.

Вначале все шло успешно, но метрах в 200 от первых городских строений противник значительно усилил пулеметный и артиллерийский огонь. Подразделения залегли. Три наших танка были подбиты. Тогда по приказу майора Цуцкеридзе артиллеристы выкатили две батареи 122-миллиметровых гаубичных орудий на прямую наводку и подавили огневые точки врага. Батальоны снова двинулись вперед.

И вот, когда до крайних домов города оставалось сделать всего один бросок, из-за укрытий вышли вражеские танки и контратаковали с фланга 2-й батальон. Произошла заминка. Батальон начал разворачиваться, тем самым подставляя другой фланг под пулеметы врага. Подбиты были наша противотанковая пушка и еще один танк. Ободренная успехом своих танков, появилась и немецкая пехота.

Но тут прогремел мощный залп наших гаубиц, и запылали сразу четыре «тигра». Остальные немецкие танки поспешили дать задний ход и скрыться в городке. За ними последовала и вражеская пехота.

Оба наших батальона с танками ворвались в город.

...Примечательный случай произошел на участке 1-го батальона, который наступал на южную окраину Букова. Подавив огневые точки врага, бойцы подобрались вплотную к окраинным домам. Но тут из окон одного кирпичного толстостенного дома открыли огонь сразу три фашистских крупнокалиберных пулемета, и роты залегли.

— Разрешите, товарищ майор, мне с пулеметчиками расправиться,— обратился к комбату командир взвода

45-миллиметровых орудий младший лейтенант Турсункулов.

— Действуй,— согласился майор Суровцев.

Через несколько минут Турсункулов выдвинул свои пушки впереди пехоты. Укрываясь за щитами орудий, расчеты все ближе и ближе подкатывали пушки к дому, откуда, не переставая, строчили пулеметы. Турсункулов был ранен, но продолжал вместе с бойцами катить орудия, громко подбадривая их:

— Еще вперед! Еще немного вперед, товарищи!

Когда до здания осталось метров сто, Турсункулов подал команду: «Огонь!»

Шесть разрывов прогремели один за другим. Из окон повалил густой дым, и пулеметы смолкли...

Через час Буков пал. Гарнизон города сдался в плен. Командующий армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин вызвал к телефону Антонова:

— Какой полк, товарищ Антонов, брал Буков?

— Полк Героя Советского Союза Пешкова,— ответил Антонов.

— Передайте командиру и всему личному составу этого полка мою благодарность за умелые и храбрые действия. Желаю им новых успехов в боях за Берлин.

Оставив Буков, противник заминировал ряд домов минами замедленного действия, которые взрывались через четыре-пять часов после их установки. В связи с этим командующий армией запретил размещение войск, штабов и других учреждений в Букове и других неразведанных и неразминированных населенных пунктах. Этот приказ командарма наша дивизия строго выполняла. Поэтому за всю Берлинскую операцию мы не потеряли ни одного человека от взрывов в заминированных немцами зданиях.

6

Подразделения дивизии продвигались вперед. Мне пришлось вернуться в Гузов, чтобы проследить за тем, как подтягиваются штаб и тылы дивизии. Убедившись, что все идет по плану, я стал догонять передовые части, за которыми следовал наш НП.

День клонился к вечеру. Ласковое весеннее солнце скользило лучами по верхушкам старинных сосен, остро-

...рытым крышам домов. Хотя шум боя отодвинулся далеко вперед, воздух все еще был густо насыщен гарью, которая резала глаза, сушила рот. Я закашлялся и махнул шоферу рукой. Тот увеличил скорость. По обочинам дороги замелькали стволы все тех же высоченных сосен.

...Еще издали я понял, что впереди что-то случилось. На обочине шоссе под старой сосной стояли носилки. Антонов, нахмурив брови, ходил взад и вперед по дороге. Рядом с носилками, без пилоток, опустив головы, стояли подполковник Коломейцев, командир артиллерийского полка подполковник Похлебаев и адъютант Антонова лейтенант В. Н. Исупов.

Остановив машину, я подошел к Антонову:

— Что случилось?

Владимир Семенович ничего не ответил. Он только кивком головы показал на носилки.

Взглянув туда, я оцепенел. На носилках лежал майор Цуцкеридзе.

— Что с ним?

— Убит.

— Убит? — не веря, переспросил я. Все подавленно молчали. Я снял фуражку и долго смотрел на безжизненное тело Цуцкеридзе. Его красивое мужественное лицо было словно неподвластно смерти. Четко вырисовывался тонкий нос с горбинкой, темнела узкая полоска усов над верхней губой. Выражение лица оставалось таким же легким и спокойным, как и при жизни.

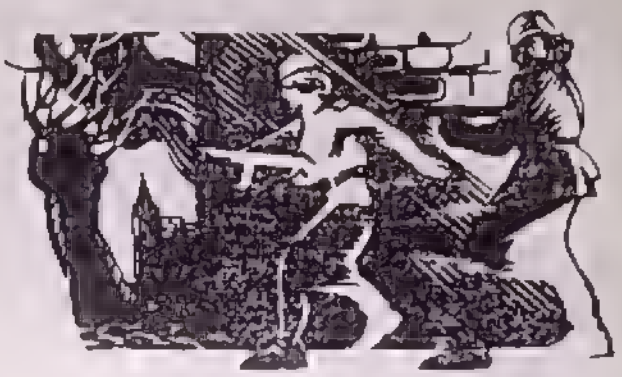
— Расскажите, Павел Саввич, как все это произошло? — тихо попросил я подполковника Коломейцева.

— Он находился в головной батарее дивизиона. Втянулся в этот лес. Стрелковые батальоны прошли вперед и вели бой уже на подступах к Штрауэбергу. Вдруг из лесу на дорогу выскочило около двух рот немцев и бросилось в атаку на батарею. Цуцкеридзе приказал расчетам развернуть орудия и открыть беглый огонь. Первая атака была отбита. Но лес мешал артиллеристам вести точный огонь. Тогда Цуцкеридзе, оставив по одному человеку у каждого орудия, повел остальных в атаку. Немцы бежали. Но тут очередь из автомата... И вот Константина Захаровича уж нет средь нас,— с тяжелым вздохом заключил Коломейцев.

Я вновь посмотрел на убитого. Майор Цуцкеридзе был одним из ветеранов дивизии, прошел с ней тяжелый

путь от Кавказа до Берлина. Много славных дел артиллерийского полка было связано с его именем.

Последний подвиг майора Цуцкеридзе был отмечен Золотой Звездой Героя Советского Союза.



КАРЛСХОРСТСКИЕ ЭПИЗОДЫ

1

Чем ближе наши войска подходили к вражеской столице, тем сильнее возрастал [illegible] в боевых действиях, причем то и дело происходили такие боевые эпизоды, которые почти не встречались в прежних сражениях дивизии.

21 апреля жаркий бой вспыхнул на железной дороге Штрауберг — Херцфельде. Немцы рассчитывали остановить тут хотя бы на время наступление наших частей, чтобы дать возможность подойти своим резервам из Берлина. Но их расчеты были опрокинуты стремительным броском советских войск, с ходу овладевших полотном железной дороги и вышедших в район Альт-Ландсберга — последнего предместья Берлина в полосе наступления нашей дивизии.

Я позвонил в 1054-й стрелковый полк. К телефону подошел подполковник Радаев.

— Что нового, Николай Николаевич? — спросил я.

— Понимаешь, тут перебежчики ко мне пришли... Русские немцы.

— Как это русские немцы?

— Так они сами представились. Одеты в гражданское, говорят по-русски чисто. Просят, чтобы быстрее их отправили в штаб корпуса или хотя бы дивизии. Там,

[illegible] все расскажем, что интересует командование Красной Армии.

Тогда направляй их быстрее к нам.

Через час оба перебежчика уже стояли передо мной. Один был совсем еще юноша. Высокий, с длинными руками и белыми, как лен, волосами. Второй уже в годах, невысокого роста, с бледным, болезненным лицом и перекошенным левым плечом, по-видимому, после какого-то увечья.

— Вы что, немцы? — спросил я.

— Немцы, но русские,— ответил молодой.— Моя фамилия Гейт. Служил я в шестьсот шестом пехотном полку четвертой пехотной дивизии.

— Какой же вы русский, если воевали с фашистами против своих соотечественников?

— Не воевал я. Меня силой забрали. Родился я и вырос в России, в Одесской области, в Варнавском районе. Когда немцы оккупировали нашу область, всех немцев нашего села, в том числе и меня, угнали в Германию. Было мне тогда всего тринадцать лет. Здесь, в Германии, я работал на разных заводах. А [illegible] Красная Армия начала наступление с Одера, [illegible] и других подростков и стариков, забрались [illegible] попал в четвертую пехотную дивизию. Вчера [illegible] бросили в бой. Но я отстал, спрятался в [illegible], переоделся в гражданское, а с наступлением [illegible] пробираться к советским войскам. И вот я у [illegible]. Воевать на стороне фашизма сражаться я не хочу.

— А ваша как фамилия? — спросил я второго.

— Моя фамилия Венк, Герц Ве[illegible]. Я тоже русский немец. Родился и жил в городе Энгельсе на Волге, а потом в селе Безымянка. Оттуда был призван в Красную Армию, в шестьдесят третий стрелковый корпус. В бою под Жлобином меня тяжело ранило, и я оказался в плену. Около года лечился, но левая рука так и осталась как палка. Я тоже не хочу сражаться за фашистов.

В разговор вновь вступает Гейт.

— Сейчас многие немцы стараются уклониться от призыва в армию. А для этого лучше всего перебежать к вам. Геббельс стращает всякими ужасами, которые ждут немцев у русских. Но этому мало кто верит, особенно мы, выросшие в России.

Гейт был прав. После взятия Гузова все больше немцев оставалось в своих домах. С приходом наших войск [illegible]

они вывешивали белые флаги и даже сами старались одеться в белую одежду.

— А что вам известно о расположении главных сил фашистов, их штабах и оборонительных рубежах? — обратился к перебежчикам начальник разведки дивизии майор Боровко.

Гейт сообщил, что главный оборонительный рубеж Берлина проходит по линии Хенов — Дальвиз — Хаппергартен. Улицы в городе перегорожены стальными противотанковыми «ежами» и надолбами. Есть оборудованная позиция на линии Зеберг — Нойенхаген.

— А где больше всего сосредоточено войск?

— По-моему, в Карлсхорсте. Там даже имеется аэродром.

— И много там самолетов? — спросил я.

— Около полусотни. Правда, часть из них повреждена. Одни без плоскостей, другие без колес. Но много есть и исправных, даже летчики в кабинах сидят.

— Ну, а вы, Венк, что скажете?

— Я видел мало. В Берлине нас в центр не пускали. Там находятся особые войска, самые преданные Гитлеру. Они охраняют правительственные здания и все центральные кварталы. Но видел своими глазами, как саперы готовили к взрыву мосты через Шпрее и Ландвер-канал.

...Наступила еще одна военная ночь. Бой на участках полков начал стихать. На передовую осторожно продвигались кухни с обедом, машины с боеприпасами. Из частей посыльные несли пакеты с боевыми донесениями и оперативными сводками. Офицеры штаба готовили оперсводку в штаб корпуса.

Только хотел было я с часок отдохнуть, как из штаба армии и корпуса приехала группа офицеров во главе с полковником. Полковника я знал мало. Знал, что он прибыл в войска перед самой Берлинской операцией из академии. Там он, по рассказам Антонова, проработал много лет преподавателем тактики и сейчас прислан для приобретения боевого опыта на должность заместителя командира корпуса.

Я пригласил его на ужин. Полковник оказался интересным собеседником. Он был очень эрудированным в военном отношении человеком. Поделился некоторыми

соображениями о планировании боя. Я, в свою очередь, рассказал о некоторых случаях из своей штабной практики. И вот между разговором полковник неожиданно спросил меня:

— В штабе корпуса все говорят, что вы со своим комдивом очень дружны и не просто дружите, а любите друг друга?

— Что ж, это действительно так. Я с большим уважением отношусь к Владимиру Семеновичу. Его действия как командира дивизии, мне думается, могут служить для других во многом образцом.

— В каком это отношении?

— Во всех...

— А мне говорили, что он резок, не очень разговорчив и не выносит офицеров из высших штабов, прибывающих в дивизию для контроля и проверки.

— Все это, мягко говоря, не соответствует действительности. Конечно, таких командиров, как Антонов, у нас в армии много. Но он один из лучших. Всю войну Владимир Семенович на передовой. Одинаково требователен и к подчиненным и к себе. Качество весьма привлекательное в командире. Не так ли? Ну, что еще? Солидная военная подготовка. Кроме пехотного училища — Академия имени Фрунзе. Добавьте сюда еще четырехлетний военный опыт. И что особенно мне нравится в нем как в военачальнике — это отсутствие шаблона в принимаемых боевых решениях. Академические методички для него лишь канва, в которую он облекает творческую инициативу и поразительную военную интуицию...

— Ну, брат, будь я командиром дивизии, то не желал бы для себя лучшего начальника штаба. Вон ведь как разрисовал своего командира,— с улыбкой заметил полковник.— Я, конечно, шучу. Между прочим, командир корпуса Иван Павлович Рослый точно такого же мнения об Антонове.

На этом наша беседа закончилась. Мы расстались с ним друзьями.

22 апреля дивизия вступила в бой с самого раннего утра. Боевой порыв наших воинов был неудержим. Всем хотелось быстрее выйти к сердцу фашистской империи — рейхстагу. Накануне в дивизии была выпущена листовка, составленная инструкторами политотдела капитанами Иваном Ефимовичем Лопатиным и Франсом Марковичем Вилинским. Вот ее дословный текст:

«Товарищи красноармейцы и командиры 301-й стрелковой дивизии! Вам, воинам Советской России, нужно помнить, что русские войска в третий раз входят в Берлин. Первый раз прусская столица Берлин капитулировала перед русскими воинами в 1760 году в Семилетнюю войну. Тогда нами была наголову разбита армия Фридриха II. В те дни всю Европу облетела крылатая фраза генерал-фельдмаршала П. Шувалова: «Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно». В качестве трофея командующий русскими войсками взял ключи от ворот Берлина.

В феврале 1813 года русские гренадеры генерала Чернышева, преследуя французские войска Наполеона I, отступавшие под натиском русской армии из России, заняли Берлин и освободили его из-под владычества Наполеона.

И вот доблестная Красная Армия, умножая славу русской армии, вновь ворвалась в Берлин не для завоевания его, а для уничтожения фашизма, мечтавшего уничтожить народы Советского Союза и покорить весь мир. Сегодня мы во всеуслышание говорим: «Тянулся Гитлер из Берлина к Москве, но не дотянулся, мы же, советские войска, из Москвы пришли в Берлин...»

Дорогие наши храбрые воины! Сегодняшний день для нас особенный не только тем, что мы вошли в столицу врага. Но еще и тем, что в этот день 75 лет назад родился великий вождь пролетариата, основатель первого в мире советского социалистического государства, создатель великой большевистской партии — Владимир Ильич Ленин. Отметим же этот день новыми боевыми подвигами».

Когда капитан Лопатин показал мне эту листовку, меня удивила точность исторических дат и событий.

— Вы что, заранее материал подготовили? — спросил я.

— Нет. Кое-какие заметки у меня были. Но главное извлек из своей памяти капитан Вилинский. Он же у нас «ходячая энциклопедия». Чертовская у него память. Я уже зачитал листовку Антонову. Он приказал немедленно передать ее по телефону в части. Говорят, что это здорово подхлестнет боевой дух бойцов.

Через час содержание листовки действительно знали уже во всех ротах. Командиры, политработники, парторги, комсорги и агитаторы записывали у телефонов ее

...з блокноты, на листки бумаги и бежали к бойцам на позиции. Так листовка передавалась из взвода во взвод, из расчета в расчет, из экипажа в экипаж. Больше всего она подействовала на артиллеристов. Ведь они видят всегда дальше других — на дальность артиллерийского выстрела. И с их точки зрения Берлин был совсем рядом. Командующий артиллерией Н. Ф. Казанцев и командир артполка Г. Г. Похлебаев стали просить комдива дать залп по рейхстагу.

— А достанете? — недоверчиво спросил Антонов.

— Достанем, товарищ полковник! Как пить дать достанем...

— Ну что ж. Действуйте! — согласился комдив. — Только учтите: снарядов нам еще много понадобится...

Грохнули пушки. И сотни снарядов унеслись в сторону фашистской столицы. На каждом из них белой краской было заранее написано: «В логово врага», «Гостинец Гитлеру», «Этот — прохвосту Геббельсу» и т. п. Конечно, не все они долетели до рейхстага. Большинство упало где-то в центре города. Однако наши артиллеристы выглядели в этот день прямо-таки именинниками. И били они по огневым точкам и зданиям, где засели гитлеровцы, еще точнее и лучше, чем раньше, сопровождая каждый выстрел солдатскими прибаутками в духе тех, что были написаны на снарядах, — по главному логову врага. А может, и еще похлеще — на раскатистым орудийным гулом можно было не стесняться и выражать свою ненависть и презрение к врагу в любой доступной тебе форме.

2

В полдень привели человек 20 пленных. Группа была настолько разношерстной, словно немцы специально подобрали в ней все свои призывные и непризывные возрасты: одни — совсем еще зеленые юнцы в мешковатой, не по росту форме, другие — старики с грязными седыми волосами и серыми от окопной жизни морщинистыми лицами. Картина, надо сказать, весьма характерная для конца войны. Поэтому мое внимание сразу привлек один из пленных — рослый, широкоплечий, с упитанным красным лицом. Он словно бы не имел никакого отношения к своим изможденным, понурым товарищам.

— Вот это бычок! — с шутливым удивлением вос-

кликнул стоявший рядом со мной подполковник Коломейцев.

— Товарищ полковник! — обратился ко мне конвоировавший пленных сержант из разведроты 1050-го полка.— А знаете, кто этого бычка, так сказать, отбил от фашистского стада? Капленко...

— Витя Капленко? — удивился на этот раз и я.

— Так точно, Витя Капленко. Сын нашей дивизии...

Витя Капленко пристал к нашей дивизии при освобождении Донбасса. Было ему тогда лет 12. Родителей мальчик потерял где-то при эвакуации, голодал, бродяжничал, пока его не подобрали наши бойцы. Антонов приказал зачислить его сыном дивизии, а разведчикам строго наказал оберегать мальчика в боях. Витя быстро освоился в дивизии и в своем еще незрелом возрасте часто проявлял вполне зрелое воинское мужество. Он с большим старанием и находчивостью исполнял обязанности связного командиров рот и батальонов. В боях за освобождение Молдавии был тяжело контужен. Месяц лечился в госпитале. Потом снова вернулся в строй. В Висло-Одерской операции им были захвачены два шпиона, переодетых в форму советских воинов.

Потом, при встрече с Витей я [illegible] любопытствовал, как ему удалось захватить такого здоровенного языка.

— Та нычого особливого, товарищ полковник, нэ було,— смущенный вниманием к нему начальника штаба, сказал Капленко.— Шел я с донесением из батальона в штаб полка. Держусь ближе до заборив, чтоб эти гадюки не заметили. Вдруг бачу, з одному викни хто-то пробиг. «Э, бисова душа, думаю, ось ты дэховаешься!» Пидекочив до входной двери, распахнув та як гаркну що було сылы: «Хенде хох!» И пальнув из автомата. Бачу, этот бугай пидымае руки, а сам трясеться, наврод-ди перед ным полк стоить, а нэ одын хлопец. А може, вин думав, що за дверью ище хто есть. Ну, пока вин нэ очухався, кажу йому: «Биттэ дритэ!» — и на двери киваю. Вышлы мы, а тут розвидныкы младшого лейтенанта Фретисова пидийшлы. Воны и одвелы його в штаб.

Пленного допрашивал начальник особого отдела майор Д. К. Курчевский. Он рассказал мне, что наши подозрения относительно этого разъевшегося не по военному времени фашиста полностью подтвердились. Он оказался оберст-лейтенантом, начальником небольшого концлаге-

[illegible] захваченного нашими бойцами в лесу, километрах в шести от Берлина, и был опознан бывшими узниками этой фабрики смерти.

Передовая позиция немцев на рубеже Зеберг — Нойенхаген оказалась не такой уж прочной, как о ней сообщали пленные. Перебежчик Гейт правильно сказал, что позиция оборудована неплохо, но занимающие ее подразделения деморализованы и в боевом отношении мало чего стоят. Действительно, едва 1050-й и 1052-й стрелковые полки после короткого артналета пошли в атаку, как часть оборонявшихся немцев бросилась наутек в тыл, а часть побросала оружие и сдалась в плен.

Труднее пришлось нам с прорывом оборонительного рубежа Хенов — Дельвиц — Хаппергартен. Его оборонялась фольксштурмовская дивизия «Берлин». План боя мы составили следующим образом. 1052-й стрелковый полк штурмовал железнодорожную станцию Дельвиц, 1050-й — Хаппергартен, а 1054-й мы нацелили на Хенов, причем командиру этого полка П. П. Радаеву комдив приказал:

— Действовать начнешь на [illegible] минут раньше других полков и как можно на [illegible]ироком фронте. Надо заставить неприятеля оттянуть [illegible] своих сил от Дельвица и Хаппергартена.

Наступление было назначено на [illegible] следующего дня. Оно выдалось не по-военному тихим, безоблачным. И, как это всегда бывает перед атакой, разливавшаяся вокруг тишина обостренно воспринималась каждой клеточкой тела. Ибо все знали: вот-вот она взорвется громом выстрелов. По мере того как краснела кромка горизонта на востоке, все больше становился прозрачным белесый утренний туман, клубившийся между темно-красными кирпичными стенами зданий и черными чугунными решетками заборов.

Поначалу все шло, как мы и планировали. Сбивая противника с опорных пунктов, полки медленно, но неуклонно продвигались вперед. К полудню овладели станцией Дельвиц и заняли несколько домов на окраине Хаппергартена. Три раза поднимались батальоны в атаку. И три раза залегали под свинцовым ливнем. Я связался по телефону с Гумеровым и Пешковым.

— Лупят так, что головы не дают поднять, сволочи! — с плохо сдерживаемой досадой кричал в трубку Гумеров.— Я могу, конечно, послать своих комбатов — Оберемченко, Шаповалова... Вы знаете, что это за люди. Они поднимутся и сделают все, даже закроют своими телами огневые точки, если надо. Но я думаю, что это не выход.

— Согласен, Исхак Идрисович. А что вы предлагаете?

— Надо искать другой вариант. Возможно, даже изменить направление удара. Но сохранить людей...

Гумерова поддержал и Пешков.

— Потери надо сократить до минимума. Впереди еще Берлин. Да и вообще, по моему убеждению, у нас, у командиров помимо всего прочего должна быть сейчас еще одна задача: чтоб войну окончило как можно больше живыми.

Я доложил Антонову о последней неудачной атаке и соображениях Гумерова. Владимир Семенович задумчиво потер висок пальцами правой руки. Затем спросил:

— У тебя на карте последняя обстановка нанесена?

— Нанесена полностью.

— И соседей?

— И соседей.

— Дай я посмотрю.

Развернув карту, комдив, сощурившись, долго изучал ее, бурча себе что-то под нос.

— А что это у вас такой разрыв с двести сорок восьмой дивизией? — оторвав от карты внимательный взгляд своих черных глаз, неожиданно спросил Антонов.

— Я уже говорил по этому поводу с их начальником штаба полковником Коняшко и комдивом генералом Галаем. Получилась вот какая штука. Главный удар они наносят на своем левом фланге, прижимаясь ближе к восьмой гвардейской армии, где оборона у немцев значительно слабее. Потому и сместились в сторону от вас.

— Не хотят, значит, с нами дружить? — рассеянно пошутил Антонов, продолжая думать о чем-то своем. Сложив руки за спиной, он отошел от стола. Постоял в задумчивости. Потом вновь вернулся к карте.— А что, если использовать этот разрыв для маневра по фронту? Смекаете, к чему я клоню?

— Не совсем, товарищ полковник...

— Полки Гумерова и Пешкова надо вывести в полосу 218-й дивизии, которую они так любезно уступили нам. Тогда мы получим возможность ударить во фланг этим двум Мольдарфам, а не штурмовать их в лоб, как это было до сих пор. Ну как, разумно?

— Вполне, товарищ полковник. Между прочим, Гумеров предлагал такой же вариант. Остается только доложить начальнику штаба корпуса и отдать приказ командирам полков...

— Вот и добре. Только предупредите их, что надо действовать быстро, но осторожно и без лишнего шума.

3

В 14 часов оба полка, перегруппировавшись, начали новый штурм Мольдарфа и Мольдарфа-зюда. На этот раз он прошел без особых затруднений. Уже к 18 часам Гумеров и Пешков доложили, что оба опорных пункта гитлеровцев в наших руках. Захвачено много пленных и вооружения.

С видимым удовольствием выслушав доклад, Антонов положил трубку и, повернувшись ко мне, весело сказал:

Ну, дорогой начальник штаба, можешь на Мольдарфах поставить точку. Гумеров с Пешковым уже там. Комдив снял фуражку и вытер носовым платком вспотевший лоб. Черт! Даже не ожидал, что все так быстро пойдет. Вот что значит вовремя проведенный маневр... Великая это вещь, а? Молодцы Гумеров с Пешковым! Провели они его на пять с плюсом!

— Не только провели, но и настояли на нем, товарищ полковник, — заметил я и передал Антонову свой недавний разговор с командирами полков.

— Иначе, я думаю, и быть не могло, — немного помолчав, задумчиво сказал Антонов. — Все это говорит о том, что они верят в себя, верят в своих бойцов, верят, наконец, в нас — своих командиров. А все это вместе взятое говорит об их командирской зрелости и опытности. Они знают, что в любом самом трудном положении можно найти вариант, который позволит вырвать у врага победу малой кровью. Приятно воевать с такими командирами, а? — И круглое лицо комдива вновь расплылось в довольной улыбке.

Я подумал про себя, что многое в удачно проведен-

ном штурме надо отнести и на счет самого Антонова — его безошибочного умения из сотни возможных вариантов выбрать один, единственно правильный, моментально отработать его до мельчайших деталей и инициативно, не боясь ответственности, провести в жизнь. Но сказать об этом Владимиру Семеновичу не решился, зная, что он не любит откровенных похвал в свой адрес.

Задачей полка Радаева, который наступал на правом фланге дивизии, был захват пригородов Берлина — Хенова и Дельзица. Поначалу Радаев доложил, что подразделения полка развернулись в боевой порядок и продвигаются вперед. Через некоторое время Антонов приказал уточнить, как идет наступление у Радаева. И тут связисты с коммутатора неожиданно сообщили, что связь с 1054-м потеряна. Не отвечала и его радиостанция. Тогда я сам сел за коммутатор и с беспокойством стал накручивать ручку аппарата, который был соединен с 1054-м полком. Но все мои старания оказались безрезультатными. Видя это, Антонов посоветовал мне:

— Пошлите-ка вы к Радаеву офицера связи. Пусть разузнает, что у них там стряслось. А на исправление линии сейчас же отправьте лучших телефонистов.

Я подозвал начальника [illegible] дивизии майора П. Д. Григорьева и спросил, кого он может послать на исправление линии.

— Товарищ полковник, — смущенно доложил он.— У меня осталось только шесть девушек и сержант Болдин. Остальные связисты работают уже на линиях 1050-го и 1052-го полков.

Я знал, что этот уже немолодой офицер по-отечески относился к своим девушкам-связисткам, заботливо оберегал их. Потому как можно мягче сказал:

— Вполне понимаю вас. Но мы не можем ставить под угрозу выполнение боевой задачи. Ничего, девчата у вас боевые, смелые. Справятся, как справлялись не раз до этого...

На исправление линии отправились телефонистки Вера Болдырева, Раиса Годун, Таисия Ганева, Надя Дмитриева, Аня Морозова под командой сержанта Николая Болдина. На коммутаторе оставили Машу Бережную. Едва они ушли, как майор Григорьев не выдержал. Взял двух автоматчиков из комендантского взвода и кинулся догонять их.

Прошло полчаса. Линия молчала. Я начал волноваться. На войне такое молчание не сулит ничего хорошего. Потом отдаленно донеслись звуки перестрелки, тотчас же зазуммерил телефон. Я рывком схватил трубку. Взволнованный женский голос... Таисия Ганева!

— В чем дело, Тая? — крикнул я.

— Товарищ «двадцать первый», перед нами группа немцев ведет бой.

— Где, где они? — повторил несколько раз я.

Но телефон снова замолчал.

— Э, черт! Откуда они там взялись? — чертыхнулся с досады я.

— Напрасно мы их послали, — вздохнув, сказал Антонов.— Перебьют девчонок. Да еще и «старика» Григорьева уложат. А что мы сейчас будем делать без него?

— «Двадцать первый» слушает!

— Докладывает сержант Болдырева! Противник, перерезавши линию, уничтожен. Связь с «Камой» восстановлена. Захваченных пленных отправили к вам.

— Вот это девчонки! Молодцы, девочки! Спасибо вам! — забыв от радости о всякой субординации, воскликнул я и чуть не заплясал около аппарата.

Минут через десять Радаев сам [illegible] к телефону командира дивизии и доложил, что Дельвиц уже полностью очищен от гитлеровцев, а [illegible]ева выбиваются последние их остатки.

Что же произошло на телефонной [illegible]нии? Вот что рассказали мне девушки по возвращении. Двигаясь вдоль провода, они обнаружили, что в одном месте он сильно отходит в сторону. Будто его кто-то специально оттянул к темнеющим невдалеке кустам. Ганева быстрее всех догадалась, в чем дело: провод оттянули в кусты немцы, чтобы подслушать разговоры, прервать связь, а потом, возможно, и захватить связистов, которые выйдут на исправление линии. Такие случаи у нас уже бывали. «Ничего у вас не выйдет, уважаемые фрицы!» — с веселой злостью подумала Ганева и, посоветовавшись с подругами, послала в сторону кустов несколько автоматных очередей. Оттуда тотчас же ударили ответные выстрелы.

В это время подоспел сержант Болдин с тремя связистами, а затем и майор Григорьев с группой автоматчиков.

— Ничего, девчонки, не дрейфь! — подбодрил он

девушек и громко приказал: — Окружить кустарник с трех сторон! Патронов не жалеть! Бить так, чтобы ветки с кустов летели...

Укрывшись в канавах и воронках, связисты стали прочесывать кустарник прицельным автоматным огнем. Вскоре над кустами замелькали привязанные к палкам белые тряпки. По приказу майора Григорьева связисты прекратили стрельбу. Из кустов один за другим стали вылезать гитлеровцы с поднятыми вверх руками. Всего их было семь. Кроме того, в кустах были обнаружены двое убитых и трое раненых.

Всех связистов, принимавших участие в восстановлении линии связи и ликвидации гитлеровской засады, Антонов приказал представить к правительственным наградам.

4

23 апреля все поднялись задолго до рассвета. Мы знали, что на сегодня ожидаются горячие бои. К восходу солнца комдив со своим наблюдательным пунктом уехал вперед, а потом вызвал к себе и меня.

Машина продвигалась вперед с большими затруднениями. То и дело приходилось сворачивать в сторону, так как улица оказывалась перегороженной «ежами», надолбами, а то и просто перерыта глубокой траншеей. Долго колесили по каким-то узким улочкам и переулкам, обгоняя многочисленные машины, повозки. Наконец нагнали боевые порядки второго эшелона.

На одной из улиц я увидел группу бойцов, сидевших у забора, и попросил шофера остановить машину.

— Товарищ полковник, второй взвод пятой роты на привале! — доложил старший сержант. Я обратил внимание на серые усталые лица людей и понял, что прошедшая ночь была для них нелегкой.

— Какую задачу выполняли ночью?

— Разведку вели у Карлсхорста,— ответил сержант. Его лицо показалось мне знакомым.

— Ваша фамилия Соколов, товарищ сержант?

— Так точно, товарищ полковник.

— Волгарь, как мне помнится? — с удовольствием оглядывая его крепко сбитую фигуру, спросил я.

— Самый что ни на есть волгарь, товарищ полковник,— подтвердил сержант.— Из Саратова...

— Помню, помню вас еще с Вислы...

— Да у меня в группе сегодня — саратовцев без малого половина,— с типично волжской словоохотливостью продолжал Соколов.— Это наш парторг Пыжкин — из Пугачева, это Василий Компанейцев — из Аткарска. И даже этот, так сказать, человек-гора,— весело кивнул Соколов в сторону русоволосого гиганта, придерживавшего громадной ручищей автомат, казавшийся в его руках детской игрушкой,— выкормлен нашим волжским хлебом. Это Вася Гордеев, бывший колхозный кузнец из Лысых Гор, а ныне наш боевой разведчик, гроза вражеских пилотов...

— Ну, будя, заладил... Эка ты,— смущенно пробасил гигант, покрывшись неожиданно нежным девичьим румянцем.

— Пилотов? — удивленно переспросил я.— Почему именно пилотов?

— Так мы ж были почью на Карлсхорстском аэродроме. Посчитали их самолетики. А под конец заварили небольшую кашу. Десятка два фрицев ухлопали. А двух летчиков прихватили с собой. Одного уже отправили к вам на КП.

— А где же другой?

— С этим-то и вышла загвоздка. Вася с ним слишком горячо знакомился. Ручка-то у него что кувалда. Так пригладил его по уху, что фашист тут же концы отдал. Я ж ему сколько раз говорил: бельмо, Вася, ты горяч в ласках-то. Ну, ладно, с фашиста, как говорится, спрос небольшой. А вот если баба у тебя будет под рукой? Конфуз ведь может выйти. Вернешься домой, так от тебя все девки будут шарахаться.— Соколов с напигранной озабоченностью покачал головой, хитро посматривая в сторону неуклюже переминавшегося с ноги на ногу Гордеева. Эта сцена, вероятно, проигрывалась им уже не один раз и была явно рассчитана на то, чтобы взбодрить уставших бойцов, стряхнуть с них тяжелый осадок беспокойной, наполненной многими опасностями ночи. И действительно, расплывшиеся в улыбках лица бойцов, их весело заблестевшие глаза говорили о том, что цель эта достигнута. Я вспомнил о том, с каким неослабным интересом читали и перечитывали все мы — и бойцы и командиры — публиковавшиеся в «Правде» отрывки из поэмы Александра Трифоновича Твардовского «Василий Теркин». И подумал: а ведь только в нашей дивизии наберется, пожалуй, не одна

сотни таких Теркиных. И потому прав был поэт, когда писал, что парень «в этом роде в каждой роте есть у нас, да и в каждом взводе».

К примеру, тот же Соколов — сын волжского портового грузчика, отважного партизана в годы гражданской войны; он следом за отцом ушел на фронт и два года дрался с белогвардейцами за молодую Советскую власть. И в этой войне Соколов с самого начала на переловой. Вместе со своими земляками-однополчанами он освобождал Польшу, форсировал Одер, брал штурмом Гузов. Еще в Бервальде Георгий Иванович приготовил для себя красный флаг, который мечтал водрузить на рейхстаге. К сожалению, его мечте не суждено было осуществиться. 28 апреля при штурме здания гестапо он был тяжело ранен в перестрелке на лестнице, куда он одним из первых вбежал, командуя своим отделением.

Потом, спустя много лет, я опубликовал как-то в областной газете «Коммунист» заметку о штурме Берлина. И как же обрадовался, когда вместе со множеством полученных писем пришла весточка и от Георгия Ивановича Соколова. После длительного лечения он вернулся в родной город Энгельс. Несмотря на то что тяжелое ранение еще давало о себе знать, сразу же включился в работу. Нередко выступает с воспоминаниями о героических подвигах воинов-однополчан в школах, заводских клубах.

В 1965 году в гарнизонном Доме офицеров прибыла группа научных сотрудников Музея ЦДСА. Ее возглавлял бывший командир 1052-го полка Герой Советского Союза полковник запаса Александр Иванович Пешков. Узнав, что в Энгельсе живет его отважный однополчанин Георгий Иванович Соколов, Пешков побывал у него в гостях. Затем они вместе выступали перед военнослужащими Энгельсского гарнизона, показывали им священную реликвию — боевое знамя 1052-го стрелкового полка.

Но все это будет много лет спустя, а в то апрельское утро я тепло распрощался с сержантом Соколовым и его разведчиками-земляками, совсем, конечно, не предполагая, что пройдет очень много времени, прежде чем я увижу его вновь. Впрочем, на войне встречи коротки, мимолетны, и никто из встречающихся не может с уверенностью сказать, придется ли свидеться еще раз.

5

Под наблюдательный пункт мы облюбовали сумрачный трехэтажный дом, несколько возвышающийся над соседними строениями. Стоял он примерно в километре от Карлсхорстского военно-инженерного городка. Поднявшись на верхний этаж, я подошел к окну и на минуту замер, захваченный представшей передо мной панорамой немецкой столицы, громоздившейся каменными громадами домов, которые, уменьшаясь, уходили до бесконечности к горизонту. Окутанный дымом и сотрясаемый грохотом разрывов огромный город лежал на виду у той самой армии, которую еще в осенние дни 1941 года Гитлер объявил уничтоженной.

Сражение в этот день, как и предполагалось, было жарким. Воины полка Пешкова после короткой, но ожесточенной схватки прорвались на посадочное поле Карлсхорстского аэродрома. Они действовали настолько стремительно, что ни одной машине не удалось подняться в воздух. Захвачено было около 40 самолетов, из которых 12 были совершенно исправными.

Труднее приходилось Гумерову, который штурмовал городок инженерного училища. Его [illegible] и переулки простреливались из конца в конец. Причем стреляли отовсюду: с чердаков, из окон, [illegible] помещений. Действия стрелковых подразделений осложнялись также тем, что приданные полку [illegible] и артиллерия безнадежно отстали из-за многочисленных завалов на улицах, минированных участков, труднопроходимой щетины «ежей» и надолб.

Решительным штурмом городок был наконец взят. Но это стоило немалых жертв. Много опытных, смелых солдат сложили свои головы среди прокопченных, истерзанных снарядами руин городка. Находясь в боевых порядках первого батальона, был тяжело ранен заместитель командира полка майор Савва Иванович Кульчий. Усилиями врачей жизнь его была спасена, но одну ногу пришлось ампутировать.

На правом фланге дивизии наступал 1054-й стрелковый полк подполковника Радаева. Вспоминается такой эпизод. Достигнув заброшенного, поросшего молоденькой весенней травкой огорода, рота старшего лейтенанта Ю. Л. Малышева вынуждена была залечь под бешеным огнем противника. Уткнувшись головой в прелую, уже

разогретую солнцем землю, Малышев, тяжело дыша, лихорадочно думал над тем, как преодолеть несколько метров, оставшихся до проходившего неподалеку забора. Он чувствовал, что каждая минута пребывания здесь, на открытом месте, увеличивает потери в роте. Ждать больше было нельзя. Малышев поднял руку с пистолетом, обращая на себя внимание бойцов, и, напружинившись, в несколько прыжков достиг забора. Ухватившись за него руками, он быстро подтянулся. Еще немного, и ротный перевалился бы на ту сторону. Но в этот момент автоматная очередь настигла старшего лейтенанта, и его тело безжизненно повисло на заборе.

Однако то, что не удалось командиру, довершили воины роты, как один устремившиеся за ним. Перемахнув забор, дружным натиском выбили гитлеровцев с выгодных позиций и устремились вперед.

Между тем старшего лейтенанта Малышева сняли с забора, перевязали и отправили в медсанбат. Как я узнал позже, сильный, закаленный организм офицера переборол смерть. Но из госпиталя он вышел уже после окончания войны.

Чтобы удержать Карлсхорст, немцы предприняли отчаянную попытку контратаковать полки Пешкова и Гумерова вслепую. Но они опоздали. Подошедшие батареи 823-го артиллерийского полка встретили их беглым шквальным огнем. Тогда гитлеровцы ввели в действие свою артиллерию. Завязалась артиллерийская дуэль. Потери были большими с обеих сторон. Командиру полка Георгию Гавриловичу Похлебаеву, который был отличным артиллеристом, не раз приходилось самому становиться к тому или иному орудию, когда расчет выбывал из строя. Места у орудийных лафетов часто занимали также замполит полка подполковник А. А. Куценко, начальник штаба майор В. В. Сотников и другие командиры.

Благодаря умелым действиям артиллеристов контратакующий противник был опрокинут. Наступление на Карлсхорст продолжалось.

Часам к 11 к нам на НП прибыл генерал-полковник Берзарин с членом Военного совета генерал-лейтенантом Боковым. Сходя с машины, Берзарин обратил внимание на группу одетых в штатское немцев, толпившихся у забора. Они так внимательно всматривались в белею-

шли на нем небольшой листок, что даже не обращали внимания на рвавшиеся неподалеку мины и снаряды.

— Что это они там делают? — подавая руку Антонову, спросил командарм.

— Читают приказ командующего фронтом, товарищ генерал, — пояснил Владимир Семенович.

— Интересуются, значит? Ну, ну, — негромко проговорил Берзарин, на ходу стряхивая с рукава реглана красную кирпичную пыль.

Поднявшись на чердак, командарм долго смотрел в сторону Берлина. Сражение отодвигалось все дальше от НП. Внизу шли колонны пленных. Группами и в одиночку тянулись раненые.

— Как думаете форсировать Шпрее, товарищ Антонов? — нарушил молчание голос Берзарина.

— С ходу, товарищ генерал. Уже подготовлен передовой отряд.

— Какой силы?

— Стрелковый батальон на танках.

— Мне кажется, этого недостаточно, полковник. В передовой отряд надо выделить не батальон, а полк и посадить его на танки бригады полковника Парущкого. Переправочные средства подготовлены?

— Так точно, товарищ генерал, [illegible]тил я.— Есть даже отряд катеров речной флотилии.

— Это я распорядился вам выделить, — командарм бросил в мою сторону быстрый взгляд. Внезапно его мужественное лицо тронула мягкая [illegible]ка.— Краснофлотцы — народ боевой, надежный. Можете использовать их на самых решающих участках. Например, при захвате мостов...

— Мосты, по всей вероятности, взорваны, товарищ генерал,— осторожно заметил Антонов.

— Есть данные, что некоторые цепи Гитлер поручил взрывы мостов своему министру вооружения Шперу. Но, как сообщают, он, как и Геринг, сбежал из Берлина. Так что взрывами мостов руководить некому. Надо вам поторопиться с форсированием, а то, чего доброго, и Гитлер может удрать вслед за своими министрами. Уж для него-то встреча с нами не сулит ничего хорошего...

Вскоре на КП приехал и командир корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Павлович Рослый, и мы все вместе отправились в боевые порядки

частей. Поначалу Антонов повел командарма на НП 1052-го стрелкового полка. Шли осторожно вдоль стен и заборов, а улицы и участки, простреливаемые противником, переползали по-пластунски.

НП полка размещался в маленьком каменном домике с бетонным подвалом, окна которого были замурованы кирпичом.

Командир полка А. И. Пешков встретил нас у входа и, отрапортовав командарму, собрался уже было развернуть карту, чтобы доложить обстановку, но Берзарин жестом руки остановил его:

— Не нужно карты... Я и так вижу ваши наступающие подразделения. Где я вас встречал, подполковник? — наморщив лоб, неожиданно спросил командарм.

— В Польше, товарищ генерал. Во время подготовки к Висло-Одерской операции вы были у меня в полку. Еще мы встречались, когда вы вручали нам награды за освобождение Польши и форсирование Одера. Тогда вы вместе с нами сфотографировались..

— Вот теперь вспомнил. Вы ведь получили Героя за Одер?

— Так точно, товарищ командарм!

Берзарин тепло попрощался с Пешковым, и мы отправились в 1050-й полк. Именно этот полк Антонов решил первым выдвинуть к Шпре для ее форсирования после того, как Берзарин приказал в передовом отряде заменить батальон полком.

Пройдя с полкилометра, мы добрались на НП командира 2-го батальона майора Ф. К. Шаповалова. Увидев неожиданно перед собой такое высокое начальство, Шаповалов поспешно вскочил, судорожно застегнул ворот гимнастерки и, взметнув руку к виску, изготовился для рапорта.

— Почему не продвигаетесь вперед? — опередив его, строго спросил командарм.— Где приданные вам танки и артиллерия?

— Артиллерия уже подошла, товарищ командарм, а танки немного отстали, — виновато сказал Шаповалов.

— Очень плохо, майор. В бою все рода войск работают на матушку-пехоту. Потому и танкисты и артиллеристы подчиняются общевойсковому командиру, то есть вам, независимо от того, какое вы имеете звание. Отстали танки— добивайтесь, требуйте, чтобы они при-

были на место вовремя. Вы же боевой офицер и должны знать, что в условиях городского боя без пушек и танков — это все равно что без рук. С ними продвижение идет гораздо быстрее и с гораздо меньшими потерями. Усвоили?

— Так точно, товарищ командарм, усвоил. Да мы так и делаем все время. Но ведь танкам и артиллерии труднее продвигаться. Везде завалы, «ежи», надолбы. Их ведь не перепрыгнешь. А обход времени требует...

— Видали, защитник нашелся! — усмехнулся Берзарин, оборачиваясь к нам.— А вам-то разве легко выковыривать фашистов из всех этих дыр, где они засели, когда пули летят и сверху, и снизу, и черт знает еще откуда? Потому давайте не будем считать, кому труднее, а будем стараться преодолевать трудности сообща, всей артелью. Только тогда мы будем идти вперед, а не топтаться на месте.

За короткое время пребывания в 1050-м полку Николай Эрастович успел еще переговорить не только с командиром полка, но и с командирами [illegible]рот и даже взводов. Кого подстегивал напускной строгостью, кому доброжелательно подсказывал, как лучше действовать в предстоящем бою, сразу располагая к себе собеседника тонким знанием специфики действий различных боевых подразделений — от крупных до самых мелких. Я еще раз подивился умению Берзарина быть своим среди командиров любого ранга, помогавшему ему сразу находить нужный тон в разговоре, [illegible]ей у него всегда получался откровенным, деловым, заинтересованным, по-мужски кратким и прямым.

На обратном пути Берзарин приказал вызвать на НП дивизии командующего артиллерией полковника Казанцева, командиров танковой бригады Д. С. Нарушкого и танкового полка Н. А. Мясникова и некоторых других офицеров.

К нашему приходу они были уже там. Сначала командарм попросил Антонова провести краткий разбор причин, тормозивших овладение Карлсхорстом, а потом выступил сам.

— Товарищи офицеры! — начал он своим тихим, но четким голосом.— Не буду долго останавливаться на задаче, которую вы уже получили от командира корпуса и командира дивизии. Суть ее в том, чтобы немедленно овладеть Карлсхорстом и, не задерживаясь в

нем, с ходу форсировать Шпрее. Особенности выполнения задачи следующие: залогом быстрого овладения Карлсхорстом является разрезание обороны противника по частям. При этом следует уклоняться от боя с отдельными опорными пунктами и мелкими узлами обороны. После захвата Карлсхорста подразделения 1050-го полка садятся на танки вашего, товарищ Мясников, 92-го тяжелого танкового полка и идут прямо к Шпрее.

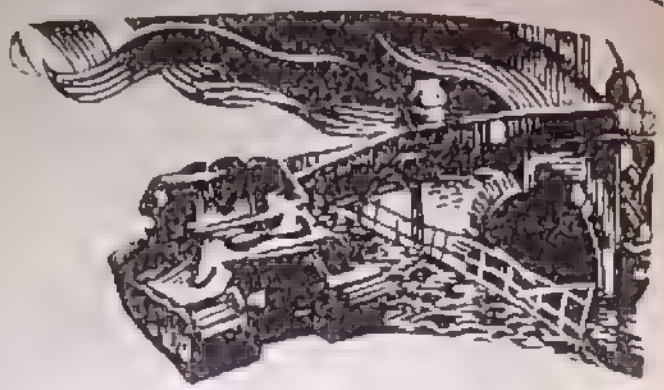
Переправа будет в основном производиться катерами Днепровской флотилии, которые следуют сейчас на автомашинах за вашей дивизией. Вопросы есть? Нет. У меня все.

После отъезда командарма сражение за Карлсхорст вступило в свою решающую фазу. Вскоре поступила первая радостная весточка.

Батальоны Шаповалова и Перепелицына в рукопашной схватке выбили немцев из здания электростанции. А немного погодя в трубке раздался приподнятый голос Гумерова:

— Товарищ «Двадцать первый», докладываю: во взаимодействии с полками Рагимова, Пешкова полностью овладел военно-инженерным городком Карлсхорстом и всеми прилегающими к нему кварталами.

Радость наша была безмерной, но никто, конечно, не предполагал, что Карлсхорстское инженерное училище, только что взятое доблестными полками 301-й, 230-й дивизий и некоторыми другими частями 9-го стрелкового корпуса, вскоре станет историческим местом, о котором узнает весь мир. 8 мая 1945 года в одном из залов этого военного городка был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Но это будет потом, а сейчас, успешно выполнив первую часть поставленной Берзариным задачи, мы уже думали о второй — не менее сложной и ответственной. Впереди была Шпрее. И к ней уже спешили сейчас, прильнув к дымной броне тяжелых танков, бойцы полка Гумерова.



НА ШПРЕЕ

1

К исходу дня части дивизии, преследуя остатки отступавших немецких войск, вышли к Шпрее. Тут командиров полков ждала первая неожиданность: все мосты через реку были разрушены. Форсирование Шпрее с ходу ставилось под угрозу.

Узнав об этом, я поспешил к берегу. На перекрестках уже стояли военные регулировщики, которые, размахивая флажками, показывали, куда ехать. Надо сказать, что поставлены они были [illegible] пути то и дело вставали воронки, груды [illegible] баррикады, стальные противотанковые [illegible]. Без них пробираться в этом лабиринте было бы [illegible] невозможно. Натужно взвывающий мотором [illegible] подбрасывало, кидало в сторону так, что [illegible] сзади начальник разведки дивизии майор Боровко и помощник начальника 1-го отдела майор Джабиев чуть не ушиблись лбами.

— Вот она, путь-дорожка фронтовая! Бес ее возьми,— ворчал Боровко, судорожно цепляясь рукой за борт.

Квартала за два до Шпрее нам все-таки пришлось сойти с машины и пробираться дальше пешком. Впереди с ровной периодичностью ухали взрывы, гулко раскатываясь окрест. Ближе к берегу тонкий посвист пуль и пляшущий грохот разрывов заметно усилились. Не раздумывая, по выработанной многими днями войны привычке, мы бросились на землю и поползли.

Открывшаяся вскоре перед нами панорама Шпрее напоминала картину из Дантова ада. Желтовато-серая

поверхность воды была усеяна трупами людей, животных, частями разбитых лодок, паромов и даже всевозможной домашней утварью. Там, где были мосты, торчали размочаленные взрывом остатки железобетонных опор со свисающими в воду исковерканными фермами. Тут словно бы страшным разрушающим вихрем только что пронесся тайфун. И как его клубящийся след, над рекой, начинаясь от видневшихся вдали Трептов-парка и леса Плантер, медленно расползалась черная пелена дыма от горящего Берлина.

Обследовав вспаханный воронками берег, мы нашли удобное место для наблюдательного пункта. В другое время можно было бы полюбоваться обступавшими его вишневыми деревьями, светившимися нежным белым цветом. Но сейчас, когда на земле и в воздухе витала смерть, нам было не до этих красот, и мы видели в них прежде всего средство маскировки. Как хорошая опора для прикрепления паромного каната приглянулся нашему командиру саперного батальона Сапленкову и огромный — в четыре обхвата — красавец дуб.

Пока прибывшие [illegible] саперы укрепляли кирпичную изгородь, хорошо [illegible] защищавшую от вражеского огня, и приводили в порядок окопы, вырытые когда-то немцами, мы, не мешкая, приступили к командирской разведке. На рекогносцировку ушло более часа. Зато все было точно изучено и определено. Получив задачу, командиры приданных частей начали расходиться. В это время наблюдатель крикнул:

— Товарищ полковник! На том берегу вижу красный флажок!

Мы начали всматриваться. Действительно, через некоторое время показался и сразу исчез красный флажок. Затем были подняты белый и красный одновременно.

— Что это значит? — обернувшись ко мне, недоуменно спросил Антонов. Я пожал плечами:

— Может, немцы сдаваться хотят?

— Не похоже. Когда сдаются, выбрасывают белый флаг, а не красный,— возразил комдив.

Прошло еще несколько минут. И вдруг из тех кустов, откуда подавались сигналы, опрометью вылетели два человека и, бросившись в воду, поплыли к нам. Мы вновь в недоумении переглянулись. В этот момент кто-то крикнул:

— Наши! Наши!

Я оглянулся: кричал командир роты старший лейтенант Лизовенко.

— Товарищ полковник! Это же наши бойцы! — обрадованно повторил он.

— Как наши?

— Разведчики, товарищ полковник! — пояснил лейтенант и побежал к берегу.

Пока мы давали команду подавить огневые точки немцев, стрелявшие по плывущим, бойцы уже вышли на берег. Они были в одежде, но без обуви.

— Ба! Да это же наши саперы Дроздов и Фролов,— узнал их командир саперного батальона майор Саплешков.

— А ну, рассказывайте, орлы, как вы туда попали? — весело спросил саперов Антонов.

— Да как попали... очень даже просто — с немцами,— вытирая мокрое лицо рукавом и тяжело дыша, сказал Дроздов.— Мы первыми прорвались к берегу. Смотрим, тут каша. Немцы кто на чем на тот берег драпают. Ну, мы скумекали, что в этой кутерьме к фрицам можно легко присоединиться. Связали пилотки, накинули на себя гражданское тряпье, — то вон сколько на берегу валяется, ухватили какую-то [illegible]лодочку и высадились вместе с ними на тот берег. В[illegible] оттуда выбраться было потруднее. Не только немцы, [illegible] и свои же, черти! — начали по нас палить.

— Вы что, вдвоем там были? [illegible] интересом спросил я Дроздова.

— Нет, товарищ полковник. Было еще два дивизионных разведчика: старший сержант Магомаев и рядовой Матросов. Магомаев погиб, горячая голова! Увидел рядом пятерых фрицев и не вытерпел, кинулся на них врукопашную. Троих уложил, но был смертельно ранен. А Матросова мы там оставили для наблюдения за противником.

— Здорово! — не удержался я от одобрительного возгласа.— Давайте-ка, быстренько доложите, что успели разведать там, а потом переоденьтесь, поешьте и отдыхайте.

Добытые Дроздовым и Фроловым данные во многом способствовали успешному форсированию Шпрее.

Здесь я позволю себе вернуться несколько назад, чтобы рассказать о печальном случае, происшедшем с

нашим сыном дивизии Виктором Капленко. Это случилось в то время, когда батальон 1050-го полка только что вышел к берегу Шпрее. У командира полка Гумерова скопилось большое количество немецких документов, захваченных в штабах и у пленных. Наскоро просмотрев их, Гумеров поручил Капленко отнести все бумаги на КП дивизии и передать их начальнику оперативного отдела майору Фараку.

Когда Капленко прибыл на НП, я сразу вспомнил, что накануне начальник строевого отдела корпуса интересовался по телефону, нет ли у нас в дивизии мальчика по фамилии Капленко, имя — Виктор.

— Ну как же, есть, конечно. Он у нас уже два года воюет,— ответил я.

— Дело в том, что его разыскивают родители, просят срочно вернуть домой...

Вспомнив об этом разговоре, я внимательно посмотрел на Капленко и спросил:

— Виктор, тебе в нашем штабе ничего не говорили о твоих родителях?

— Нет... А чо? — насторожился Капленко.

— Родители твои, брат, нашлись...

- Правда, товарищ полковник? — словно бы не веря, переспросил Виктор.

— Конечно, правда, чудак. По [illegible] армии и корпуса о тебе уже запрашивали.

Это известие привело Капленко в необычайное волнение. С минуту он стоял, словно бы остолбенев. Потом кинулся ко мне, стал целовать, подпрыгивая, счастливо крича и плача от радости.

— Ну вот видишь, как все хорошо получилось, сынок, - сам необыкновенно волнуясь, приговаривал я, гладя нежно его по волосам. - Мы все очень рады за тебя. Ступай сейчас же в батальон, собери свое барахлишко, возьми в штабе полка направление и прямо ко мне. Сегодня же отправим тебя с машиной в штаб корпуса. Задача ясна?

— Ясна, товарищ полковник,— смущенно произнес Виктор.— Только прошу никуда меня не отправлять...

— Как так? Тебя же родители ждут!

— Больше ждали, товарищ полковник. Подождут еще трошки.

— Значит, ты решил до конца войны остаться в дивизии?

— Только так, товарищ полковник.

— Ну хорошо, ступай в батальон. Я доложу командиру. Все это, конечно, не так просто. Не знаю, как на это посмотрят в штабе корпуса. Во всяком случае, попробуем их уговорить.

Пока я обдумывал предстоящий разговор с начальником строевого отдела штаба корпуса, течение очередного дня войны уже направлялось к тому, чтобы сделать этот разговор ненужным и безжалостно перечеркнуть мечту Вити Капленко закончить войну в рейстаге. Когда Виктор пробирался назад, к Шпрее, рядом неожиданно взорвались сразу несколько мин. Его чем-то тяжело ударило сзади в голову, и он, раскинув руки, упал навзничь на красную от битого кирпича землю...

В сознание Виктор пришел на второй день. Окутанная марлевой повязкой голова прямо-таки раскалывалась от невыносимой боли. Вокруг сновали, неторопливо переговариваясь, фигуры в белых халатах. Пахло йодом и свежим бельем. Потом все это потерялось, очертание и уплыло куда-то в сторону. Он опять впал в забытье.

Ранение у Виктора оказалось очень тяжелым. Больше месяца он не мог даже подняться с койки. 3 мая в госпиталь пришла весть о капитуляции гитлеровских войск в Берлине. Раненые кричали, обнимали друг друга, плакали. А у него не было даже радостья.

10 мая, после подписания акта о капитуляции фашистской Германии, армейский госпиталь, где лежал Капленко, посетил начальник тыла и военный комендант Берлина генерал Николай Эрастович Берзарин.

Проходя по палатам, генерал обратил внимание на мальчика, лежавшего на койке с сильно перевязанной головой. Лицо его заострилось, было мертвенно-бледным, какое обычно бывает у раненых, потерявших много крови.

— Вы что, из эвакуированных? — спросил Николай Эрастович.

— Никак нет, товарищ командующий! Я из 301-й стрелковой дивизии, рядовой Капленко,— еле шевеля обескровленными губами, прошептал Виктор.

— И сколько же вам лет?

— Тринадцатый, товарищ командующий!

— Давно воюете?

— С Донбасса, товарищ командующий!

— Рядовой Капленко! — повысив голос, несколько торжественно произнес Берзарин.— За мужество и преданность Родине награждаю вас орденом Отечественной войны II степени...

— Служу Советскому Союзу! — еще более бледнея от волнения, сказал Виктор.

— Ну, выздоравливай, герой,— по-отечески мягко сказал командарм, повернувшись к адъютанту, приказал записать фамилию награжденного и двинулся дальше, как-то удивительно легко неся свою тяжелую квадратную фигуру.

Вернулся Виктор в свой полк только в начале августа. Командовал полком в это время подполковник Николай Иванович Штанько, которого Виктор хорошо знал и уважал. В армии Виктор пробыл до начала 1947 года, после чего демобилизовался. Было ему в это время 14 лет. Затем два года служил во внутренних войсках МВД. Но в конце концов решил окончательно расстаться с военной службой. Подал рапорт об увольнении и уехал к себе на родину, в Северодонецк Ворошиловградской области. Поступил на завод сварщиком. И хорошо трудился там, пользуясь большим авторитетом среди товарищей. В 1979 году скончался.

2

С наступлением сумерек мы начали подтягивать к Шпрее приданный нам отряд плавтанкеров 1-й бригады речных кораблей. Командовал им молодой, энергичный офицер лейтенант Михаил Михайлович Калинин.

Я был много наслышан о героизме военных моряков на суше и на море. Но видеть их в деле мне еще не приходилось. Потому я с особым интересом наблюдал за действиями моряков. И — надо сказать — они и на этот раз подтвердили, что не зря о них по фронтам ходит легендарная слава. Первым из моряков при форсировании Шпрее отличился саратовец Борис Бочкарев.

Когда полуглиссеры стали спускать с автомашин в воду, противник, очевидно, что-то заметил. И в тот же момент берег был осыпан градом пуль. Моторист Борис Бочкарев, который как раз начал спускать свое суденышко в воду, почувствовал, что катер словно бы отяжелел и стал наползать кормой на берег, грозя смять своей тяжестью. В поисках решения Борис быстро огля-

дался. Взгляд его упал на большой деревянный ящик, лежавший неподалеку. Не долго думая, он ухватил его одной рукой и бросился с ним в воду. Катер продолжал сползать. Борис мигом подтащил ящик под корму. Раздался треск, и катер неподвижно замер на месте. Ящик смягчил удар винта о каменистое дно реки. Когда Борис завел мотор, оказалось, что полуглиссер полностью на ходу. Вскоре он принял первую группу десантников 1050-го полка под командой комсорга 2-го батальона Салиджана Алимова и, разогнав мощную волну, стремительно ушел к вражескому берегу, откуда в нашу сторону летели разноцветные пиро трассирующих пуль. Там Бочкарев взялся за гашетки станкового пулемета, прикрывая огнем высаживающихся десантников

Всего за ту апрельскую ночь его катер перевез более 300 бойцов, много вооружения и боеприпасов Грудь отважного моряка украсила еще одна боевая награда — орден Отечественной войны II степени.

Самоотверженно действовали в эту ночь и экипажи других катеров. К утру они десантировали на тот берег не только 1050-й и 1054-й полки, но и несколько подразделений 1052-го. Все это произошло настолько быстро, что противник существенно не смог помешать их высадке, хотя и держал переправы под шквальным огнем. Однако с рассветом немцы бросились в контратаки, пытаясь сбросить в воду оборонявшихся десантников полка.

— Танки нужно переправлять. Без них туго придется,— озабоченно сказал Алтынов, наблюдавший в бинокль за переправой.— Нужно скорее переправлять танки...

Часам к 6 утра танки к переправе были готовы. Но как раз в этот момент противник после яростного артналета перешел в контратаку. Острие контратаки пришлось на участок, обороняемый батальоном Героя Советского Союза майора Николая Васильевича Обеременко.

— Не робей, ребята! — передал по ротам комбат.— Огонь открывать по моему сигналу!

Каску он потерял еще где-то при переправе. Налетевший теплый ветерок играл его пушистыми, коротко остриженными волосами, раздувал пузырем плащ-палатку за спиной. Его сутуловатая, напружинившаяся в ожидании боя фигура дышала сейчас удалью и отвагой. Не зря, видать, в его жилах текла горячая кровь ку-

банских казаков. Их боевая повадка сквозила в скупых, расчетливых движениях комбата, который сейчас уже весь жил предстоящим боем. А взлетающая за его плечами плащ-палатка напоминала кавалерийскую бурку — неизменную спутницу его отцов и дедов в многотрудных и частых боевых походах.

Немного установилась настороженная тишина. Молчали наши позиции. Молчали и приближающиеся к ним немцы. Только приглушенно пофыркали на взгорках моторы пяти самоходок да четырех бронетранспортеров, которые контратакующие пустили впереди себя. Вот гитлеровцы заметно убыстрили шаг, намереваясь одним броском преодолеть расстояние, оставшееся до наших окопов. В этот момент в небо вертикально ввинтились две красные ракеты. Справа и слева дружно ударили автоматные и пулеметные очереди. Заухали орудийные выстрелы. Место боя мгновенно потонуло в дыму и пыли. Вот один за другим запылали три бронетранспортера. Сильно поредевшие цепи врага залегли. Увидя это, Оберемченко рванул из кобуры пистолет, поднялся во весь рост и, вскинув руку с зажатым «ТТ» вверх, закричал, краснея от натуги:

— За мной, орлы! Не отставай! Вперед!

Батальон как один поднялся в атаку. Дружное «ура!», мерно нарастая, волнами покатилось по задымленному полю до синеющего невдалеке леса.

Оберемченко бежал в первой цепи. Плащ-палатка за его спиной вытягивалась в одну линию, взлетала вверх, словно расправленный по ветру флаг. «Вперед! Вперед!» — хрипло кричал комбат, слыша за спиной тяжелое дыхание бойцов. И вдруг, словно натолкнувшись на невидимое препятствие, он замер на месте. Схватившись рукой за грудь, сделал еще несколько неуверенных шагов и мягко повалился на землю, неловко подвернув под себя руку...

Гибель любимого комбата удесятерила ярость бойцов. Возглавивший батальон замполит капитан Давыдов довел атаку до конца. Гитлеровцы были смяты и отброшены.

3

В это время на Шпрее уже полным ходом шла переправа танков и артиллерии. Когда один из паромов с танком и отделением стрелков на борту достиг сере-

линны реки, немцы открыли по нему прицельный огонь из зенитных орудий. Один из снарядов с тяжелым скрежетом ударил в танк. Из него густо повалил черный дым. Послышались крики раненых. Паром остановился. Все, кто был на нем, стали прыгать в воду.

Нелегко было оказать помощь попавшим в беду товарищам. Река кипела от разрывов. Появлявшиеся на ней резиновые и деревянные лодки буквально счищались с поверхности воды.

Все это видел краснофлотец Володя Чернов, который как раз готовился принять на свой катер очередную партию десантников.

Несмотря на свою молодость, Володя считался в бригаде речных катеров бывалым моряком. Пятнадцатилетним мальчишкой он оказался в оккупации. Перебрался один через линию фронта. Вступил в действующую армию. Воевал. Потом окончил Саратовское военно-морское училище и снова ушел на фронт.

...Бросив взгляд в сторону реки, краснофлотец Володя Чернов увидел горящий паром и барахтающихся в воде бойцов. И, повинуясь воспетому во многих песнях закону морского братства, с силой нажал стартер. Мотор мощно взревел. Катер, сделав крутой разворот, словно выстреленный из ружья, с ревом полетел к месту катастрофы. Рядом с Володей стоял, крепко вцепившись в деревянный борт, заместитель командира отряда лейтенант Гавриил Суворов. Он успел вскочить в катер уже на ходу.

Заметив мчавшийся по реке полуглиссер, гитлеровцы перенесли огонь на него. Но катер уже подходил к парому. Вот взят на борт один боец. Другой... Третий... На помощь вышел еще один полуглиссер. И тут произошло самое страшное. Танк на пароме гулко взорвался. И место катастрофы закрыло огромное черное облако. «Вот и все»,— горестно вздохнул один из бойцов, наблюдавших с берега за действиями моряков. И вдруг послышались радостные крики:

— Идет! Ура! Идет!

Ловко маневрируя между встающими на его пути фонтанами воды, катер на полной скорости летел к берегу. Едва он пришвартовался, бойцы на руках вынесли Володю с катера и, восторженно крича, стали подбрасывать вверх. «Ну, полно, братва! Хватит!» — добродушно ворчал он, но все его ясноглазое мальчишеское

лицо с чуть вздернутым носом и мягко очерченными пухлыми губами сияло от счастья. Ему было так хорошо чувствовать крепкие объятия своих товарищей-моряков, которых он любил беззаветной мальчишеской любовью. Ему было радостно оттого, что он не спасовал в трудную минуту, показал настоящий морской характер, заслужив такое горячее одобрение товарищей. И он, конечно, не знал, что жить ему осталось несколько часов. Через эти несколько часов его смертельно ранят в перестрелке с противником и он тихо прошепчет синеющими губами: «А все-таки я дошел до Берлина».

Подвиг Володи Чернова повторил его товарищ, также выпускник Саратовского военно-морского училища Виктор Черников. Произошло это на участке переправы 1054-го полка. Паром переправлял самоходку СУ-76. Две самоходки уже вели бой на том берегу. На поддержку к ним спешила и третья. Когда паром уже подходил к вражескому берегу, по нему был дан залп из малокалиберных орудий. Заглох мотор. Вспыхнул деревянный настил. Язычки пламени стали подбираться к самоходке. Надо сказать сержант, моментально оценив обстановку, бросился на тушение пожара. Сбивая пламя снятой одеждой, потушил настил водой. Тем временем саперы, обслуживавшие паром, взялись за весла, пытаясь подгрести к берегу. Однако тяжело нагруженный паром плохо поддавался веслам. Течение реки медленно, но неуклонно относило его в сторону. В этот момент совсем уже приблизившиеся из-за мыса саперы увидели, что один из катеров изменил направление и на полной скорости устремился к ним. Подлетев к горящему парому, Виктор Черников (это его катер пришел на помощь товарищам) быстро взял его на буксир и потянул к берегу. Через минуту паром был уже у причала. Самоходка рванулась с места, покачиваясь, выползла на берег и, приминая широкими гусеницами ярко-зеленую молодую травку, ушла в ту сторону, откуда слышался шум боя.

Через некоторое время нашим артиллеристам удалось подавить вражеские огневые точки, сильно затруднявшие переброску танков и орудий. Переправа пошла гораздо быстрее. Однако часам к 12 батальон немецкой пехоты при поддержке самоходных орудий «фердинанд» контратаковал позицию 2-го батальона 1052-го полка. Контратака была отбита. Но четырем

«фердинандам» удалось прорваться к берегу реки. Загромыхали частые отрывистые выстрелы самоходных пушек. Один из снарядов угодил в паром с «тридцатьчетверкой». Находившиеся на нем саперы были убиты. «Тридцатьчетверка» задымилась. Неуправляемый паром стал описывать по воде круг. И, как это уже бывало не раз, на выручку парома поспешил полуглиссер под командованием старшины второй статьи Григория Петровича Козакова. Старшина был бывалым матросом. Уроженец села Широкий Буерак Саратовской области, он шесть лет прослужил на флоте в мирное время. В годы войны сражался с врагом в составе Черноморского флота, а затем Днепровской флотилии.

Когда катер Козакова подошел к парому, находившийся на нем танк был уже охвачен пламенем. В любую секунду «тридцатьчетверка» могла взлететь на воздух вместе с паромом. Не мешкая, отважный волгарь пришвартовал свой полуглиссер к парому и вместе со всем экипажем бросился на тушение пожара. Паром с танком был спасен.

После этого Козаков еще в течение двух суток переправлял через Шпрее подразделения нашей, а затем 230-й стрелковой дивизии. За умелые и отважные действия на переправе старшина был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Вспоминается мне и неутомимая работа заместителя командира отряда по технической части, также саратовца, лейтенанта Георгия Максимовича Чернова. Приходилось просто удивляться, как ему в считанные минуты удавалось вводить в строй катера, поврежденные снарядами и крупнокалиберными пулями. В один из рейсов у старшины второй статьи М. Т. Сотникова фашистроном был разбит мотор катера. Из экипажа в живых не осталось никого. Установив на катере запасной мотор, Чернов принял на борт десантников и сам доставил их на тот берег.

Ныне Георгий Максимович работает в Саратовском облжилобъединении. Часто выступает перед бушими речниками с рассказами о славных делах краснофлотцев в годы войны, о тех боевых подвигах, очевидцем которых и мне пришлось быть в дни форсирования небольшой немецкой реки Шпрее. Это была последняя переправа, которую проделала наша дивизия за четыре года войны. И отмечена она была прежде

всего редкостным героизмом наших доблестных краснофлотцев. 9 из них только в одном 1-м отряде получили высшую награду Родины — Золотую Звезду Героя Советского Союза. Остальные были награждены боевыми орденами и медалями.

4

Кому в мире не известен ныне берлинский Трептов-парк? Здесь находится братская могила советских воинов, погибших весной 45-го в боях за Берлин. Светло и торжественно в этом тенистом парке. Строги и спокойны лица молодых ребят в советской военной форме, замерших у величественного монумента советскому воину-освободителю. Чисто и тихо в длинных, заботливо ухоженных аллеях.

Но мы видели Трептов-парк не таким. 24 апреля 1945 года здесь более пяти часов шло кровопролитное сражение. Стальной ураган из бомб и снарядов, бушевавший в парке, с легкостью разметывал в щепки вековые деревья. По газонам и вместо песчаным дорожкам, стреляя на ходу и грохоча гусеницами моторами, ползли танки. Темные аллеи и просвеченные весенним солнцем лужайки были усеяны трупами людей и залиты кровью. Тонкие запахи [illegible] акаций и сирени тонули в горьком дыму и гари.

Одним из важных моментов в бою был захват нашими воинами обсерватории, расположенной в южной части парка. Узнав об этом, мы с комдивом поспешили туда, рассчитывая использовать обсерваторию под наблюдательный пункт.

Промчавшись по задымленной аллее, машина чуть не уткнулась радиатором в массивное здание с куполообразной крышей, в которой зияли две дыры и, словно пушка, направленная на восток, торчала огромная труба телескопа. Каким-то чудом она смогла не только уцелеть при артобстреле, но даже не получить ни единой царапины. Исправны были и вращающиеся механизмы, приводящие ее в движение.

— Неужели и эта мирная астрономия использовалась для войны? — с интересом разглядывая блестящие металлические ручки и колесики, спросил Антонов.

— Как видите, она совсем не на звезды направлена,— кивнул я в сторону трубы.

В это время разведчики подвели к нам пятерых немцев, захваченных где-то под самым куполом обсерватории.

— Что за гуси? — спросил я нашего переводчика Маринова, немедленно приступившего к их допросу.

— Наблюдатели. Вели наблюдение за нашей переправой через Шпрее и докладывали в штаб обороны Берлина.

— Какой дивизии?

— Танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд». Командует ею бригаденфюрер СС Циглер.

— Каких только наименований они не налепили своим дивизиям. И одно громче другого,— с иронией заметил Антонов.

— Да, но им-то от этого не легче. Ведь от многих немецких дивизий остались одни их громкие наименования, как это случилось и с дивизией «Нордланд».

— Михаил Иванович, надо съездить на переправу! — неожиданно сказал Антонов, обращаясь ко мне.— Надо попрощаться с теми, кому уж не доведется встречать День Победы. Я приказал снести тела всех погибших к переправе, чтобы завтра переправить их на восточный берег Шпрее.

У переправы нас встретил командир саперного батальона капитан Ф. П. Поливанов, который провел нас к небольшой рощице, где тесным рядком, по-братски прижавшись друг к другу плечами, лежали наши товарищи — те, кто еще совсем недавно был здоров, полон сил, те, кто, не жалея себя, рвались вперед, к победе, увлекая за собой других.

С краю я сразу узнал ничуть не обезображенное смертью дорогое всем нам лицо комбата Николая Васильевича Оберемченко и почувствовал, как защипало глаза от подступающих слез. На войне часто приходится встречаться со смертью. Можно свыкнуться с мыслью, что в любой момент и тебя самого может найти вражеская пуля. С одним невозможно смириться — с гибелью боевых товарищей.

Мы обнажили головы и постояли молча, мысленно прощаясь с ними.

Когда мы уже собрались уходить, я вдруг заметил, что с низко висевших ветвей на лица убитых падают крупные светлые капли, скатывались по их щекам, словно слезинки.

— Товарищ полковник,— обратился я к Антонову,— смотрите, дождя ж вроде не было, а с деревьев каплет...

— Я сейчас готов поверить, что даже деревья оплакивают погибших,— угрюмо сказал Антонов, надевая фуражку.

Когда мы вернулись в Трептов-парк, комдиву доложили, что НП для него уже готов, и Антонов сразу решил перебраться туда, прихватив с собой оперативную группу. С ним отправился и писатель Борис Полевой, прибывший в дивизию на рассвете в военной форме с майорскими погонами.

На войне даже в период самых напряженных сражений иногда случаются неожиданные паузы. Так произошло и в это яркое весеннее утро. Впрочем, данной паузе можно было найти объяснение: ибо десятидневные, почти непрерывные бои так измотали обе стороны, что они разом, будто по команде, прекратили боевые действия.

Солнце пригревало уже довольно сильно. Поэтому я решил сбросить шинель и налегке — с ординарцем, двумя автоматчиками — отправился на наблюдательный пункт к комдиву.

Шел я по краю огромной поляны, нежная зелень которой была испещрена окопами, щелями, дымящимися воронками от бомб и снарядов, перепахана гусеницами танков и самоходок.

У боевых порядков батальона Михайлова меня чуть не сбила с ног неожиданно выскочившая из кустов телефонистка Маша Пискунова.

— Что случилось, Маша? — встревоженно спросил я, удивленный ее видом: глаза расширены, по испуганному лицу текут слезы, волосы выбились из-под пилотки.

— Ой, товарищ полковник, что там делается на Штрассе! — вытирая слезы, почти шепотом сказала она, быстро оглядываясь назад, будто там происходило нечто ужасное. Впрочем, как выяснилось из ее дальнейшего рассказа, событие, так потрясшее Машу, действительно было из ряда вон выходящим и даже на мое, прошедшего, как говорится, огни, воды и медные трубы, произвело сильное впечатление. Оказывается, гитлеровцы до того остервенели, что открыли стрельбу по своим же женщинам и детям, которые попытались укрыться от огня на нашей стороне.

4*

— Знаешь что, Машенька, успокойся — чего еще можно ждать от этих варваров? А еще называют себя высшей расой! И свяжи-ка меня побыстрее с комдивом.

— Одну минуту, товарищ полковник,— засуетилась Маша, снимая с плеча телефонный аппарат.— Сейчас я вас подключу...

— Меня, Машенька, подключать не надо,— пошутил я.— Ты мне хотя бы телефонный аппарат подключи.

— Ах да, конечно, товарищ полковник,— сквозь слезы улыбнулась Маша, как видно окончательно успокоившись.

На НП телефонную трубку сразу взял сам Антонов. И как мне показалось, очень обрадовался, услышав мой голос:

— Мишенька, дорогой, давай пробивайся быстрей ко мне. Тут наш гость все еще у меня,— добавил он, имея в виду Бориса Полевого.— Все что-то записывает. Вообще, у нас ему, видать, нравится... Короче: подходи, жду!

Через несколько минут я благополучно добрался до сильно разрушенного здания на Тротцовштрассе, которое занимала одна из наших стрелковых рот. С северо-востока доносился гул артканонады. Но на этой улице было тихо. Лишь на верхушках деревьев, беспокойно перелетая с ветки на ветку, заполошенно кричали вороны. «Вот раскаркались, не к добру»,— поморщившись, подумал я, наблюдая за противоположной стороной улицы.

И словно в подтверждение моей мысли из темного провала одного из подъездов гуськом стала вытягиваться группа женщин с детьми.

Мы затаили дыхание, зная, чем это может кончиться для несчастных матерей, которые смогли решиться на такой отчаянный шаг лишь из-за полной безвыходности своего положения, пытаясь спасти жизнь своих маленьких.

Развязка последовала мгновенно. Из окон верхних этажей прогремели пулеметные очереди. Многие из перебежчиц с детьми остались лежать на асфальте. Оставшиеся в живых мгновенно вернулись в подъезд.

Лежавший позади ординарец Андрей Кориненко «многоэтажно» выругался в адрес «проклятых извергов», которым, дескать, мало русской крови, они теперь и своей, немецкой, не жалеют.

Воспользовавшись установившимся затишьем, я решил продолжить свой путь на НП. Однако, перейдя на позиции другой роты, мы стали свидетелями еще одного драматического эпизода. На этот раз на пустынной улице появилась лишь одна женщина, которая так крепко прижимала к груди ребенка, словно была уверена, что защитит его своим телом от пуль. Шла она стремительно, не оглядываясь назад, легкой, упругой походкой. И каждое ее движение выражало страстную решимость дойти, пробежать эти несколько роковых метров до ближайшего дома, занимаемого нашими бойцами.

Что и говорить: все мы затаили дыхание. Не то что выстрелом — даже каким-то неосторожным стуком, шорохом каждый боялся спровоцировать немцев на огонь по этой никому не известной женщине, которая ради спасения своего ребенка бесстрашно шла сейчас навстречу своей смерти.

Даже галки притихли, будто понимая смысл происходящего.

Женщина была уже на середине Шпрее, и я уже готовился послать кого-нибудь ей навстречу, когда с немецкой стороны сухо прострекотала короткая очередь. Женщина остановилась, будто раздумывая — не повернуть ли ей назад. Зашаталась. И медленно осела на мостовую.

Тихий вздох, словно стон, прошелестел по рядам наших бойцов.

И тут мы услышали пронзительный детский крик. Ребенок был жив. Он вцепился ручонками в убитую мать, захлебываясь от крика и плача. Мы онемели от ужаса. У меня было ощущение, какое возникает, когда кто-то кричит о помощи в охваченном пламенем доме. Человек погибает. Ему нужна срочная помощь. Однако тот смельчак, что рискнет броситься к нему на помощь, сам подвергнет себя смертельной опасности.

Щемящий сердце крик ребенка не умолкал. Хотя становился все тише и жалобнее; чувствовалось, что силы покидают измученного малыша.

И вдруг с места дислокации 3-го батальона как-то спокойно, будто на мирную прогулку, выскочил боец, деловито закинул на спину автомат, затем привычным движением распластался на асфальте и по-пластунски, быстро перебирая руками и ногами, пополз к ребенку.

Вот он уже около него. Встает на колени. Берет ребенка на руки. Сначала пробует ползти, прижимая его к груди. Но видно, что для него это очень неудобно. Наконец, он вскочил и, выпрямившись в полный рост, уже не пригибаясь, пустился бегом к нашим позициям.

«Быстрей, быстрей!..» — мысленно с мольбой торопил я храбреца, почти физически ощущая каждое его движение.

Вот он у полуразрушенной стены. Секунду поколебался. Поставил ребенка на землю. Видно, решил перевалить через невысокую стенку сам, а затем уже перетащить через нее свою живую ношу.

И тут... Выстрел, прозвучавший с той стороны, был одним-единственным. Но пуля точно нашла свою цель. Герой покачнулся, сделал быстрый шаг в сторону, словно боялся упасть на ребенка, и мягко повис на рваном краю стенки, обхватив ее слабеющими руками.

Подбежавшие товарищи подхватили его на руки. Понесли. Кто-то быстро поднял и перенес через стенку ребенка, который оказался очень бледной, истощенной до крайности девочкой.

Ранение, полученное старшим сержантом Лукьяновичем (так звали героя), было очень тяжелым. Пуля гитлеровского снайпера навылет прошила его грудь. Я тут же вызвал санитарную линейку. Приехала медсестра Наташа Коротич и два санитара. Лукьяновичу сделали укол, перевязку, и он пришел в сознание.

— Оплошка вышла, товарищ полковник,— чуть слышно сказал сержант, с трудом шевеля посиневшими губами.

— Какая оплошка? О чем вы говорите? — волнуясь, спросил я, наклонившись к нему.

— Да как же, на пороге у Гитлера...— закрывая глаза, прошептал он.

— А, вот вы о чем... Дай бог каждому совершить то, что вы сейчас сделали. Так что, лечитесь, выздоравливайте. А о вашем подвиге мы обязательно напишем вашим родным.

— Нет у меня родных, товарищ полковник,— открывая глаза, печально произнес сержант.— А будет случай, так напишите ребятам на Минский радиозавод. Там каждый знает Тришку Лукьяновича...

Подошедшая медсестра Наташа Коротич мягко, но решительно напомнила, что раненого следует немед-

лечно эвакуировать в армейский госпиталь. Я знал, что этот госпиталь располагался в Карлсхорсте, в казармах инженерного училища. Путь неблизкий. И я махнул рукой, давая знак к отправке санитарной линейки. С грустью проводил я ее взглядом: как сложится судьба старшего сержанта Лукьяновича, удастся ли спасти этого славного парня?

Тем временем спасенную Лукьяновичем маленькую немку буквально взяли в оборот наши девушки. Связистки Маша Бережная, Рая Голуб, Маша Пилкунова вымыли ее, переодели в чистое солдатское белье, предварительно урезав и ушив его. После чего для девочки, которой было годика два-два с половиной, был приготовлен обед. Судя по всему, русские щи и каша пришлись ей по вкусу. Ибо подставленная ей солдатская миска опустела почти мгновенно.

Позже мы передали девочку одной из жительниц Трептова, которая на вид показалась нам доброй и сердечной женщиной.

Однако этим история спасенной русским солдатом немецкой девочки не кончилась. Дело в том, что за его героическим поступком лично наблюдали находившиеся поблизости комдив Антонов и писатель Борис Полевой. Последний был так взволнован случившимся, что тут же обратился к Владимиру Семеновичу с просьбой дать ему машину.

— Я немедленно должен быть в штабе армии,— объяснил он.—Надо передать в Москву репортаж о подвиге старшего сержанта Лукьяновича.

Действительно, через три дня в «Правде» появился большой очерк Бориса Полевого. В нем сообщались некоторые биографические подробности Трифона Андреевича Лукьяновича, 1919 года рождения. Комсомолец. До войны — рабочий Минского радиозавода. В первые же дни войны погибла его семья — все до единого. Жена. Две дочери. Теща. Не потому ли так остро воспринял он трагедию совершенно незнакомой ему немецкой матери и ее беззащитного ребенка?

Остальное нам было известно и до этого. К нам в дивизию Лукьянович пришел во время боев за освобождение Донбасса. Крепкий, плечистый парень — предельно скромный, но в то же время отчаянно бесстрашный в бою, он сразу заслужил большую любовь и уважение товарищей.

На Одере Лукьянович получил ранение. Подлечился в медсанбате и к началу штурма Берлина был вновь в строю. Мечтал ворваться в рейхстаг, но сумел дойти лишь до Трептов-парка.

Пять дней спустя, 30 апреля 1945 года, когда до конца войны оставались считанные дни, с большой горечью мы узнали, что, несмотря на все старания врачей спасти жизнь героя, Трифон Андреевич Лукьянович скончался.

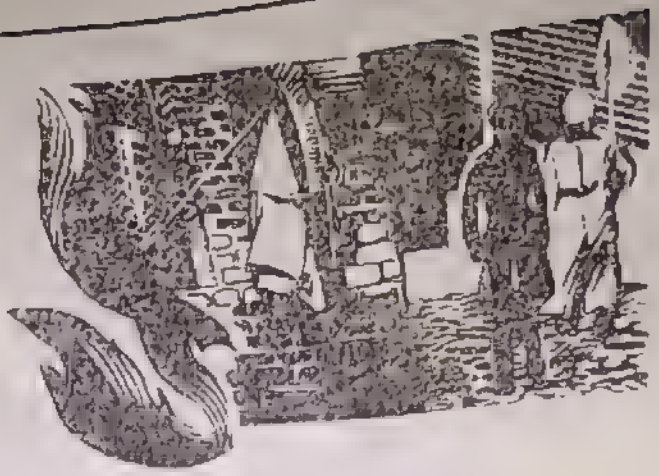
Но теперь, через много лет, когда я смотрю на открытку или плакат с изображением величественного монумента советскому воину-освободителю в Трептов-парке, мне кажется, что это стоит воплощенный в камне наш славный воин старший сержант Трифон Лукьянович, держа на руках немецкую девочку, ради спасения которой он пожертвовал своей жизнью.

Я знаю, что скульптор Евгений Викторович Вучетич, создавая монумент, использовал для натуры другого человека, в то же время обобщая этот образ, придавая ему типичные черты нашего поколения воинов-победителей. И это правильно, потому что такой подвиг только у нас в дивизии совершили сержант Масалов, лейтенант Леонид Подгорбунский... А сколько было еще тех, кто остались мне и другим неизвестны?..

Кто же позировал Евгению Вучетичу? Это участник войны, бывший сержант Иван Степанович Одарченко, который ныне живет и работает в Тамбове на подшипниковом заводе.

А девочку, которую держит советский воин, Вучетич лепил сначала с трехлетней дочери немецкого скульптора Феликса Краузе-Марлены, а затем с младшей дочери советского военного коменданта Берлина генерал-майора А. Г. Котикова. Было это в 1946—1948 годах.

Кстати сказать, после войны Борис Полевой, недавно другие ветераны войны, в том числе — дважды — и я, пытались отыскать девочку, спасенную сержантом Лукьяновичем. Но все наши попытки оказались, к сожалению, безрезультатными. Но кто знает,— возможно, эта теперь уже взрослая женщина помнит тот памятный день 25 апреля 1945 года? Хочется верить, что ее все-таки удастся разыскать. Буду рад, если этому поспособствует эпизод, изложенный с предельной достоверностью в моей книге.



В ЦЕНТРЕ ПЫЛАЮЩЕГО БЕРЛИНА

1

Перебравшись через Ландвер-канал в районе Гарлицерского вокзала, мы оказались в центре огромного пожара. Казалось, весь Берлин представляет сейчас собой грандиозный пылающий костер. Немало огня, дыма, разрушений повидали мы, продвигаясь уже предместьями города. Но то, что мы увидели здесь, в центре, поразило воображение даже привыкших к подобным картинам бойцов. Нас окружал какой-то огненный ад. Горело все, что могло и не могло гореть в других условиях: жилые дома и заводские корпуса, гостиницы и бары, железнодорожные и трамвайные вагоны, автобусы и троллейбусы...

У изуродованного бомбежкой пятиэтажного здания мы увидели одну из наших ротных кухонь, над которой вился ароматный парок. Начальник политотдела дивизии подполковник Коломейцев, ехавший следом за моей машиной, крикнул:

— Михаил Иванович! Может, перекусим немного?

В горячке боя за мост думать о еде было некогда. Но сейчас я тоже почувствовал во рту набежавшую слюну и приказал остановить «виллис». Не успели мы пройти и десятка метров, как откуда-то с верхнего этажа громыхнула автоматная очередь. Припавшись, мы бросились вперед. Вдогонку ударило еще несколько выстрелов, но мы уже повернули за угол.

— Вот сволочи! Вывесили белые флаги, а палят,— больше с недоумением, чем со злостью, сказал Коломейцев, с трудом умеряя расходившееся дыхание.

— Для фашистов законы не писаны,— заметил я.— Даже если они идут к тебе с белым флагом — в любой момент жди от них всякой подлости...

Прежде чем выйти к кухне, мы минут 15 проплутали по каким-то захламленным, засыпанным битым стеклом и штукатуркой коридорам, подвалам, комнатам. В одном месте чуть было не попали под с грохотом обрушившуюся стену; в другом — наткнулись на забившихся в темный угол двух немецких солдат, которых забрали с собой; в третьем — внезапно провалились под пол и пролетели вниз этажа на два. К счастью, обошлось без ушибов. Когда же наконец выбрались к кухне, то на мгновение застыли от изумления. К походной кухне, возле которой ловко орудовал рядом повар в белом колпаке, вытянулась длинная, на целый квартал, очередь немцев.

Повар мне был знаком. Сразу вспомнилась и фамилия: Кузьмичев. Родом он был откуда-то из-под Пугачева, но по характеру — истый волгарь: разговорчивый, покладистый, ревниво сохранивший в своей памяти все то, что имело хоть какое-то отношение к его родному краю.

Он сыпал в своей речи десятками названий волжских пароходов, на которых плавал. А что касается рыбацкой ухи, то, по его словам, никто лучше его не варил ее на всей Нижней Волге. Была у Кузьмичева еще одна слабость. Любил он пофилософствовать на «высокие» темы, вставить в речь при этом где-нибудь вычитанную заковыристую «ученую» фразу, без всякого смущения выдавая ее за свою. Частенько случалось, что, увлекшись собственным красноречием, Кузьмичев по нескольку раз солил суп или подперчивал его так, что с первой же ложки рот словно бы перехватывало огнем. За это ему немало перепадало, но нисколько не изменяло его добродушной, симпатичной даже в своих чудачествах натуры.

Вот и сейчас Кузьмичев был верен себе. Стоя на каких-то ящиках, приставленных к кухне, он вдохновенно что-то объяснял почтительно прислушивавшимся к его словам немцам, пытаясь восполнить незнание языка отчаянной жестикуляцией зажатого в руке черпака. Увидев нас, Кузьмичев быстро соскочил с ящиков и, поднеся руку к раскрасневшемуся от возбуждения лицу, приподнято отрапортовал:

— Товарищ полковник! Раздаю остатки супа рабочим завода!

Очередь зашевелилась. Здесь в основном были женщины, дети, старики. У многих из них в глазах появились страх и слезы. Тем не менее никто не двинулся с места. Чувство голода все-таки пересилило страх.

— А вы уверены, товарищ Кузьмичев, что тут только одни рабочие? — кивнул я в сторону очереди. — Между ними могут ведь затесаться и фашисты.

Стоявшие в очереди немцы снова заволновались, вероятно уловив в моей речи знакомое им слово: «фашист». Двое из них вышли из очереди и, указывая на здоровенного детину с толстой шеей и аккуратно разделанным пробором светлыми волосами, волнуясь и перебивая друг друга, заговорили на ломаном русском языке:

— Господин офицер! Это есть наци!.. Фашист!

— Расстегните пальто! — приказал я «фашисту» через переводчика. Побледневший детина дрожащими руками снял с себя пальто. И тут все увидели висевшую на его красной шее бронзовую фашистскую эмблему на тонкой цепочке.

— Так, все ясно! — взглянув на смущенного таким оборотом дела Кузьмичева, сказал я и, повернувшись к начальнику разведки майору Боровко, приказал: — Отведи-ка этого молодца в штаб дивизии. Там разберутся, что за птица.

Когда Боровко с немцем ушли, я отозвал Кузьмичева в сторону:

— Ну, товарищ Кузьмичев, видишь, какой «рабочий» нацелился на твои харчи?

— Товарищ полковник! - начал божиться тот. — Да я бы этого гада сразу распознал. Как только подошел к котлу... У меня на этот счет глаз верный. Я их за войну столько перевидал, что, можно сказать, нутром чую фашиста...

— Ну, хорошо. А чем ты будешь кормить бойцов роты, если все немцам раздашь?

— В роте все накормлены, товарищ полковник. Кроме того, у них есть еще запас на два дня. Так что голодными не будут. Они меня сами об этом и попросили: раздай, говорят, голодным немецким рабочим...

— А о чем ты говорил с немцами?

— Я-то? Я, значит, согласно текущему моменту констатировал, что, поскольку фашистский зверь находится при последнем издыхании, всем честным немцам надо брать курс на новую жизнь. Давать полный вперед, как говорят у нас на Волге, и из фашистских льдов выходить на чистую воду. И в этом наш брат, русский солдат, объявляет им свое полное понимание и солидарность. И хотя фашистские людоеды двух моих родных братьев загубили, к вам, мирным немцам, я никакой мести не питаю. А расчет свой буду производить по другой линии, против тех фашистских истуканов, которые в данный момент под землю зарылись вместе со своим бесноватым Адьюй-фюрером, но мы их и оттуда достанем. Потому как нет сейчас такого места — ни на земле, ни под землей,— где бы они могли уберечь свою коричневую шкуру. В таком разрезе, говорю, я проводит[illegible] партию, которую я [illegible] ему, по-простому, и [illegible] дения.

— Хорошо, товарищ К[illegible] — улыбнулся я — По линию партии, конечно, [illegible] и обед не забывай вовремя подвозить бойцам...

— Товарищ полковник, [illegible] какой,— даже обиделся Кузьмичев.— У меня это завсегда в аккуратности получается. На меня бойцы еще в претензиях не бывали. Они уж знают: если Кузьмичев следует на передовую с горячим питанием, никакой огонь его не остановит...

Когда мы перекусывали здесь же, около кухни, к нам подошел еще один немец. Он был невероятно тощ и бледен, с темным небритым лицом. Я разговорился с ним через переводчика. Это оказался рабочий одного из берлинских заводов...

— Для рабочего человека жизнь в Германии сейчас — настоящая каторга, — печально говорил он.— В последнее время нам выдавали каждому по двести граммов хлеба и два килограмма картофеля на неделю. А работать приходилось по шестнадцать и более часов. Посмотрите,— немец, растопырив пальцы, вытянул вперед свои высохшие прозрачные руки.— Видите, что от меня осталось? Хорошо, что я еще держусь на ногах. Другие вообще не могут ходить.

Пока мы перекусывали, я случайно бросил взгляд в сторону Адмиралштрассе и вдруг увидел немолодую

уже женщину с двумя малолетними детьми, которая стояла прижавшись к стене пятиэтажного, избитого бомбами и снарядами дома. На ней было старое, в заплатах, платье, стоптанные туфли и серый ситцевый платок. Женщина была так истощена, что едва держалась на ногах. Но особенно поразил меня вид детей. Мальчику было лет семь или восемь, девочке около пяти. Оба были такие исхудалые, что их ручки и ножки казались похожими на палочки.

— Володя, спроси, почему эта женщина, у дома, не идет к кухне?

Лейтенант Маринов подошел к ней, задал несколько вопросов, потом, вернувшись, перевел:

— Говорит, что не встает в очередь, потому что боится упасть, да и за детей боится — их могут задавить...

— А муж у нее есть? Кто он? — спросил я, подходя к ней поближе.

Маринов перевел немке мой вопрос. Та заговорила горячо, торопливо. На глазах у нее сразу выступили слезы.

— Говорит, муж у нее был рабочим, — перевел Маринов.— В 42-м году его отправили на Восточный фронт, и он погиб где-то под Ленинградом. Фашистом он не был.

Я не стал больше мучить эту женщину расспросами. Погладил по светлым головкам ее детей. И вдруг неожиданно для себя нагнулся и взял их на руки. Это привело их мать в страшное волнение. Она с мольбой протянула ко мне свои исхудалые руки, словно умоляя пощадить ее малышей. Маринов взял ее за локоть и стал успокаивать, говоря, что господин полковник не причинит ее детям никакого зла и что он просто хочет их накормить.

Однако немка с мольбой продолжала вглядываться в мое лицо, словно желая удостовериться, не обманывает ли ее этот симпатичный русский офицер. Я с грустью подумал: вот он, результат геббельсовской пропаганды. Ведь долгие годы немцам вдалбливали в головы, что русские — это не люди, а какие-то варвары, звери-людоеды. И теперь в душе несчастной женщины, как видно, боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, наш миролюбивый вид не мог не вызывать у нее доверия, но, с другой стороны, геббельсов-

ская ложь еще продолжала держать ее в своих цепких руках.

Наконец немку удалось успокоить, и я повел детей к кухне.

— Ну-ка, сержант,— обратился я к Кузьмичеву.— Накорми этих детишек вне очереди. Видишь, они еле на ногах держатся...

Повар жестом руки попросил их подойти поближе, те, немного осмелев, доверчиво протянули ему пустые консервные банки, служившие им посудой. Кузьмичев взял эти банки, секунду помедлил, словно бы размышляя, что с ними делать, и вдруг, к удивлению ребят, широко размахнувшись, забросил их за лежавшую неподалеку кучу щебня. А сам, открыв передок кухни, порылся там и извлек два вместительных немецких котелка.

— Взял про запас у убитых фашистов,— пояснил он мне.— Да вот не думал, что придется кормить из них немецких детишек...

И он, зачерпнув черпаком в котле, ловко наполнил один котелок дымящимся мясным супом, а второй — наваристой гречневой кашей.

— Ну-ка, огольцы, принимайтесь за дело! — добродушно произнес он, подавая детям котелки. Я вновь взял их за руки и отвел к матери, которая наблюдала за всем происходящим полными слез глазами. Женщина поклонилась мне и повела детей в подъезд своего дома.

А я с переводчиком, ординарцем и связистом сел в машину и отправился на свой КП, находившийся в одной из станций метро, чтобы срочно составить боевое донесение в штаб корпуса. Очевидно, я бы вскоре забыл о встрече у полевой кухни. Но неожиданно этот эпизод получил продолжение.

Я уже заканчивал опереводку, когда вбежал лейтенант Каретников и доложил, что меня хочет видеть какая-то немка. Я поднялся наверх из станции метро и увидел ту самую женщину, детей которой мы недавно накормили с поваром Кузьмичевым.

— Володя, спроси, что она еще хочет? — обратился я к Маринову.

Он быстро перекинулся с ней несколькими фразами, а затем доложил:

— Она просила, товарищ полковник, чтобы поблаго-

дарить вас за то, что спасли ее детей от голодной смерти.

— Ну, передай ей, что так поступил бы на моем месте каждый или офицер или солдат. Еще скажи, что меня очень тронуло ее внимание, и я желаю ее детям вырасти настоящими людьми, чтобы строить новую Германию...

Однако немка, выслушав все, что перевел ей Марнов, все-таки не уходила и вновь стала что то ему говорить.

— Товарищ полковник,— смущенно перевел Марнов.— Она хочет в знак благодарности преподнести вам какой-то подарок.

Я начал было отказываться, но немка не хотела даже слушать. Торопясь, она раскрыла сумочку, вынула оттуда что-то аккуратно завернутое в бумажку и, покраснев, протянула мне. Я понял, что это тот случай, когда отказаться — значит смертельно обидеть человека, и развернул бумажку. На мою ладонь легло пенсне в старинной бронзовой оправе с серебряной цепочкой на ручке. Очевидно, это была самая дорогая вещь в ее доме. И снова попробовал отказаться, но женщина прижала пенсне к моей ладони, словно давая понять, что о возвращении его не может быть и речи. Повернулась и быстро ушла.

Сорок лет прошло с тех пор. Очевидно, той немецкой женщины давно уже нет в живых. Но конечно, живы ее дети, которые, возможно, и помнят тот апрельский день в горящем военном Берлине и русского повара, спасшего их от голодной смерти.

Что же касается меня, то я до сих пор храню то старинное пенсне. Потому что слишком дорого для меня все то, что я вспоминаю, глядя на него.

А тогда, в Берлине, я еще раз вспомнил повара Кузьмичева и его «философию», когда видел лежащие кое-где белые скелеты лошадей. На них не было ни кусочка мяса, словно кто-то старательно оскоблил их ножом.

— Кто это их так обглодал? — удивленно спросил я Коломейцева.

— Собаки, наверно,— пожал тот плечами.— Уж если людям есть нечего, то собакам и подавно.

Но, как мы узнали потом, дело было вовсе не в собаках.

Ночью 26 апреля я позвонил Радаеву и спросил, как идут дела с подготовкой к наступлению.

— Все идет нормально. Вот только с пленными беда. Приводят целыми толпами. Ума не приложу, куда их девать...

— Отправляй их в тыл.

— Не могу, товарищ начштаба. У меня каждый боец на счету. И выделять их для конвоя пленных не никакой возможности.

— А что нового в показаниях пленных?

— Сообщают, что 24-го по радио опять выступал Геббельс. Уверял, что еще не все потеряно, и призывал своих солдат к сопротивлению. На что еще рассчитывает, гад! Понятно, что ему скоро крышка. Но как жалко терять сейчас своих бойцов...

— Еще что?

— Подтвердили, что из гитлеровского бункера, кроме Геринга, удрали также адъютант Шаул и лейб-врач Морелль. Видел, между прочим, последний их пропагандистский листок «Либрия». Геббельс, как обычно, врет напропалую. Говорит, что «освобождения вермахта в этот час со всех сторон приближаются к Берлину». Судя по показаниям пленных, немцы, конечно, понимают, что все это чистейшая брехня. Но в то же время, видно, еще на что-то надеются. Иначе бы не сопротивлялись...

С рассветом полк Радаева начал штурм Гарлицкого вокзала. Хотя радаевцы имели уже солидный опыт уличных боев, продвижение вначале шло медленно. Вокруг горели здания. Едкий сине-бурый дым, багровый внизу от пожарищ, отвесно уходил в небо плотными клубами. Очертания улиц потерялись в обломках разбитых и обрушившихся домов. А там, где они еще сохранились, немцы воздвигали высокие баррикады, остервенело огрызаясь из-за них ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Били пушки, били пулеметы, с воем вылетали из окон фаустпатроны, метя в наши густо обсыпанные щебенкой и пеплом танки, осторожно продвигавшиеся вперед. Те вертели башнями, выискивая засевших в развалинах фаустпатронщиков, тяжело содрогались от выстрелов танковых пушек и упрямо двигались дальше.

Наконец Радаеву пришла счастливая мысль использовать для продвижения подвалы. Это задание было поручено батальону майора Перепелицына. И — приятно

ная неожиданность! — подвалы оказались неохраняемыми. Они были битком набиты мирными жителями. Немцы, которым, как видно, до смерти осточертела жизнь в осажденном Берлине, не проявляли никакого страха при виде наших бойцов, всячески старались обнаружить свою благожелательность и даже показывали им, как пройти дальше.

Удачный маневр батальона Перепелицына, подкрепленный решительными действиями других батальонов, принес полку большой успех. Вечером Радаев доложил, что им занят Гарлицкий вокзал с двумя вагонными парками, минометный завод, подземный автогараж с несколькими десятками машин и продовольственный склад.

В этот же день подразделения дивизии овладели двумя центральными берлинскими площадями — Оранинек и Вассерплан. Сюда сходилось несколько улиц: Адмиралштрассе, Каттбуссерштрассе, Ремберштрассе, Дрезденштрассе... — названия других не сохранились в памяти.

Здесь же находилась одна из станций берлинского метрополитена, тоннели которого выходили к имперской канцелярии и подземной ставке фюрера. Не в пример сверкающим мраморным дворцам московского метро станция была тесной и душной. Скользкие цементные стены и полы были покрыты слоем грязи и плесени. Из тоннелей тянуло затхлым запахом застоявшейся болотной воды.

По приказу комдива на станции был размещен командный пункт дивизии.

Ночь не принесла особых изменений. Попытки наших частей под покровом темноты овладеть машиностроительным заводом на соседней Гинденбургштрассе успеха не имели. И к утру большинство офицеров штаба и политотдела разошлись по подразделениям, чтобы начать подготовку их к новому штурму.

К вечеру привели пленных. Я подозвал к себе лейтенанта Маринова.

— Надо бы их допросить, Володя...

— Я уже допросил, товарищ полковник. Так, все сброд какой-то. Ружейные мастера, шоферы, кладовщики, повара и прочие обозники. Нового почти ничего не сообщили. Вот разве только то, что командующим обороной Берлина вместо генерал-лейтенанта Реймана назначен генерал Вейдлинг.

— Тот, что был командиром 56-го корпуса? — спросил Антонов, прислушивавшийся к нашему разговору.

— Тот самый, товарищ комдив!

— Ну, это, можно сказать, наш старый знакомый. Мы его от самого Одера лупим,— улыбнулся Антонов. Потом, помолчав, добавил: — Не думаю, чтобы он был в восторге от этого назначения. Это, пожалуй, последняя и самая тяжелая ступень в его карьере.

С восходом солнца мы с Антоновым направились в полки первого эшелона, чтобы непосредственно руководить там штурмом машиностроительного завода. Комдив — к Пеликову, а я на левый фланг — к Радаеву. Я уже не раз говорил о том, что передвигаться в осажденном Берлине было отнюдь не простым делом. Прежжую часть улиц немцы простреливали, а дворы напоминали мусорные свалки: так густо они были завалены битым кирпичом, камнями, сломанными досками и бог весть еще чем. Потому до КП Радаева я пробирался около часа. А когда наконец нашел его, услышал весть, которая заставила меня внутренне содрогнуться.

— Товарищ полковник, доложил Радаев.— Только что звонили с КП дивизии, сообщили, что ведут бой...

— Какой бой? — ошеломленно переспросил я.— Я ведь сам только что оттуда...

— Сообщили, что ведут бой,— повторил Радаев.— Комдив приказал вам немедленно вернуться назад и организовать отражение нападения. Он тоже направляется туда...

Обратно я уже бежал прямо по улице, не слыша рвущихся вокруг мин и снарядов и не обращая внимания на автоматные очереди, чертящие зловещие пунктиры по асфальту (немцы стреляли откуда-то сверху, из окон). В голове обеспокоенно пульсировала только одна мысль: «Что с КП? Неужели не успею?» По пути я прихватил человек пять встретившихся мне бойцов. Тяжело дыша, мы выскочили к станции метро и настороженно огляделись: ни души.

— Сюда! Сюда, товарищ полковник! - раздалось из входа в метро. Перепрыгивая через три-четыре ступеньки, мы метнулись вниз. Однако, едва я показался на посадочной площадке, из глубины тоннеля ударила пулеметная очередь. Рикошетя по бетонным стенкам, пули со свистом вспороли воздух. Я бросился плашмя на холодный бетон. Слева и справа прогремело несколь-

ко ответных выстрелов. Приглядевшись к темноте, я увидел, что рядом со мной лежат на площадке писари, машинистки, связистки, бойцы комендантского взвода — весь состав командного пункта.

— Что тут у вас происходит? — спросил я подползшего ко мне коменданта штаба лейтенанта Каретникова.

— Из тоннеля нас атаковала большая группа фрицев. Хотели с ходу захватить штаб, но мы отбились. Тогда они отошли назад и вот теперь постреливают оттуда, сволочи. Двоих уже ранили.

Проскочив по лестнице к телефону, я связался с полковником Пешковым.

— Александр Иванович! Станция метро на Оранienштрассе вами занята?

— Нет еще... Подошли вплотную, но еще не заняли...

— Надо бы ускорить это дело. Тут такая история вышла: немцы от вашей станции прошли по тоннелю к нам сюда и пытались захватить командный пункт. Их отбросили назад, в тоннель. Но в любую минуту они могут атаковать снова. Попробуйте отрезать их с тыла.

— Ну, это можно сделать и до захвата станции. Мне как раз майор Тушев только что доложил, что в одном месте бомба сделала в метро большую дырищу — до самого железнодорожного полотна.

— Александр Иванович! — обрадованно сказал я. — Дай ты этому Тушеву взвод автоматчиков, и пусть он через пробоину ударит нашим незваным гостям в спину...

Не прошло и получаса, как Пешков доложил мне:

— Товарищ полковник! Ваше задание выполнено! Противник в тоннеле уничтожен: пятнадцать фашистов убито и двадцать четыре взято в плен...

Позже лейтенант Каретников рассказал подробнее о нападении на штаб. Большую смелость и находчивость проявили наши девушки-связистки: Маша Бережная, Дуся Пасевина и Рая Годун. Когда немцы, стреляя на ходу, неожиданно вынырнули из тьмы тоннеля, девушки подхватили автоматы и, заняв позицию на посадочной площадке, остановили их автоматным огнем. Впрочем, чему было удивляться: несмотря на свою молодость и принадлежность, так сказать, к «слабому полу», эти девушки были испытанными бойцами, имели боевые ордена и медали и не раз в боевой об-

становке проявляли «мужское» хладнокровие и выдержку. Все это, конечно, не мешало им оставаться милыми, симпатичными девчатами, которых мы все очень любили и заботливо оберегали в боях.

2

Мы готовились к штурму дома патентного управления. Это было огромное, протянувшееся на целый квартал четырехэтажное здание. По данным разведки, за его толстыми каменными стенами кроме сводного отряда гитлеровцев укрывался еще и штаб одного из оборонительных участков Берлина во главе с бригаденфюрером Крукенбергом.

Проверяя подготовку полков к штурму, я заглянул в один из разбитых домов, где размещалось отделение сержанта Николая Шумкина, моего старого знакомца. Этот высокий широкоплечий парень был известен в дивизии как лучший истребитель вражеских танков. Коренной волжанин, он мечтал в мирные годы стать моряком, за что его часто в шутку звали «сухопутно-морским волком».

Бойцы Шумкина занимали позицию в огромном полуподвале с выломанными полами и закопченными дырами окон, заложенными доверху кирпичом и мешками со щебенкой.

Было раннее утро. Бойцы спали, свернувшись калачиком, прямо на полу. А сам Шумкин сидел за столом, тщательно протирая серой тряпкой разложенные на плащ-палатке части автомата.

— Здравствуйте, сержант,— тихо, чтобы не разбудить бойцов, сказал я.

— Здравствуйте, товарищ полковник! — вскочив, также полушепотом приветствовал меня Шумкин.

— Сидите, сидите... Что, опять на «тигров» готовитесь? — кивнул я на лежащие рядом с ним противотанковые гранаты.

— Нет, товарищ полковник! Прошло то времечко, когда ихние «тигры» шли на нас десятками. Теперь их днем с огнем не сыщешь. А этими штуками больше приходится фаустников щекотать. Конечно, того эффекту уж нет. Но ничего, мы люди не гордые. Фрица будем бить в любом обличье, в какую бы шкуру он ни залез: в «тигра» или в «пантеру» — все одно потеряет свою

собственную шкуру. Когда эти самые «тигры» только еще появились, у нас бойцы промежду собой так шутковали: фашист нас «тигром» взять старался, но сам удрал из «тигра» зайцем. Вот ведь оно как получается,— засмеялся Шумкин.

Я уже было собрался попрощаться с разговорчивым сержантом, когда дверь, ведущая в соседнюю комнату, тихонько скрипнула, и в дверной проем просунулась чумазая детская мордашка и, сверкнув глазенками, вновь скрылась. Сопровождавшие меня офицеры в недоумении переглянулись.

— А, это Янек,— объяснил Шумкин и ласково позвал: — Ком, Янек, ком шпель...

Дверь открылась, и через порог робко переступил светловолосый мальчуган лет 10—11. Он был сильно истощен. Оборванный ворот потерявшей цвет рубашки открывал острые, худые ключицы. Он был, настороженно поглядывая на нас, его худенькое, напружинившееся тельце говорило о том, что в любую минуту готов броситься обратно.

— Это чей же пострел? Уж не твой ли? — улыбнувшись, спросил я Шумкина и как можно доброжелательней посмотрел на мальчишку, показывая всем своим видом, что ему нечего нас бояться. И действительно, заметив мою улыбку, Янек опрометью кинулся к Шумкину, одной рукой обнял его за шею, а другой стал нежно гладить небритую щеку сержанта. Шумкин был явно растроган.

— Ишь ты, соскучился малец без родительской то ласки, — дрогнувшим голосом пробормотал он.

— Он что, немец? — спросил я.

— Нет, поляк. Они были тут в подвалах. Одни погибли при бомбежке, другие померли от голода. А этот вот уцелел, хоть и в нем, как говорится, еле-еле душа в теле...

— А почему же ты с ним по-немецки объясняешься?

— Вышибли из него фашисты родной язык. Хотя кое-какие слова еще помнит. Рассказал, что отец у него погиб еще в самые первые дни нападения Гитлера на Польшу. Говорит, что у отца были шпоры и сабля. Видать, был кавалерист. Немцы вывезли его с матерью в Германию. Работала она тут на каком-то заводишке. Потом мать погибла при бомбежке. Невеселая, в общем, история. А парнишка шустрый, промежду прочим.

Он нашему комбату Давыдову и ротному Ильченко все подземные проходы показал...

— А сам-то ты женат? — спросил я Шумкина.

— Нет, товарищ полковник. Во время войны не до этого было. А после войны думаю еще на флоте послужить. Манит меня эта стихия. По ночам все море вижу. И откуда оно ко мне привязалось, сам не пойму. В роду-то у нас моряков не было. Все мои братаны да сестренки в совхозе работают. А у меня вот сердце по морю тоскует...

Потом мне рассказали: когда первые эшелоны с репатриированными советскими и польскими гражданами отправляли на восток, сержанта Шумкина видели на вокзале. Он провожал какого-то мальчика. Это был, конечно, Янек...

3

Операция по овладению зданием патентного управления началась в 4 часа утра 27 апреля. На первом этапе ее предстояло выбить противника из жилого квартала и еще занимаемых им некоторых цехов машиностроительного завода. Это было сделано к 10 часам подразделениями 1052-го и 1050-го полков.

Штурм здания патентного управления начался около 11 часов. Первая попытка стрелковых рот проникнуть в него противником была отбита. Перед второй попыткой мы выдвинули вперед тяжелые танки и орудия дивизионной артиллерии. Сотни снарядов впились в массивные, метровой толщины стены здания. Все потонуло в гуле, вое и скрежете. Через некоторое время три верхних этажа были сильно разрушены. Повсюду зияли огромные пробоины. Однако и это не помогло. Поднявшиеся в атаку подразделения понесли потери и вновь откатились назад. Кроме того, фаустники вывели из строя два танка, орудие и миномет.

Исход штурма решили смелые действия батальона Героя Советского Союза капитана В. А. Емельянова и роты капитана Козловского под общим руководством командира полка подполковника Пешкова. По подземным ходам и подвалам смельчаки проникли на соседнюю улицу — Альтерякобштрассе, а оттуда — на третий этаж управления.

Через лестничные пролеты и пробоины в потолках

смельчаки стали забрасывать немцев гранатами. Бой внутри здания привел обороняющихся в замешательство. Часть своих сил они вынуждены были отвлечь на борьбу с тушевской группой. А в это время с фронта патентное управление атаковали три батальона полка Радаева. Под двойным нажимом наших воинов гитлеровцы отступили.

Как уже говорилось, верхняя часть управления была сильно разрушена снарядами и бомбами. Но когда через полуобвалившийся подъезд мы прошли в подвал, нашим глазам предстала совсем иная картина. Под зданием размещалось множество хорошо оборудованных комнат, электростанция, многоканальный телефонный коммутатор. В том, что здесь располагался штаб, теперь уже никто не сомневался. В комнатах стояли письменные столы, сейфы, железные ящики. На полу валялись обрывки топографических карт, планов берега и другие бумаги с военными штампами. Из пишущих машинок выглядывали недопечатанные листы документов.

Пройдя в конец коридора, мы вдруг почувствовали вкусный запах жареного мяса. Открыв одну из дверей, я увидел два больших мраморных стола, на которых лежали мясо, картофель, лук и другая снедь. Но что самое удивительное — газовая плита горела, и на ней тихо потрескивало дожаривавшееся жаркое. Здесь была кухня. Дверь напротив вела в столовую. Открыв ее, мы так и ахнули: три длинных стола, составленных буквой «Т», были сервированы дорогой посудой и буквально завалены всевозможными яствами. Чего тут только не было! Жареные куры, кролики, сосиски, отбивные, яичница, сыры, свежемороженые фрукты и ягоды. А вина! Французские, английские, венгерские...

— Ничего не понимаю, свадьбу они собирались играть, что ли? — оборачиваясь ко мне, с веселым недоумением сказал Антонов.

— Если свадьбу, то мы пришли как раз вовремя,— пошутил я.— Жаль только, невесту с женихом не видели, да и все гости разбежались...

Пожалуй, за всю войну это был первый и последний случай, когда мы разместили свой командный пункт с таким комфортом. Помещений хоть отбавляй. Обстановка только чего стоит — столы, стулья, пишущие машинки. Особенно довольны были связисты: к их услу-

там были два коммутатора — с полсотни телефонов различных марок. До сих пор не пойму, почему нам никому не пришло в голову узнать, работают ли телефоны и с кем они соединены. Через полчаса наш штаб уже полностью включился в работу. Устанавливали связь с частями. Принимали и передавали приказы, запросы, распоряжения. Стрекотали пишущие машинки, попискивали зуммера телефонов, шуршали бумаги... Внезапно в этот размеренный рабочий гул резко ворвался требовательный телефонный звонок. Все так и подскочили, оцепенев. Враз наступила тишина.

— Что там у вас? — крикнул я связистам в соседнюю комнату. Ответа не последовало. Я подошел к двери и увидел, как дежурная телефонистка Маша Пискунова, прижимавшая к уху одну из телефонных трубок, вдруг испуганно отбросила ее, словно обожгла об нее руку.

— Что случилось, Пискунова? — повторил я.

— Товарищ полковник, у телефона немец,— испуганно расширив глаза, прошептала Маша.

— Ну и что? Что же вы так напугались? Он ведь в вас по проводу стрелять не будет, — улыбнулся я.

— Он так орал, товарищ полковник, — покраснев, сказала Маша.

— Лейтенант Маринов! — позвал я переводчика.— Подежурь-ка, братец, у телефона. Тут звонил какой-то немец. Если еще раз позвонит, спроси, чего ему нужно...

В это время вновь раздался звонок.

— У телефона... — взяв трубку, по-немецки сказал лейтенант. Послушав некоторое время с напряженным вниманием, он прикрыл трубку рукой и, повернувшись ко мне, сказал шепотом: — Из имперской канцелярии... от генерала Бургдорфа...

Кто такой Бургдорф, я тогда еще не знал, но это было не так важно. Важно было узнать, чего хочет этот сердитый генерал. Потому я сказал Маринову:

— Спроси, что ему нужно...

Стараясь говорить по-немецки как можно чище, Маринов стал вести разговор, заговорщически поглядывая в нашу сторону. Потом вновь прикрыл трубку рукой:

— Требуют к телефону какого-то подполковника Зейферда — доложить обстановку на участке...

— Пошли его к черту,— сказал Антонов, которому стал надоедать разыгрываемый нами спектакль.

— Нет, нет, погоди... Скажи, что подполковник вышел, а обстановка, мол, скверная, почти безнадежная...

Едва Маринов передал эти слова, как с другого конца провода полетела такая отборная немецкая брань, что он даже отвел трубку от уха.

— Напрячь все силы... Фюрер не потерпит... — едва успевал переводить он.— Через час будет послано подкрепление... Встречайте на Ландештрассе. Яволь... Яволь... — помимо повторял Маринов знакомое слово и весело подмигивал нам.

— Ну вот это другое дело... С этого надо было и начинать,— сказал удовлетворенно Антонов.— Передай, что подкрепление встретим как надо. Со всеми почестями... Это, конечно, не переводи...

Ждать гитлеровского подкрепления пришлось недолго. Едва мы расставили засаду, как впереди показалась жмущаяся к стенам цепочка немецких солдат. Их было около сотни.

Пропустив «подкрепление» в тыл, наши бойцы окружили его со всех сторон и, дав несколько очередей, заставили сдаться.

Так состоялось наше «первое знакомство» с имперской канцелярией, которую нашей дивизии вскоре пришлось брать. Имя подполковника Зейферта, которого мы так нежданно вынуждены были представлять в разговоре с Бурдорфом, встречалось мне потом еще не один раз (он ни слетствии командовал центральным участком обороны Берлина), но я не встретился с ним лично на переговорах о капитуляции фашистской Германии.

Теперь я хочу вернуться несколько назад, к штурму здания патентного управления, чтобы рассказать еще об одном эпизоде, ярко врезавшемся мне в память. Возможно, потому, что связан он с именем общего любимца дивизии лейтенанта Леонида Подгорбунского, парторга 2-го батальона 1052-го полка. Он во время штурма находился в 8-й роте, которой командовал старший лейтенант С. Т. Вегер, очень обрадовавшийся присутствию Подгорбунского.

Лейтенант был смел и удачлив. В полку так и говорили: где Подгорбунский — там и успех. Правда, во время боя в Трептов-парке Леонид был ранен в шею и теперь белел свежей марлей бинта, выглядывавшей из-под ворота гимнастерки. Вегер не обманулся в пред-

чувствиях: и на этот раз Подгорбунский доказал, что слухи об его исключительной смелости — отнюдь не пустой звук.

Батальон вел бой на Александерштрассе, когда из окна дома на противоположной стороне улицы, еще занимаемой немцами, выпрыгнула женщина с длинными распущенными волосами и быстро побежала в нашу сторону. Вдогонку ей сухо прострекотало сразу несколько очередей.

Женщина упала, споткнувшись. Но через мгновение вскочила и, что-то крича, опять бросилась к нам. И вновь несколько очередей со стороны дома, занятого немцами. Женщина на секунду остановилась, скрестив руки на груди, затем мягко повалилась на усыпанный щебнем асфальт. Медленно перевернулась на спину и замерла в таком положении.

В это время из окна первого этажа дома, занимаемого 3-м батальоном, выскочил офицер с автоматом на груди и, низко пригибаясь под роем пуль, летевших с вражеской стороны, устремился к распластанной на асфальте женщине. Это был Леонид Подгорбунский. Подхватив ее на руки, он побежал обратно. Вздох облегчения вырвался из груди бойцов батальона, когда лейтенант, тяжело дыша, влетел в одну из раскрытых дверей. Бойцы помогли ему положить окровавленную женщину на стоявший в ближайшей комнате кожаный диван. Лейтенант тяжело опустился на стул рядом. Молча глядел на ее бледное от потери крови лицо, уже начинавшие синеть губы. На вид ей было лет 26. Женщина дышала затрудненно, с хрипом. Иногда тихо постанывала. Лейтенант осторожно подобрал свесившиеся до полу пряди пепельно-русых волос и сел на диван, положив ее голову себе на руку.

Вскоре пришли замполит полка подполковник И. Я. Гужов, комбат майор С. К. Нурмагамбетов, несколько офицеров из штаба полка. Были приняты срочные меры для спасения жизни беглянки из вражеского стана. Ей сделали несколько уколов, наложили повязки на раны, которых оказалось три на груди и четыре на животе и ногах. Подгорбунский обтирал ее лицо платком, смоченным в холодной воде. Однако все усилия оказались тщетными. Женщина невнятно что-то проговорила по-немецки, со стоном вытянулась вдоль дивана и затихла.

Так на руках у русского офицера и скончалась эта женщина, которую он с риском для жизни вынес из огня и которая так и не успела сказать, кто она такая, как и что она хотела нам передать. Несомненно только одно: она была антифашисткой — единственное, что мы смогли уловить из ее предсмертной фразы.

Горько говорить об этом, но лейтенант Подгорбунский пережил ее ненадолго. Ворвавшись с боем со своим взводом в здание управления, Леонид, не теряя ни минуты, устремился по лестнице вверх. Он был далеко не новичок в уличных боях и знал, что успех в штурме здания одерживает тот, кто находится выше этажами. На третьем этаже их встретили автоматным огнем. Двоих бойцов ранило. Подгорбунский с силой метнул гранату. Одновременно со взрывом прозвучала очередь из вражеского автомата. Подгорбунский, схватившись за грудь, опустился на колени с зажатой в руке второй гранатой, которую он, уже не имея сил бросить, катнул в сторону гитлеровцев.

Умер он без единого стона, прохрипев в свою последнюю минуту: «Смерть проклятым фашистам...»

Бойцы вынесли тело лейтенанта на руках, положили в кузов автомашины на разостланное одеяло, накрыв плащ-палаткой. Похоронили Подгорбунского с воинскими почестями на кладбище в Кюстрине.

За отвагу и мужество, проявленные при штурме вражеской столицы, лейтенант Леонид Яковлевич Подгорбунский был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

4

28 апреля 1050-й полк нашей дивизии, овладев последними цехами машиностроительного завода, рванулся вперед и вскоре двумя батальонами занял Ангальтский вокзал, а одним — начал бой за здание гестапо. В подкрепление ему туда же стали подтягиваться несколько подразделений 1052-го полка, наступавшего по центру.

В это же время к Потсдамскому вокзалу стали выходить части 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова. После Зееловских высот мы, пожалуй, впервые почувствовали плотный локоть своего соседа слева.

Полоса наступления нашей дивизии была враз изменена. До того мы наступали все время на запад. Теперь же круто поворачивали на север. Новая разграничительная линия с 8-й гвардейской армией проходила отныне по Саарланденшстрассе.

Это изменение нас, с одной стороны, несколько огорчило, потому что рейхстаг остался в стороне от наступления не только нашей дивизии, но и корпуса. С другой стороны, на нашем пути теперь лежали такие важные правительственные здания фашистской Германии, как почтамт (кстати, уже захваченный нами к этому времени), гестапо, министерство ВВС и весь квартал имперской канцелярии с подземными убежищами Гитлера и всей его преступной свиты.

Получив распоряжение о новом направлении, командир 1050-го полка Гумеров отвел батальоны Шаповалова и Михайлова от Ангальского вокзала и развернул их для штурма здания гестапо, где уже вел бой 1-й батальон под командованием майора Шутая. А справа к гестапо уже выходили подразделения 1052-го полка.

Сражение разгоралось все жарче. Сильный пулеметный и снайперский огонь немцев, засевших на крыше, в окнах, в подвальных выходах заметно поредил передовые цепи наших бойцов. Однако им на подмогу подходили новые подразделения, все ближе и ближе подступали они к осиному гнезду самых изощренных фашистских убийц и извергов. В это время в рядах наступающих был распространен приказ № 1 коменданта Берлина и начальника гарнизона Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина. Этот приказ и назначение воины дивизии восприняли с большим воодушевлением и гордостью: ведь Берзарин был командармом нашей 5-й ударной армии. В приказе первого советского коменданта Берлина говорилось:

«С сего числа я назначен начальником гарнизона и комендантом города Берлина. Вся административная и политическая власть по уполномочению Красной Армии передается в мои руки.

Приказываю:

1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

2. Национал-социалистическую рабочую партию и

все подчиненные ей организации распустить и деятельность их запретить».

Текст этого приказа, напечатанный на русском и немецком языках, был размножен и развешен на стенах зданий и заборах. В этих местах то и дело собирались группы немцев, которые, не обращая внимания ни на мелкий моросящий дождь, ни на ухавшие вокруг разрывы, внимательно вчитывались в текст приказа.

Во второй половине дня произошел довольно досадный инцидент. В тыл полка Гумерова через Ландвер-канал переправилась 35-я гвардейская дивизия 8-й гвардейской армии и стала передвигаться к зданию гестапо. Это привело к перемешиванию ее подразделений с подразделениями 1050-го и 1052-го полков нашей дивизии, причем, не зная точного положения, гвардейцы метко вели огонь по тем этажам и подъездам, где уже находились наши воины, выбивая оттуда гитлеровцев.

Раздосадованный Антонов приказал мне срочно связаться с командиром 35-й дивизии и предложить ему немедленно вывести ее в свою полосу — за Шарлоттенштрассе. Сам же комдив стал звонить командиру корпуса генералу И. А. Рослому. С большим трудом я дозвонился до командира 35-й дивизии полковника Смолина.

— Я выполняю приказ командарма и без его ведома ничего предпринимать не могу,— ответил он на мой запрос.

От Антонова через Рослого и Берзарина дело дошло до штаба фронта, где наконец поставили все на свои места. Вскоре Смолин вывел свою дивизию в полосу 8-й гвардейской армии.

Уличный бой за овладение каким-то зданием — прежде всего дело коллективное. Многое здесь решают смелость, быстрота действий бойцов, их помощь и поддержка друг друга. Но бывают в нем, как в любом другом бою, такие моменты, когда перелом в ходе штурма достигается самоотверженным и, как говорится, совершенным как нельзя кстати поступком одного какого-то солдата. Так это произошло в бою за здание гестапо. В нем отличился командир отделения связи 1052-го полка сержант И. С. Антипенко. Десять суток подряд Иосиф Антипенко дневал и ночевал на НП полка, обеспечивая командиру управление боем. Он по-

терял счет этим беспокойным дням и ночам, давно уже не знал, что такое сон и отдых. Шинель его из серой превратилась от пыли и дыма в грязно-коричневую, кирзовые сапоги побелели и продырявились, гимнастерка просолилась от пота до каждого рубчика.

— Вы бы отдохнули, сержант, хоть немного,— внимательно взглянув на Антипенко, сочувственно сказал как-то командир роты связи капитан Оганес Дашельян.— Вид у вас, надо сказать, неважнецкий...

— А у кого он сейчас хороший, товарищ капитан? — устало улыбнулся Антипенко.— Устали все, устал и я. Но дежурить все-таки разрешите мне. Так-то оно спокойней будет. Пусть лучше связисты отдохнут, а я подежурю. Мне все равно рана спать не дает. Горит, ноет, проклятая... Не задремлешь...

НП полка размещался в огромной комнате на третьем этаже, три окна которой выходили на Вильгельмштрассе.

Когда капитан ушел, Антипенко опустился в массивное кожаное кресло с поломанными ножками и, блаженно вытянув уставшие ноги, стал рассеянно разглядывать висевшую на стене напротив картину с ленивыми темноокими русалками, изодранными кое-где мелкими осколками.

— О чем задумался, сержант? Что, от русалок не можешь оторваться? — вдруг раздался сзади хриплонатянутый голос замполита полка подполковника Ивана Яковлевича Гужова. Антипенко быстро вскочил, но замполит жестом руки усадил его обратно.

— Та не, товарищ полковник,— покраснев, сказал сержант.— У меня таких русалок дома аж две: жинка Дарья Марковна та еще дочка Муся. О своей Херсонщине думал. Там уж на посевную выехалы, а мы тут все с Гитлером валакаемся. Когда уж этого кобеля вздернем на веревочку...

— Будет на веревочке, обязательно будет. Теперь уж немного осталось,— улыбнулся Гужов. И, заметив повязку на шее Антипенко, спросил: — А когда это вас ранило?

— Позавчера, товарищ полковник. Три раза бегал на линию, а на четвертый вот стегануло... Но я приметил, откуда стреляли, и — хоп туда пару «лимонок». Заглянул — полный порядок. Десятка два фрицев наповал...

— Молодец! — похвалил его Гужов. — А почему на медпункт не пошел?

— Э, товарищ подполковник! Пока Гитлера не прикончим, никуда я не пойду. А рана, она и есть рана. На войне, бувае, нэ тильки ранят, но и убивают. Значит, мени ще повезло, — пошутил Антипенко.

К 8 часам утра второму батальону 1052-го полка и 2-му батальону 1050-го полка удалось проникнуть в здание гестапо и занять две его средние секции. Однако, быстро оценив всю серьезность положения, немцы подтянули свои резервы и мощно контратаковали, вытеснив наших бойцов назад. Батальоны оказались отрезанными друг от друга. Одновременно противник открыл по Вильгельмштрассе сильный заградительный артиллерийский огонь, что не позволило нам сразу оказать помощь попавшим в беду батальонам.

Уже четвертый раз сбегал Антипенко на восстановление связи со 2-м батальоном своего полка, но едва он вернулся на НП, как дежурный телефонист доложил:

— Товарищ сержант, связь с батальоном Емельянова оборвана...

Капитан Данельян принялся сам с ожесточением крутить ручку аппарата, хотя ему уже было ясно, что надо вновь кого-то посылать на линию. Но кого? Все связисты, что были на НП, разосланы. Оставался один Антипенко. А ведь он ходил туда уже четыре раза...

— Товарищ капитан, разрешите, я ще раз попробую,— тихо сказал Антипенко, вытирая пот со лба рукавом гимнастерки.

Данельян пристально посмотрел на сержанта:

— А выдюжишь?

— Выдюжу, товарищ капитан. Зараз сбегаю и усе зроблю.

Капитан окинул взглядом грязную, обсыпанную красной кирпичной пылью шинель сержанта, его серое измученное лицо, вздохнул и, отвернувшись, махнул рукой. Антипенко проворно подхватил запасной телефонный аппарат, перекинул его через плечо и чуть ли не кубарем скатился на первый этаж. Как всегда перед опасным заданием, усталость мигом слетела с него, в движениях появилась легкость и уверенность. Тенью скользнув в зияющем проломе окна, Антипенко оказался на густо заваленной щебнем и битым кирпичом Вильгельмштрассе. Здесь по-прежнему лихорадочно

плясали разрывы мин и снарядов. Минуту или две Антипенко лежал, выжидая. Но вот, уловив чуть заметное ослабление в гуле разрывов, он подхватил провод и пружинистыми скачками бросился через улицу. Добежав до стены противоположного дома, Антипенко вновь замер, прижавшись к ней спиной. Теперь он был вне досягаемости автоматного огня. Но главное было еще впереди — найти обрыв в линии и устранить его, обеспечив командиру полка управление боем. Антипенко вытер пот с лица пилоткой, поправил за спиной коробку и, пригнувшись, побежал по тротуару, держа скользящий провод в руке. Бежать тут было еще трудней. Сержанту то и дело приходилось перепрыгивать через воронки, трупы людей, кучи камней. Когда до входа в здание оставалось шагов 20, Антипенко почувствовал, что провод в руке ослаб, а вскоре показался и его конец.

— Ага, вот где тебя, беднягу, перерезали,— удовлетворенно пробормотал сержант. Найти второй конец для него не представило труда. Натянув концы друг к другу, Антипенко мигом зачистил их, подключив свой аппарат, весело закричал в трубку:

— «Двадцать четвертый»! «Двадцать четвертый»! Есть связь с «Бирюзой»?

— Есть, Антипенко, есть! Молодец! — похвалил на том конце провода командир роты.

— Разрешите возвращаться?

Время уже шло к полудню. Но солнце еще не показывалось. Густые, темно-лиловые, под цвет полыхавших внизу пожарищ, ходили по небу тучи. Казалось, вот-вот пойдет дождь. Может быть, такое чувство возникло оттого, что сотрясавшие город орудийные выстрелы легко было принять за мощные раскаты грома. Над Александерштрассе бреющим полетом прошли два немецких истребителя, развернув веером по воздуху серию мелких бомб.

В нижнем этаже здания, где размещался НП полка, артиллеристы выкатили на прямую наводку четыре тяжелых орудия и с первых же выстрелов вышибли три простенка в здании министерства ВВС, стоявшем на углу. Продолжала бить наша артиллерия с закрытых позиций. Все готовились для решающего штурма.

— А молодчага, этот сержант,— проговорил командир полка, отдав последние приказания перед очередной атакой.

— Кто, товарищ полковник? — не понял Дапельян, к которому обращались эти слова.

— Да Антипенко...

— Антипенко — человек золотой, товарищ полковник, — несколько обиженно заговорил Дапельян, смущенный оттого, что сразу не смог понять, о ком идет речь.— Исполнительный, храбрый и дело свое знает. Не было еще случая, чтобы он не выполнил задания.

— Надо представить к награде...

— И даже обязательно, товарищ полковник...

А тот, о ком так лестно говорили два командира, беспомощно лежал в это время на выщербленном асфальте, чувствуя резкую боль в животе и руке. Произошло это, когда Антипенко возвращался назад через Вильгельмштрассе. Он перепрыгнул через воронку, упал, запутавшись в проводе, поднялся, спрыгнул с бровки тротуара... В это время в лицо ему ударило горячее пламя взрыва...

Очнувшись, он прежде всего подумал о линии. А что, если ее вновь оборвало? Эта тревожная мысль заставила на минуту забыть о боли. Прижимаясь к асфальту, сержант медленно пополз к свежей воронке. Антипенко тяжело, с хрипом дышал. По щекам катился холодный пот. Он с отчаянием чувствовал, что силы покидают его. В полном изнеможении добрался он до воронки. Так и есть: провод был словно бы перехвачен острой бритвой. Больших усилий стоило ему стянуть друг с другом концы. Какая-то неведомая сила не отпускала провод, тянула его обратно. В этот момент до его слуха донеслось протяжное «ура!». Он понял, что это означает: подразделения полка пошли в атаку. Антипенко заторопился: сейчас связь нужна была, как никогда. Но провод по-прежнему не повиновался. Левая рука омертвела и почти не двигалась, в животе нестерпимо резало и жгло. Но мысль работала четко и ясно. Поняв, что срастить концы ему не удастся, Антипенко схватил в горсть смоченный кровью песок, сунул в него концы провода и крепко зажал их в кулаке. Линия связи с батальоном заработала!

Когда бойцы овладели зданием гестапо, капитан Дапельян разыскал Антипенко. Он был еще жив. Сержант приподнялся, опершись на автомат, и тихо сказал:

— Товарищ капитан, ваш приказ выполнил...

Это были его последние слова. Родина оценила подвиг И. С. Антипенко, присвоив ему высокое звание Героя Советского Союза.

Штурм здания гестапо протекал следующим образом.

К концу дня 1054-й полк вышел на Вильгельмштрассе, взяв направление на квартал, где располагалось здание министерства ВВС Германии. В связи с этим у нас образовался некоторый разрыв с соседом — 230-й стрелковой дивизией, и Антонов приказал подполковнику Нешкову, сманеврировав полком, выйти на правый фланг. Потому все заботы по очищению здания гестапо от гитлеровцев легли на 1050-й стрелковый полк Гумерова. 3-й батальон майора Михайлова орудовал на первом этаже и в подвальных помещениях, а 1-й батальон майора Шугая и 2-й батальон майора Шаповалова устремились по лестницам на верхние этажи.

Нелегок был этот подъем. Почти в каждом кабинете, на каждой лестничной площадке разгорались бои. В ход было пущено все: автоматы, гранаты, приклады, армейские ножи, а то и просто кулаки.

Первой чердака достигла рота капитана Рабенко, который был у нас признанным специалистом по ведению боя в зданиях. За чердаком завязались жаркие схватки с засевшими там группами гестаповцев. Следом за бойцами на чердаке появился и сам ротный со своей ячейкой управления. Первое, что он увидел, была живая пирамида, составленная несколькими бойцами, чтобы дать возможность своим товарищам залезть через пробоину на крышу.

— Кто это туда полез? — спросил Рабенко.

— Сержант Николай Шумкин с красноармейцем Константином Ефимовым, — доложил командир 2-го взвода.

— Что, там немцы?

— Возможно, и есть, товарищ капитан. Но они не затем туда полезли, они полезли знамя водружать...

— Хорошо придумали! — одобрил ротный.— Доложу об этом Гумерову...

Получив это сообщение, Гумеров тут же позвонил нам. Но мы уже и сами видели небольшое красное полотнище, трепыхающееся над зданием гестапо.

— Владимир Семенович, помните, еще на плацдарме перед наступлением я показывал вам красный флаг,

приготовленный одним сержантом для водружения на рейхстаге? — спросил я комдива.

— Как же, конечно, помню...

— А ведь на гестапо сейчас тот самый флаг. И водрузил его тот самый сержант. Фамилия его Шумкин.

— Ты смотри, какой молодец! — оживился комдив.— Добился таки своего: не на рейхстаге, так на гестапо!

Я уже говорил, что после войны у Шумкина была мечта уйти на флот. Не знаю, сбылась ли она. Но почему-то уверен, что сбылась, как сбылась она у его комбата Федора Кузьмича Шаповалова, который бороздил после войны моря и океаны.

Бой за здание гестапо еще не был окончен, когда начался штурм еще одного очень важного объекта — здания министерства ВВС Германии. Оно было самым высоким в окружающем районе, имело для гитлеровцев большое значение как последний опорный пункт на пути к имперской канцелярии.

Два полка — 1050-й с юга и 1054-й с востока — подошли вплотную к этому осиному гнезду воздушных пиратов Германа Геринга и изготовились для штурма. Окна здания и снарядные пробоины в стенах были заложены кирпичами, мешками с песком. Отовсюду торчали дула пулеметов, малокалиберных орудий, снайперских винтовок, головки фаустпатронов.

Антонов приказал Гумерову во что бы то ни стало водрузить к вечеру знамя и на этом здании. Посоветовавшись со своими офицерами, Гумеров решил поручить это задание коморгу Алимову с группой добровольцев. В нее вошли 20 самых лучших бойцов: И. Иванов, Бондаренко, Жильчицкий, Щербина, Марченко и другие. Знамя Алимов обмотал под гимнастеркой вокруг груди и предупредил, что, если его ранят, первый, увидевший это, должен снять с него знамя и нести его дальше. Внимательно проверив снаряжение и оружие бойцов, Салиджан Алимов подозвал к себе лейтенанта Виктора Полещука и рядового Ивана Иванова.

— Проникнуть в здание через главные входы, конечно, нечего и мечтать, — сказал он.— Надо найти подземный ход в подвальное помещение. Этим займетесь вы.

Через некоторое время Иванов дал сигнал, что ход найден.

— Ползком вперед к зданию Геринга! — приказал Алимов.

Пробираясь от воронки к воронке, бойцы стали медленно приближаться к зданию. Неожиданно автоматный и пулеметный огонь: группа замечена! Алимов поднялся во весь рост и увлек за собой бойцов в ближайшие двери. К их удивлению, немцев там не оказалось. С помощью прихваченных Ивановым фаустпатронов сделали отверстие в торцевой стене и через него проникли на второй этаж. Вот здесь-то немцев было более чем достаточно. Но это ничуть не смутило испытанных бойцов Алимова. Они смело вступили в единоборство с гитлеровскими захватчиками.

В это время начался мощный артналет, после которого части дивизии приступили к штурму сразу всех зданий министерства ВВС. Воспользовавшись начавшейся суматохой, группа Алимова стала — пролет за пролетом — подниматься вверх по лестнице, тесня яростно сопротивляющихся фашистов. Используя огневую поддержку своих бойцов, Салиджан Алимов с Иваном Ивановым забрались на чердак.

Глянув вниз, Алимов увидел наступающие подразделения 1050-го и 1051-го полков. Это заставило его поторопиться. Рывком вытянув из-под гимнастерки знамя, он привязал его к куску водопроводной трубы, который прочно укрепил на крыше.

Внизу тут же загремело мощное «ура!»: полки пошли в решительную атаку на здание министерства ВВС.

Сзади зазвенело битое стекло. Оглянувшись, Алимов в ту же секунду ничком упал на крышу. Над головой просвистела автоматная очередь подбиравшегося к нему гитлеровца. В следующую секунду Салиджан вскочил на ноги и, одной рукой отведя в сторону ствол автомата, другой со всей силой ударил в острый подбородок немца. Тот с воплем полетел через карниз. А Салиджан поспешил на помощь Иванову, вступившему в схватку с другим гитлеровцем. Совместными усилиями он тоже был сброшен с крыши.

В схватке с врагами Алимов получил ранение, но в медсанбат идти отказался, оставаясь в строю до конца штурма. В бою за здание министерства ВВС было ранено и погибло много наших хороших воинов. Особенно горький след оставила в моем сердце гибель началь-

ника связи полка Гумерова капитана Константина Павловича Суровцева.

Вся ночь 30 апреля была заполнена подготовкой очередного штурма. Артиллеристы закатывали орудия на верхние этажи разрушенных зданий и ставили их на прямую наводку. Танкисты пристраивали к лобовым частям и бокам танков стальные плиты и сетки, предохраняющие боевые машины от поражения фаустпатронами, которые они по справедливости называли «танковыми дьяволами». Саперы обезвреживали минированные участки.

Этой же ночью были организованы четыре группы лазутчиков. Перед ними поставили задачу — пробраться к имперской канцелярии и потревожить ее обитателей гранатами. Цель вылазок была в основном психологической.

Надо было дать понять фашистским главарям, что мы уже у порога их последнего убежища и подтолкнуть к быстрейшей капитуляции

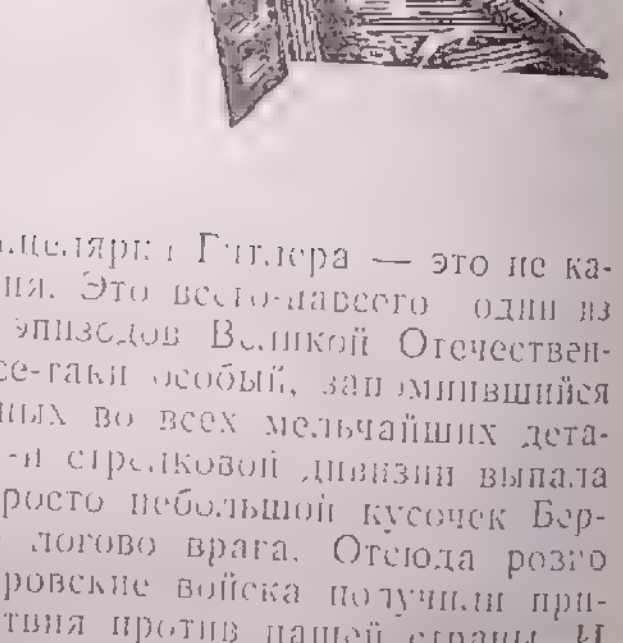
Лазутчики действовали исключительно смело, дерзко, смекалисто Всем группам удалось пробраться в квартал имперской канцелярии и наделать там переполох. Особенно удачливо действовала группа Героя Советского Союза старшины Федора Антоновича Угначева. Это был один из храбрейших и опытнейших воинов дивизии. На Одерском плацдарме, когда был ранен командир взвода, Угначев смело принял командование на себя и успешно руководил боем. Только за один день, 3 февраля, взвод Угначева отразил семь вражеских атак, подбил три танка и бронетранспортер, уничтожил более 50 гитлеровцев. За этот бой Угначев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Перед рассветом 30 апреля Угначев с группой удальцов по подземным коммуникациям достиг имперской канцелярии. По поведению немцев Угначев понял, что они совсем не ожидают появления здесь советских солдат. Немцы спокойно ходили по длинным переходам, то в одном, то в другом месте вспыхивали лучики карманных фонариков.

Распределившись у нескольких подвальных помещений, где мерцал свет и слышалась отрывистая немецкая речь, разведчики метнули в них по нескольку гранат. Едва отгремели взрывы, как вокруг поднялась беспорядочная стрельба и беготня. Угначев с группой

под шумок незаметно укрылся в подвале соседнего с канцелярией магазина «Вертгейм», а оттуда благополучно вернулся в полк.

Трудно судить, насколько эти вылазки повлияли на ход боевых действий. Однако о них потом говорил в своих показаниях врач Геббельса Аксман, отметил их в своих воспоминаниях и последний командующий обороной Берлина генерал артиллерии Вейдлинг.



ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Штурм имперской канцелярии Гитлера — это не какая-то отдельная операция. Это всего-навсего один из многочисленных боевых эпизодов Великой Отечественной войны. Но эпизод все-таки особый, запомнившийся мне больше всех остальных во всех мельчайших деталях. На долю нашей 301-й стрелковой дивизии выпала задача штурмовать не просто небольшой кусочек Берлина. Это было главное логово врага. Отсюда розго четыре года назад гитлеровские войска получили приказ начать военные действия против нашей страны. И вот теперь мы здесь, в самом центре фашистской агрессии. Все это наполняло каждого бойца и командира дивизии чувством особой гордости. Мы чувствовали, что на наших глазах свершаются события исторического значения.

30 апреля 1945 года были взяты штурмом здания министерства ВВС и гестапо. Теперь от имперской канцелярии нас отделяли только развалины магазина «Вертгейм» и улицы Фоссштрассе. Бой не утихал ни на

минуту. Каждый метр двора или уголок развалин приходилось брать с огромными усилиями.

К вечеру из штаба корпуса сообщили, что подразделения 150-й Идрицкой стрелковой дивизии 3-й ударной армии овладели рейхстагом. Начальник разведки дивизии майор А. Т. Боровко доложил, что из разведотдела корпуса сообщили о перехваченной ими шифрованной радиограмме, переданной из убежища фюрера Борманом.

В ней говорилось о назначении гроссадмирала Деница преемником фюрера вместо рейхсмаршала Геринга. Выслушав доклад, командир дивизии В. С. Антонов сказал с усмешкой:

— Ну, батенька мой, дела у них, видать, совсем никудышные, если уж Гитлер каждый час начал менять своих преемников...

— Меняй не меняй, а дело все равно к концу идет,— заметил я.— Огненное кольцо вокруг них все время сжимается. И прорваться сквозь него не удастся ни Гитлеру, ни его свеженазначенному преемнику.

— Это верно. Но почему бы им не подняться сейчас на крышу дворца с белым [illegible] и не передать по самой мощной радиостанции, [illegible], капитулируем...

— Раненые звери еще пуще свирепеют, Владимир Семенович. А уж такой зверюга, как Гитлер, и подавно. Чувствует, что не уйти от расплаты, вот и бесится.

— Будь оно трижды проклято, все это зверье! — со злостью произнес Антонов.— Сколько народу погубили. Одно лишь утешает, что недалек час, когда очистим от них всю землю.

Соединившись с командирами полков, Антонов приказал активизировать боевые действия. Огневой удар нашей дивизии заметно возрос. Били полковая, дивизионная, корпусная артиллерия, [illegible] бригады Героя Советского Союза полковника Дмитрия Селиверстовича Нарушкого, танкового полка полковника Ильи Архиповича Мясникова. Ко всему этому прибавилась еще мощь орудий 331-го артиллерийского дивизиона РГК под командованием майора Константина Ивановича Бадаева и дивизиона реактивных минометов «катюш», бивших прямо по гитлеровскому убежищу. Используя мощное огневое прикрытие, бойцы медленно продвигались вперед, выбивая фашистов из развалин магазина «Вертгейм».

День уже клонился к исходу, когда совершенно неожиданно для всех нас немцы прекратили огонь перед фронтом дивизии. Мы насторожились: такое случалось впервые за войну. Поэтому, внимательно наблюдая за поведением противника, бойцы продолжали вести огонь. Вскоре из входа в подземное убежище фюрера, выходившего к Фоссштрассе, показался раскачиваемый из стороны в сторону белый флаг.

— Михаил Иванович, позвони-ка командирам частей и узнай, что там у них творится,— обернувшись, бросил мне Антонов. Не успел я взять трубку, как раздался звонок. Говорил подполковник Гумеров.

— Товарищ начштаба, докладываю: враг перед фронтом полка прекратил стрельбу, из хода в имперскую канцелярию выброшен белый флаг.

— А что докладывают комбаты с передовой?

— То же самое, что я вам доложил. Только сейчас майор Михайлов сообщил, что белый флажок выставлен у входа в станцию метро на Саарланденшштрассе.

— Хорошо, Исхак Нурисович. Доложу комдиву.

Звоню подполковнику Н. Н. Радаеву. Он сообщает примерно то же, что и Гумеров. О прекращении огня немцами доложил и командир полка подполковник А. И. Пешков.

После этого Антонов приказал прекратить стрельбу на всех участках.

Воцарилась мертвая тишина. После четырех лет почти непрерывного грохота выстрелов, оглушающих разрывов бомб, снарядов и мин она показалась нам просто невероятной. Даже не верилось, что на войне может быть такая тишина.

— Как ты думаешь, Михаил Иванович, не капитулировать ли они хотят? — спросил меня Антонов.

— Черт их знает,— пожал я плечами.— Вообще-то, им давно пора это сделать, но разве поймешь, что у них там сейчас творится. Вон, по показаниям сегодняшних пленных, Гитлер вроде бы женился. Хотя обстановочка для свадьбы явно не подходящая.

— Что верно, то верно,— засмеялся Антонов и вдруг оживленно воскликнул: — А вот и гости к нам жалуют!

В это время из входа в подземелье, где по-прежнему трепыхался белый флаг, осторожно вылезли шесть гитлеровцев. В руках у одного из них был белый флаг. Вытянувшись в цепочку, они направились к левому

фланг второго батальона 1050-го стрелкового полка. Шли, осторожно поднимая ноги, будто боясь споткнуться.

Навстречу вражеским парламентерам вышел наш офицер с автоматом, за ним еще трое.

Мне захотелось тут же узнать, кто эти люди, встречающие гитлеровских парламентеров. Звоню на НП 1050-го полка. К телефону подходит находившийся там помощник начальника 1-го отдела штаба дивизии майор С. П. Джабиев.

— Доложите, кто встречает парламентеров?

— Кажется, старший адъютант 3-го батальона капитан Яриншев, а точнее доложит подполковник Гумеров.

Слышу в трубке приподнятый голос Гумерова:

— Докладываю, товарищ полковник: парламентеров встречают майор Шанбалов со своим старшим адъютантом капитаном Карибским и майор Михайлов тоже со своим старшим адъютантом Яриншевым. Послал туда и своего разведчика капитана Купцова.

Узнав имена встречающих, Владимир Семенович Антонов приказывает мне идти немедленно к Гумерову, а сам начинает звонить командиру корпуса генерал-лейтенанту П. П. Рослому. Я решил прихватить с собой переводчика — лейтенанта В. П. Маринова. Однако не успели мы с ним пройти и половину пути, как нас нагнали Антонов с П. С. Коломейцевым и адъютантом.

— А вот и мы,— снимая фуражку и вытирая лицо платком, бросил мне на ходу Антонов.— Гумеров сообщил, что скоро приведут парламентеров. Вот мы и решили махнуть вместе с вами.

Пройдя еще метров сто, встречаем связиста батальона связи старшего сержанта Г. М. Шоколенко с телефонным аппаратом за плечом.

— Товарищ старший сержант! — обратился я к нему.— Можешь связать нас с подполковником Гумеровым?

— Могу, товарищ полковник. Вот этот провод идет к ним.

Через минуту я уже говорил с Гумеровым.

— Ну и что, Исхак Идрисович, привели?

— Ведут, товарищ начштаба.

— Что-то долго.

— Вы же знаете моего Шаповалова. Пока все формальности не исполнит — оружие отберет, опросит, до тех пор не приведет.

— А не осудят нас фашисты в формализме?

— Судить будем мы их, Михаил Иванович, а не они нас.

— Что ж, и это верно. Ну, мы сейчас будем у вас. Пусть все-таки Шаповалов их долго не задерживает.

И вот мы на НП Гумерова. Находился он на первом этаже главного здания министерства авиации, расположенного вдоль Саарланденшитрассе, и занимал один из кабинетов какого-то полковника.

Заходим. Нас встречает начальник штаба Гумерова майор Лебедев. В приемной находятся также адъютант Гумерова, два радиста с радиостанцией и немецкий солдат с опущенным белым флагом в руке. Проходим в кабинет Гумерова. Сидевшие на расставленных вдоль стен добротных стульях наши офицеры и немецкие парламентеры вскакивают при нашем появлении.

Пока Гумеров, не выходя из-за стола, докладывал командиру дивизии о прибытии парламентеров и их количестве, Антонов, сурово сдвинув свои иссиня-черные брови, сверлит их внимательным взглядом. От группы парламентеров отделяется один офицер, делает шаг к полковнику Антонову, вытягивается в струнку и на ломаном русском языке сообщает, что он, старший парламентер подполковник Зейферд, уполномочен немецким правительством и командованием передать письмо русскому командованию. Я с интересом рассматриваю его: сравнительно молодой, подтянутый офицер с чисто выбритым белым лицом и светлыми волосами. Фамилия Зейферд была нам известна. Он руководил центральным участком обороны Берлина, называемым «Цитаделью», куда входили кварталы правительственных зданий.

Зейферд представляет прибывших с ним офицеров: полковника Германа, который, как нам было известно, руководил оборонными участками «Г» и «Х», подполковника Эдера, начальника обороны участка «Ф», и переводчика лейтенанта Зегера.

Тут же подъехал командир корпуса генерал Рослый. Полковник Антонов доложил о составе прибывшей группы парламентеров.

Рослый связывается по телефону с командармом

Берзариным и, сообщив ему о прибытии парламентеров, просит разрешения вскрыть принесенный ими пакет. Командарм разрешает. Антонов вскрывает толстый пакет за пятью сургучными печатями. В нем было два письма: одно на русском, другое на немецком языках за подписью Геббельса и Бормана. В письмах говорилось о том, что Зенферд, Герман и Эдер уполномочены германским правительством и верховным командованием провести переговоры с русским командованием по поводу установления места и времени перехода линии фронта начальником штаба сухопутных сил войск генералом Кребсом, который передаст русскому Главному военному командованию особо важное сообщение и будет вести переговоры.

— А мы считали, что вы прибыли известить нас о капитуляции,— разочарованно протянул Антонов. Зенферд пристально взглянул на него, и промолчал. Тогда вперед подался Эдер. Его темное крупное лицо имело выражение какой-то нагловатой самоуверенности. Явно щеголяя своим знанием русского языка, он вкрадчиво сказал:

— Нам этого никто не поручал. Об этом при посылке нас не было и речи.

— Ну, хорошо, хорошо,— поморщившись, осадил его Антонов по-немецки. Что вам поручали, мы уже знаем.

Товарищ полковник, пусть Эдер скажет, что с Гитлером. Подтверждает ли он дошедшие до нас слухи, что Гитлер якобы застрелился? — попросили Антонова Гумеров и Шановалов.

— Вопрос вам понятен, господин Эдер?

— Вполне.

— Тогда отвечайте.

— Это неправда. Я вчера был у фюрера, докладывал о положении на участке. Он прекрасно выглядел. Кстати, в ночь на двадцать девятое апреля он оформил свой брак с Евой Браун. Слухи о его смерти распространяют маловеры, провокаторы и наши противники, чтобы ослабить боеспособность нашей армии...

С разрешения командира корпуса вопрос задает командир батальона майор Михайлов:

— А как бы реагировали вы, подполковник, лично, если бы войска, обороняющие Берлин, и все берлинцы побросали оружие и объявили во всеуслышание, что война окончена?

— Мы бы расцеловали друг друга,— несколько замявшись, ответил Эдер.

— Подполковник, вы отрицаете смерть фюрера,— вновь обратился к нему Антонов, — но как расценить тот факт, что мандат парламентерам подписан не Гитлером, а Геббельсом и Борманом? Кроме того, час назад захваченные в плен ваши солдаты уже знают о смерти фюрера, а вы отрицаете.

Эдер, опустив глаза, молчал.

Вместо молчавшего Эдера ответил Зейферд. Он сказал, что Гитлер действительно умер и всеми делами правительства и главного военного командования руководят Геббельс, Борман и Кребс.

— Вот это другое дело,— удовлетворенно заметил Антонов.— И нечего было морочить нам голову. По поводу же переданного вами письма могу сказать следующее. Если Кребс пожелает прийти к нам как парламентер, то место перехода там же, где переходили вы. Я дам указание вот этим майорам Шаповалову и Михайлову встретить его и препроводить сюда. Так, товарищ генерал? — повернулся Антонов к Рослому. Тот утвердительно кивнул головой.

На этом прием парламентеров окончился. Перед уходом некоторые наши офицеры закурили. Зейферд тоже извлек из кармана массивный серебряный портсигар и со щелчком раскрыл его, предлагая сигареты всем присутствующим. Крышка портсигара была украшена золотыми вензелями и русским Георгиевским крестом IV степени.

— Ого, портсигар-то у вас, кажется, не немецкой работы? – с интересом спросил Антонов, взглянув на немца своими черными живыми глазами.

— Да, это русский портсигар,— подтвердил Зейферд и, несколько смутившись, добавил: — Он попал ко мне еще в 1918 году, когда войска кайзера Вильгельма вступили на Украину... Но в знак сегодняшней победы России над Германией я возвращаю его вам, полковник.

Антонов пробовал было отказаться, но Зейферд так настойчиво просил оказать ему любезность, что портсигар пришлось принять. Сейчас он хранится в фонде Центрального музея Советской Армии в Москве. Историки установили, что этим портсигаром царь Александр III наградил в 1890 году одного русского офицера за особые боевые заслуги.

После доклада командарму Михайлов и Шаповалов проводили парламентеров до калитки в железобетонном заборе, которым был опоясан двор магазина «Вертгейм». Попрощавшись с командованием полка, сперва уехал командир корпуса, а затем мы с комдивом и другими офицерами возвратились на свой НП. Здесь нас сразу засыпали вопросами: «Что говорили парламентеры? Как они себя вели? Что сообщили о Гитлере?» и т. д. Командующий артиллерией полковник Н. Ф. Казанцев недоумевал, что заставило фюрера за сутки до самоубийства жениться на Еве Браун, бывшей до этого почти 15 лет его любовницей. Ему ответил инструктор политотдела дивизии капитан Ф. М. Вилинский, большой весельчак, шутник и остряк.

— Я считаю, потому, — хитро сощурившись, сказал он,— чтобы на судилище в преисподней предстать не старым развратником, а законным супругом..

Все захохотали, кроме Вилинского, который, как и положено хорошему остряку, оставался совершенно невозмутимым.

Как только парламентеры скрылись в подземном убежище, бой разгорелся с новой силой. Заахали громовыми голосами орудия, с шипением стали рваться мины, затарахтели пулеметы и автоматы. Облака дыма, гари и пыли закрыли небо. Как это всегда бывает при сильном артналете, во рту появилась липкая горькая слюна, которая душила, словно при приступе астмы. На головы противника обрушился целый ураган стали и свинца. На участке полков Гумерова и Радаева я от имени Антонова приказал выдвинуть артиллерию, самоходки, танки и дивизион реактивных минометов «катюш». После этого мощь нашего огня еще больше возросла. В это время из 16-й воздушной армии прибыли полковник и два капитана, чтобы договориться с нами о бомбежке. Я доложил об этом Антонову.

— А ты сможешь точно показать летчикам, куда бомбить? — спросил он.

— Нет, товарищ комдив, — чистосердечно признался я.

— То-то и оно. Направь-ка ты их к комбатам Гумерова. Они там вернее покажут.

Вечером я позвонил по телефону Ф. К. Шаповалову и попросил его рассказать, о чем они договорились с посланным мною капитаном-летчиком.

— А ни о чем, товарищ полковник,— смущенно ответил Шаповалов.— Пришел этот капитан ко мне и начал водить пальцем по карте. Дескать, покажи, где наши наземные части, чтоб не «брызнуть» на них при бомбежке. Я ему говорю: «Чудак человек, видишь: мы на этой стороне улицы, а на той — немцы. Можете ли вы ударить по ним и не зацепить нас? Бомба-то, она не разбирает, кто ты, свой или чужой». Ну, послушал он, послушал меня и все-таки согласился, что бомбить тут невозможно. Но я все же немного задержал его у себя, товарищ полковник.

— Зачем?

— Сейчас гвардейцы с «катюш» должны дать залп по входу в имперское подземелье. Ну, я попросил его ракетами корректировать им залпы.

Надо сказать, что корректировку летчик провел отлично и гвардейцы остались им очень довольны.

Жесточайшее сражение продолжалось весь остаток дня 30 апреля и ночь на 1 мая 1945 года.

Несмотря на напряженную боевую обстановку, мы, как обычно, поздравили друг друга с Первомайским праздником.

Телефонистки Вера Бондарева, Дуся Пасевина, Маша Бережная, Рая Гераськина, которых мы первых с Литовным и начальником связи Григорьевым поздравили с праздником весны, не успели передавать и принимать поздравления.

Было уже за полночь. Первомай робко входил в тревожный, сплошь затянутый серой дымкой фронтовой Берлин. Никто из нас, конечно, не спал.

На передовой слышалась редкая стрельба. Все мы были в каком-то напряжении и ожидании. Каждому думалось: что же принесет он нам, этот светлый первомайский день?

Принесли боевые донесения, поступившие из частей. Только было начал читать, позвонил Радаев.

- Слушаю, Николай Николаевич.

— Докладываю: привели пленных.

— Много?

— Пять солдат и один оберст-лейтенант.

— Из какой части?

— Из дивизии СС «Нордланд».

— Знакомая птичка. Ну и что показывают?

— Говорят, что весь участок имперской канцеля-

рии — это кладбище. Везде трупы, разбитые машины, танки.

— Это мы и с НП видим. А вот что с Гитлером?

Я передал Радаеву, что комдив спрашивает о судьбе Гитлера.

— Все в один голос отвечают: «Гитлер — капут»,— ответил Радаев.

— Ну и черт с ним, — бросил Владимир Семенович.— Скорее капитулируют.

В первом часу ночи фашисты вновь выбросили белый флаг перед фронтом 2-го и 3-го стрелковых батальонов 1050-го стрелкового полка. Одновременно они прекратили огонь. Антонов приказал нам сделать то же самое и выжидать, что будет дальше. Вскоре из убежища выползли три гитлеровца: два офицера и солдат с белым флагом. Отойдя немного, они остановились. Один из офицеров начал что-то говорить второму. В это время прогремел выстрел. Второй офицер упал. Парламентеры тут же вернулись обратно, унеся упавшего с собой.

Так что второй визит парламентеров к нам был сорван. После мы узнали, что в этой группе был подполковник Зейферд и его адъютант Крутенберг (в которого стреляли, и он был ранен). Цель их была оттянуть капитуляцию и довести дело до перемирия.

Около трех часов утра 1 мая на участке 1-го батальона 1050-го стрелкового полка появилась новая группа парламентеров. Встречали ее майор Шаповалов, капитан Давыдов, капитан Яриниев, начальник разведки полка В. И. Куцов и двое автоматчиков из 3-й роты 1-го батальона.

Командир нашей дивизии имел указание от командарма и командующего фронтом о том, что по прибытии новой группы парламентеров ни в какие переговоры с ними не вступать. Требовать безоговорочной капитуляции. Поэтому Антонов принять парламентариев на НП Гумерова и узнать, с чем пришли, поручил мне, сказав при этом:

— Иди, Михаил, побыстрее. Я приду чуть позже.

Когда я прибыл на НП к Гумерову, они были уже там. В группу парламентеров входили начальник штаба сухопутных войск генерал Кребс, начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник фон Дюффинг, подполковник Зейферд, личный референт Геббельса Хей-

рихлорф, переводчик лейтенант Зегер и унтер-офицер с белым флагом. В кабинете были еще полковник В. Е. Шевцов и трое офицеров из 8-й гвардейской армии.

— Какие разговоры вы вели с парламентерами? — спросил я у Гумерова.

— Я спросил, с чем они пришли и где Гитлер.

— И что вам они ответили?

— Кребс сказал, что будет разговаривать с офицером, только равным себе по должности.

— Ого, генерал Кребс, наверное, забыл, что он пришел как парламентер побежденной армии? — выпалил строго я.

— По-видимому,— ответил Гумеров.

— Я считаю, что генерал Кребс все же скажет нам о судьбе Гитлера? Переведи, Маринов, если Кребс не понял.

Маринов перевел. Кребс молчит, насупив брови.

— Вопрос понятен вам, генерал Кребс? — снова спросил я.

— Да, понятен.

— Тогда отвечайте.

И только теперь Кребс процедил сквозь зубы:

— Гитлер покончил с собой, и труп его сожжен.

— Ясно, — ответил я.

Тут же майор Шаповалов передал мне взятый у Кребса пакет для маршала Жукова.

Обо всем этом я немедленно доложил Антонову. Вскоре на НП Гумерова прибыли генерал Е. Н. Шикин, заместитель командира корпуса по политчасти полковник В. Т. Поминов, В. С. Антонов, П. С. Коломейцев, начальник особого отдела дивизии майор Д. К. Курчевский со своей переводчицей Аней и офицер разведотдела армии капитан Н. Гайнуллин.

Гумеров вновь обратился к Кребсу с требованием объяснить прибывшим генералам и офицерам цель визита.

— Я хочу говорить только лично с маршалом Жуковым,— настойчиво сказал Кребс.

— Маршал Жуков уже сообщил, что говорить с вами не станет,— вмешался в разговор генерал Шикин.— Да и о чем можно еще говорить? Нас устраивает только безоговорочная капитуляция.

Когда лейтенант Маринов перевел эти слова Кребсу, тот вновь стал просить доставить его к Жукову.

Позвонили маршалу. Георгий Константинович категорически отрезал:

— Ни принимать, ни говорить с Кребсом я не буду. На КП 8-й гвардейской армии сейчас находится мой заместитель генерал армии В. Д. Соколовский. Обратитесь к нему. Если он пожелает говорить с парламентерами, проводите их к нему. А у меня им делать нечего, общего языка мы не найдем.

После этого немецкие парламентеры были переданы находившимся здесь офицерам 8-й гвардейской армии. Вместе с ними на КП 8-й гвардейской армии отправился наш капитан Яцинцев и один автоматчик из его батальона. После он рассказал об одной интересной детали. По положению всем парламентерам, направляемым в тыл войск противника, завязывали глаза. Генерал Кребс думал, что с ним поступят так же. И когда один из наших офицеров подал команду идти вперед, он с минуту помедлил, словно чего-то выжидая. Но никто завязывать ему глаза не стал. Напротив, ведя генерала через боевые порядки, наши офицеры как бы говорили Кребсу: «Смотрите, генерал! Вот наши войска, наша техника. Что вы можете ей противопоставить?»

Было часов 11. Уткнувшись в план Берлина с нанесенными последними данными обстановки, я даже не заметил, как на НП вбежал запыхавшийся переводчик штаба дивизии лейтенант Володя Маринов.

— Товарищ полковник, разрешите доложить?

— Докладывайте. Что там опять произошло?

— Радистами перехвачена радиограмма из ставки Гитлера!

— Это интересно. Перевод сделал?

— Сделал, товарищ полковник. Содержание радиограммы следующее: «Завещание вступает в силу. Прибуду, возможно, скоро к вам. До этого следует воздержаться от опубликования. Борман».

Взяв пакет радиограммы, я пошел к командиру дивизии.

— Что случилось? — спросил Антонов.

— Случилось, только не у нас — в ставке Гитлера.

Но ведь Гитлера нет в живых, как сообщил Зейферд.

— Да. Но радиограмма оттуда перехвачена.

Владимир Семенович два раза внимательно перечитал текст радиограммы, затем поднял на меня глаза.

— Ну, Михаил Иванович, что вы можете сказать по поводу радиограммы?

— По-моему, она еще раз подтверждает, что Гитлер приказал долго жить, а заправляют в катакомбе Геббельс и Борман. Радиограмма, очевидно, послана преемнику Гитлера.

— И кто же этот новый Гитлер?

— Судя по разведывательным данным, гросс-адмирал Дениц. Он назначен последним преемником фюрера.

— Что ж, пожалуй, так оно и есть. Но передай командирам частей, чтобы усилий не снижали. Надо подготовиться врага бить, бить и бить.

До 9 часов находился Кребс на командном пункте 8-й армии у генералов В. Д. Соколовского и В. И. Чуйкова. Однако все его попытки вести переговоры ни к чему не привели. Требования советского командования были ультимативными: никаких переговоров, только полная и безоговорочная капитуляция фашистской Германии и ее вооруженных сил.

Тогда Кребс решил установить проводную связь с имперской канцелярией, чтобы сообщить о требованиях советского командования Геббельсу и генералу Вейдлингу. Это было поручено сделать полковнику Дюффингу, с которым отправился наш связист с катушкой провода за спиной. Но едва они приблизились к позициям немцев, раздался выстрел. Наш связист был тяжело ранен. Положение еще больше осложнилось. Кребс со своими парламентерами вернулся в имперскую канцелярию. В. Д. Соколовский дал ему два часа, чтобы обсудить с Геббельсом наше требование о немедленной капитуляции.

На фронте установилось затишье. Командиры подразделений использовали его для пополнения боеприпасами. Впервые за двое суток люди получили горячую пищу.

Тем временем из подвалов и убежищ толпами стали выходить немцы. В основном — старики, женщины, дети. Голод побеждал страх. Первое, что привлекло их внимание, — это валявшиеся там и сям трупы убитых лошадей. Несчастные устремлялись к ним с голодным блеском в глазах и в считанные минуты разделывали их так, что от конских туш оставались только гривы, хвосты да копыта.

— Ничего удивительного нет, - угрюмо сказал Антонов, когда я доложил ему об этом — Весь Берлин сидит без воды, топлива и электроэнергии. А уж о продовольствии и говорить не приходится. То же самое мы видели в Трептове, когда форсировали Ландвер-канал, и в центральных кварталах Берлина. Только тут конских скелетов во много раз больше.

Другой разговор был передан мне П. С. Коломейцевым. Он произошел между ним, комбатом Шановаловым, замполитом Гумерова майор [illegible] и парторгом 2-го стрелкового батальона Ло[illegible]

— Вот к чему привел свой народ проклятый Гитлер и его фашистская партия, — говорил своим товарищам Коломейцев, указывая на трупы гитлеровских солдат, ободранные скелеты лошадей и дымящиеся развалины старинных зданий.

К этим словам внимательно прислушивался сидевший неподалеку у стены командир взвода лейтенант Гарагуля. Я хорошо знал его. Это был умный, отважный, но как-то по-особенному беспощадный к врагам офицер. Было видно, что тема беседы волнует, задевает его за живое. Наконец он не выдержал и подошел к нам.

— К фашистам у меня, товарищи, особый счет, — хрипло начал он, и его мужественное лицо как-то сразу закаменело, стало непроницаемым — От их проклятых рук погибли брат, отец-старик, [illegible] как они измывались над стариком, я хорошо до [illegible] — и вспоминать не хочется. Вот и думаю я, даже ночами об этом грезил, как дойду до Берлина, вот этими руками [illegible] тут у него перехватило дыхание, и он с хрустом сжал свои огромные кулачищи,— вот этими руками удушу Гитлера и всех его ублюдков. Конечно, и до этого довелось не один раз встречаться с ними лицом к лицу. И не находилось в моем сердце никогда ни капли жалости к врагу. Думал, что вообще выжгло у меня это чувство войной и вряд ли когда оно вернется. А вот представляете, товарищ майор, вошел в Берлин, увидел этих голодных, измученных ребятишек, этих несчастных стариков и женщин и почувствовал, как что-то у меня в душе перевернулось. Вижу как-то: маленький такой старикашка возится около убитой лошади с ножом. Хочет побольше отхватить кусок, а силенок-то уж нет совсем. Еле-еле отрезал. А лошадь уже вздуло от тепла, запах

от нее пошел. Ну, я ему машу рукой: «Ты что же это делаешь, чудак? Ведь такую падаль собака есть не станет, не то что человек!» Он, как услышал, вздрогнул и выронил кусок. Потом видит, что я вроде бы ничего с ним делать не собираюсь. Подобрал этот кусок — а он уж весь с пылью и грязью перемешался — и прижал к груди, а у самого в глазах слезы. Повернулся я и пошел от него. И тут я подумал: можно ли мстить вот таким, ведь для них фашистские сволочи такие же враги, как и для нас. И если б не началась с обеих сторон снова артиллерийская и минометная канонада, я бы приказал отдать им часть приготовленной для бойцов пищи. Вот ведь какая штука. — Гарагуля вздохнул и полез в карман за кисетом с табаком.

— Какое все-таки большое благородное сердце у нашего народа, — с волнением сказал я Коломейцеву, выслушав его рассказ.— Знаешь, Павел Саввич, когда слышишь такое, всегда испытываешь гордость за свою принадлежность к этому великому народу. Мне кажется, что хорошо было бы напечатать рассказ Гарагули в дивизионной газете.

Время, данное немецкому командованию на обсуждение вопроса о капитуляции, истекло, но ответа из имперской канцелярии так и не последовало.

В 17 часов 30 минут командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отдал приказ: «В 18 часов 30 минут произвести мощный артналет по имперской канцелярии, всем очагам, где оказывают сопротивление немецко-фашистские войска, и приступить к штурму».

Точно в назначенный срок вновь загремели пушки, заскрежетали гусеницы танков. Город утонул в волнах черного дыма. После артналета начался штурм. Через проломы в стенах, выбитые окна и двери, извилистые проходы в грудах развалин советские воины устремились вперед, шаг за шагом вытесняя фашистов из занимаемых ими зданий. Упорный, кровопролитный бой закипел на всех участках дивизии. Могучее громыхание орудийных выстрелов доносилось и со стороны Тиргартен-парка, где действовали соединения 8-й гвардейской армии.

Еще во время приема парламентеров Антонов приказал командирам полков И. И. Гумерову, Н. П. Радаеву, А. И. Пешкову подготовить по две штурмовые

группы из самых отважных бойцов, поставив во главе их самых опытных боевых офицеров. В их задачу входило просочиться к дворцу «канцлеримперии» (имперской канцелярии) и овладеть им. Хотя Гитлер и его правительство давно оставили этот дворец, укрывшись в подземной катакомбе и убежищах, он по-прежнему оборонялся отборными гитлеровскими частями.

Первая атака наших штурмовых групп на имперский дворец встретила сильное огневое сопротивление и была приостановлена. Антонов позвонил Гумерову, Радаеву и Пешкову и приказал во что бы то ни стало возобновить продвижение вперед. И тут командир 2-го батальона 1050-го стрелкового полка майор Ф. К. Шаповалов принимает смелое решение. Он выдвигает в сад во фланг врагу сначала 4-ю роту старшего лейтенанта П. П. Яковлева, а затем 5-ю и 6-ю стрелковые роты старших лейтенантов Храмова и Рабенко. Бойцы быстро пробивают с помощью пушек в бетонном заборе, которым был обнесен весь квартал имперекой канцелярии, дыры и проникают внутрь двора.

Особенно ожесточенная схватка закипела у бетонного бассейна, оборудованного возле одного из входов в канцелярию.

Засевшие здесь эсэсовцы оборонялись отчаянно, не считаясь ни с какими потерями. Их сопротивление становилось все более упорным по мере того, как наши штурмовые группы приближались к входу в подземный бункер Гитлера. Однако ничто уже не могло отдалить неотвратимого исхода.

Выведя орудия на прямую наводку, артиллеристы подполковника Похлебаева, старшего лейтенанта Боброва, воины отдельного истребительного дивизиона майора М. А. Престинского и других артчастей, возглавляемых командующим артиллерией дивизии полковником Н. Ф. Казанцевым, накрыли имперский дворец и подземные убежища лавиной сокрушительного огня.

Высокое командирское мастерство при штурме имперского дворца проявили командир 1-го батальона 1054-го стрелкового полка майор Грач Мнацаканович Айрапетян, командир 2-го батальона этого же полка майор Александр Данилович Перепелицын, командир 3-го батальона 1052-го стрелкового полка Герой Советского Союза майор Сагадат Кажахметович Нурмагамбетов. Они первыми штурмовали сам имперский дворец.

Нелегко было выполнить эту задачу. Стены дворца толстые и прочные. Никакие снаряды их не пробивали.

Все подступы к нему простреливались обороняющимися гитлеровцами из пулеметов и автоматов. Особенно тяжело было тем подразделениям, которые штурмовали фасад дворца со стороны магазина «Вертгейм» и улицы Вильгельмштрассе.

Первые попытки штурма окончились неудачей. После этого дворец был подвергнут с трех сторон интенсивному обстрелу из орудий и пулеметов, вынудившему в конце концов его защитников сдаваться.

Трудно было выделить особо отличившихся в этом последнем героическом штурме главного логова врага. Мне вспоминаются артиллерист Е. Рыжов, пулеметчик Матейко, рядовые Сергеев и Островский из 1050-го стрелкового полка, которые точным огнем заставили замолчать огневые точки немцев, прикрывающие вход в подземное убежище Гитлера. Вспоминается сержант Решетников, остановивший огнем станкового пулемета ту штурмующую группу эсэсовцев. А разве можно забыть старшего инструктора политотдела 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса Анну Владимировну Никулину — человека огромного мужества и беззаветной преданности своей Родине, которая была хорошо знакома мне еще по боям с Северном Кавказе! Как сейчас, вижу ее перед собой в атакующих рядах рот.

Это лишь первые пришедшие на память имена. Но хочется подчеркнуть, что могучим героическим порывом были охвачены в тот момент все воины дивизии. В своей солдатской судьбе мне пришлось пережить три войны, но такого мне не приходилось еще не приходилось видеть.

Восток чуть начал сереть. Надвигался новый день — 2 мая. Комдив подошел к своей рации, послушал в наушниках и вдруг подзывает меня и дает молча их мне. Я слушаю и не верю: «Высылаем своих парламентеров на мост Бисмаркштрассе. Прекращаем военные действия».

— Ну и как? спросил Антонов меня.

— Так это на участке восьмой гвардейской. А у нас... Слышишь? Кипит бой.

И действительно, несмотря на восьмичасовой непрерывный штурм, много огневых очагов врага оставались еще неподавленными. Поэтому по приказу командира в 3 часа утра 2 мая был произведен самый мощный арт-

налет. В течение 15 минут огонь тысяч орудий и минометов был сфокусирован исключительно на имперской канцелярии и катакомбе Гитлера. Это был заключительный аккорд артиллерийской канонады в Берлине.

После этого продвижение полков и штурмовых групп ускорилось. Штурмовая группа, возглавляемая парторгом 2-го батальона 1050-го стрелкового полка Егоренковым, вплотную приблизилась к дверям рейхсканцелярии. В ее окна и двери полетели гранаты, снаряды «сорокапяток» старшины Рыжкова и других артиллеристов.

Однако основная тяжесть боя за овладение имперским дворцом легла на батальоны майора Ф. К. Шапошникова, майора А. Д. Перепелицына и майора Г. М. Айрапетяна. Бойцы этих батальонов, а также штурмовые группы Егоренкова, младшего лейтенанта Антонова, лейтенанта Федорова, взводы рот Ф. Е. Храмова, И. С. Рабенко, И. П. Яковлева, А. П. Щербакова, Ю. А. Малышева, С. А. Мапучарьяна вскоре приблизились к дворцу.

В эти минуты в дыму и блеске рвавшихся снарядов, мин и гранат среди наступавших бойцов роты лейтенанта Яковлева опять мелькала знакомая кожаная тужурка — постоянная форма всеми уважаемого майора Анны Владимировны Никулиной. Сейчас она с группой воинов шла на штурм последнего фашистского логова.

Рядом, прикрывая огнем отважного полигработника, бежали крепыш с марлевой повязкой на голове и шее, комсорг 2-го батальона лейтенант Салиджан Алимов с группой храбрецов комсомольцев, парторг батальона Николай Егоренков с группой бойцов и старшин лейтенант Песков со взводом.

Вскоре группы Анны Никулиной и Салиджана Алимова вплотную приблизились к круглому бетонному бассейну — фонтану. За ним здание гитлеровской канцелярии. Оно превращено гитлеровцами в своеобразный огромный дот. Из всех его окон и дверей стреляли автоматы, пулеметы, фаустпатроны, орудия. Для подавления их пришлось пустить в ход орудия прямой наводки, противотанковые ружья, пулеметы и их же немецкое оружие — фаустпатроны. Вскоре огонь гитлеровцев смолк, а оборонявшиеся у бассейна фашисты, оставив десятки трупов, отступили.

Когда огонь гитлеровцев прекратился, группы Алимова, Никулиной, Антонова, Федорова, Сосновского, а также группы батальонов Перепелицына и Айрапетяна, забрасывая окна дворца гранатами, бросились в здание. Началась жаркая смертельная схватка. Каждый кабинет, каждую комнату рейхсканцелярии брали штурмом, с большими усилиями.

И вот из части кабинетов гитлеровцы выбиты. В этот момент Анна Владимировна Никулина с бойцами 4-й роты, действовавшими с ней рядом, по побитым маршам лестничной клетки поднялась на чердак, пробралась через пролом на крышу, вытащила из-под куртки красное полотнище, прикрепила его обрывком телефонного провода к металлическому шпилю антенны, и над имперской канцелярией взвилось алое знамя Победы — знамя Страны Советов.

В тот момент, как мы заметили на крыше рейхсканцелярии красный стяг, Антонов вскочил и восторженно крикнул:

— Михаил Иванович, ура! На имперской канцелярии Красное знамя! Звони, узнай, кто этот храбрец.

Звоню в 1050-й полк. К телефону подходит Гумеров.

— Нехак Идрисович! Комдив интересуется, кто водрузил знамя на имперском дворце? Кто? Майор Никулина и рядовой Николай Некрасов? Здорово! Молодцы!

— Ну, от нее можно это ожидать,— улыбнулся Антонов, внимательно прислушивавшийся к нашему разговору.— Наверное, еще с Кавказа несла этот флаг, ведь она ветеран политотдела корпуса.

— Знаю, знаю, товарищ полковник. Храбрейшая женщина. Правда, приходилось частенько одергивать ее: где самое пекло, там и она.

— А кто обеспечивал водружение? — вновь спросил Антонов.

— Как докладывает Гумеров рота Яковлева, группы лейтенанта Федорова и младшего лейтенанта Антонова.

— Послушай, начальник штаба,— вдруг обратился ко мне Антонов,— а что это Радаев с Пешковым пошушукиваются? Ну-ка, узнай, что они там делают.

Связываюсь по телефону с подполковником Радаевым.

— Что ж вы отстаете, дорогой,— подзадориваю я его.— Гумеровцы докладывают, что они уже два флага

водрузили на дворце. А вы что-то ничем не похвалитесь. Как там у вас?

— У нас все нормально, товарищ полковник,— несколько обиделся Радаев.— Мы тоже водрузили, только на восточной стороне. Вам с НП не видно. Кто конкретно? Комсорг второго батальона лейтенант Плетнев со своими комсомольцами. А обеспечивали разведчики полка под командованием лейтенанта Волкова и седьмая рота Пешкова под командованием старшего лейтенанта Безносова. А первым в полку водрузил красный флаг сержант Горбачев.

— Добре. Комдив торопит, приказывает действовать поактивнее.

— Все будет в порядке, товарищ полковник.

Так пал дворец «канцлера империи».

После взятия «канцлеримперии» Антонов поручил захват подземного убежища Гитлера подполковнику Гумерову. Для выполнения этой задачи были выделены батальоны майора Шаповалова и майора Михайлова. Они действовали под прикрытием полковой артиллерии. Отдельными штурмовыми группами руководили капитан Рабенко, лейтенант Егоренков, замполит капитан Осипов, лейтенант В. Д. Несков, капитан В. Ф. Спирош и другие офицеры.

Боем в подземном логове фюрера управлял майор Федор Кузьмич Шаповалов — исключительно смелый и в то же время смекалистый, находчивый комбат. Его непосредственным помощником был старший адъютант батальона капитан П. А. Карибский. Будучи ранее пулеметчиком, он в душе оставался им всегда. Вот и в этом бою, взявшись за гашетки пулемета вместо погибшего пулеметного расчета сержанта Решетникова, он метким огнем уничтожал эсэсовцев, оборонявших вход в бункер. Массивную входную дверь, которую не брали ружейные пули, пришлось простреливать противотанковыми ружьями. Мощным огнем сопротивление гитлеровцев у входа в бункер было сломлено. Теперь надо было проломить дверь в убежище и заклинить амбразуры. Это было сделано бойцами 8-й роты во главе со старшим лейтенантом В. Д. Несковым. Вооружившись связками противотанковых гранат, они ринулись на штурм. Забросав гранатами дверь и бойницы в стенках, рота ворвалась в бункер и стала вычищать гитлеровцев из подземных кабинетов и других помещений.

К 8 часам утра 2 мая подземная катакомба Гитлера была полностью очищена от ее последних защитников. В некоторых уголках парка имперской канцелярии еще слышалась перестрелка. Доносилась она и из парка Тиргартен. Однако бой явно шел на убыль.

В это время с передовой прибыл Владимир Семенович, а меня срочно вызвали к телефону. Взяв трубку, я узнал голос начальника штаба корпуса генерал-майора Емельяна Ивановича Шикина.

— Михаил Иванович, передайте Антонову и всем вашим командирам и бойцам радостную весть. Немцы капитулировали! Командующий обороной Берлина генерал артиллерии Вейдлинг в два часа ночи передал по радио всем своим войскам приказ немедленно прекратить сопротивление русским и прислал парламентером своего начальника штаба полковника фон Дюффинга.

— Слушаюсь! — с замиранием сердца ответил я и, бросив трубку, бегом помчался к Антонову.

— Товарищ комдив, немцы капитулировали! — задыхаясь, крикнул я.

— Как, как? — не сразу понял Антонов.

— Капитулировали немцы, товарищ комдив, во всем Берлине! Конец войне! — восторженно повторил я. Антонов некоторое время стоял молча, словно оглушенный. Затем мы порывисто шагнули друг к другу, крепко обнялись и трехкратно, по-русски расцеловались.

Во второй половине дня фашисты прекратили сопротивление на всех участках Берлина. Оборонявший «фарраоновскую гробницу» фюрера гарнизон отборных эсэсовцев сдался в плен первым.

В эти незабываемые минуты на память невольно приходили имена тех, кто не дожил до этого радостного дня, кого мы потеряли на трудных дорогах войны. С особой болью думалось о тех, кто пал на подступах к Берлину, в гитлеровском логове. Майор Цуцкеридзе, капитан Полюсук, майор Оберемченко, лейтенант Подгорбунский, сержант Антипенко, юный моряк Володя Чернов... Эти посмертно были удостоены звания Героя Советского Союза. А сколько их пало за войну — известных и безвестных героев? Сейчас они все были с нами, потому что все они были в нашей памяти...

Около 9 часов утра командир дивизии Антонов приказал мне выехать в район имперской канцелярии и

организовать поиски Гитлера и других его сообщников. Присутствовавший при этом начальник особого отдела майор Д. К. Курчевский, смеясь, заметил:

— Вы что же это, дорогой друг, мечтали взять Гитлера, а теперь время тянете? Пошли вместе. Я уже послал туда группу своих ребят. Они сейчас ищут.

— Хорошо, я только возьму пару офицеров штаба и переводчика Володю Маринова.

Примерно с час мы карабкались по развалинам, прежде чем пробрались к парку, окружавшему имперскую канцелярию. Обожженные, расщепленные деревья несколько напоминали по весенние. На сучьях висели полотнища парашютов. Фашистские летчики все это время сбрасывали осажденному гарнизону вооружение, боеприпасы, продовольствие. Обломки сбитых самолетов валяются тут же. Около них трупы гитлеровских вояк.

Вскоре мы встретили заместителя командира нашей дивизии полковника Василия Емельяновича Шевцова. Назначенный комендантом района имперской канцелярии, он уже наводил и ряток, организовывал оборону и охрану дворца, подземного бункера Гитлера и всего квартала с парком и всеми строениями.

Мы поздравили друг друга с победой, и Василий Емельянович повел нас к катакомбе Гитлера. Еще издали мы увидели двух солдат, стоявших на часах у входа.

— Зачем часовые? — спросил я Шевцова.

— Да черт его знает, может, не отравился фюрер — прячется здесь где-нибудь в своей норе. Так будет надежнее.

— Правильно, Василий Емельянович!

— А потом тут разных фоторепортеров, корреспондентов, а то и просто глазельщиков набежало. Неведь откуда. Кто, зачем — проверять же всех не станешь. Вот я решил пока не пускать туда никого, кому там нечего делать.

— Очень хорошо, Василий Емельянович. Комдив так и приказал поступить.

Подходим к бункеру. У самого входа группа офицеров внимательно осматривает чей-то окровавленный труп.

— Кого ищете? — спросил я стоявшего поблизости начальника разведки нашей дивизии майора Боровко.

— Гитлера,— раздалось в ответ сразу несколько голосов.

— Но ведь Кребс уверял, что он вместе со своей любовницей покончил жизнь самоубийством?

— Это еще как сказать. Верь им,— возразил Боровко.— Лучше поискать. Не найдем — не надо, найдем — хорошо. Нам притащили уже целых шесть «фюреров». Но настоящего среди них не оказалось. Эксперты говорят: Федот, да не тот.

Подходит комбат Шаповалов с немецким офицером в звании майора.

— Кто это? — спрашиваю я комбата.

— Офицер из ставки вермахта. Хорошо знает внешность Гитлера. Кроме того, немного понимает по-русски.

— Прекрасно! — сказал я.— Мы сейчас спускаемся в бункер. Вы пойдете с нами.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

В подземелье вела длинная лестница. Был и лифт, но из-за отсутствия электроэнергии он бездействовал. Убежище поразило нас своими размерами, оборудованием и прочностью. Оно представляло собой двухэтажное здание, уходящее на глубину до 20 метров. Железобетонное перекрытие было таким, что надежно обеспечивало безопасность его обитателей даже при прямом попадании бомб крупного калибра. В бункере было свыше 60 комфортабельно оборудованных комнат. Здесь имелись свое отопление, электростанция, склады продовольствия, вооружения, боеприпасов. Помещение, в котором находился Гитлер, было самым просторным. Оно состояло из зала для совещаний, столовой, спальни, кухни и санитарного узла. Рядом размещались личный врач Гитлера и его адъютант. Дальше шли комнаты членов правительства и высших офицеров штаба.

Несмотря на богатый интерьер, бункер выглядел мрачно и скорее походил на огромный склеп. Это впечатление еще более усиливалось тем, что повсюду: в комнатах, коридорах, на лестницах — валялись трупы самоубийц. Это были офицеры, чиновники, генералы и министры гитлеровского правительства. Среди них я узнал и недавнего нашего знакомца — генерала Кребса. Всех их заставил покончить с собой страх перед возмездием.

Казалось, что в подземном убежище недавно про-

несся разрушительный смерч, разбросавший по углам кабинетов и полам все богатые предметы обстановки: кресла, столы, диваны, шкафы, а также ящик с коробками крестов и медалей, чемоданы с различным барахлом.

Продолжая наше знакомство с убежищем, майор Шаповалов подвел нас к одной из дверей, которая была плотно закрыта. Я заметил на его лице чуть заметную ухмылку, когда он приказал открыть дверь неотступно следовавшему за нами немецкому офицеру. Тот дернул за массивную ручку, и мы увидели лежащий посреди комнаты труп мужчины в темно-сером гражданском костюме с пулевой раной во лбу.

— Ого, вот и фюрер! — удивленно воскликнул майор Курчевский.

Действительно, убитый был бесспорно похож на Гитлера, которого мы сотни раз видели на фотографиях, витринах немецких городов, снимках в газетах и журналах.

— Ну что, это Гитлер? — спросил Шаповалов немецкого офицера, подсвечивая труп фонариком.

— Найн, найн,— отрицательно мотнул головой немец.

— А не врет он? — усомнился я, взглянув на Шаповалова.

— Не может быть. При первом осмотре он то же самое говорил. Никакой, говорит, это не Гитлер. Да и с какой стати ему врать?

— Нет, значит, нет. Пошли дальше.

Заглянули в смежную комнату. Она была примерно такой же, как и та, из которой мы только что вышли. Кроме стола, стульев и дивана здесь стояли еще две деревянные кровати. А на полу также лежал посиневший мужчина со знакомыми гитлеровскими усиками.

— Уж этот-то, наверно, точно Гитлер,— вновь проговорил Курчевский, но по его тону чувствовалось, что он, как и все мы, сильно обескуражен.

— Второй Гитлер? — невозмутимо спросил Шаповалов немецкого офицера.

— Найн, цвай Гитлер шпке, — вытянувшись в струнку, ответил тот.

— Он говорит: двух Гитлеров не бывает,— перевела Аня — переводчица из особого отдела, которую Курчевский все время держал при себе.

— Что же это получается, что у Гитлера уже не двойники, а «восьмерики»,— улыбнулся Курчевский.— У входа было шесть и вот сейчас еще два. Аня, спроси у этого фрица, сколько же всего двойников у ихнего фюрера?

Когда Аня перевела вопрос, немец что-то залопотал по-своему, недоуменно пожимая плечами.

— Он говорит, что слышал о двойниках, но, сколько их было, не знает.

Так что ни на поверхности, ни в бункере трупа Гитлера нам найти не удалось. После этого мы направились в апартаменты Геббельса. Обгорелый, покрытый слизью труп бывшего министра пропаганды был уже вытащен бойцами Шаповалова к входной двери. Я заметил на шее и бедрах какие-то длинные полосы из серой плюшевой ткани.

— Что это за повязки? — спросил я Шаповалова.

— А-а! Это бойцы привязали шторы с окон, когда вытаскивали труп. Противно было к нему притронуться.

Вошли в убежище. В нем было две комнаты, кабинет и кухня с небольшой столовой при ней. В первой комнате на полу лежала в луже затвердевшей и почерневшей крови жена Геббельса — Магда Геббельс. По приказанию полковника Шаповалова четверо солдат тут же вынесли ее труп наверх и положили рядом с трупом мужа.

Войдя во вторую комнату, мы были просто потрясены: на койках и на диване лежали в разных позах трупы шестерых детей — пятерых девочек и одного мальчика. На столе стоял небольшой, сделанный под крокодиловую кожу чемодан, к ручке которого была пришита кожаная бирка с надписью: «Фрау Геббельс». Раскрыв его, мы обнаружили в нем большое количество смертельных ядов в самом разнообразном виде — в таблетках, ампулах, пробирках. Тут же, на столе, лежали два шприца с иглами и несколько пустых ампул.

— Вот зверь, со злостью сказал Курчевский. — Был зверем и до конца им остался. Не только жену, гад, но и детей не пожалел.

Он взял чемодан, вытряхнул из него все его страшное содержимое и передал мне со словами:

— Возьми, Михаил Иванович, пусть это будет памятью о посещении фашистского логова.

В 60-х годах я передал этот чемодан в Ленинград-

ский артиллерийский музей, где он и поныне хранится в фондах.

Вскоре к бункеру Гитлера подошел Антонов со своим заместителем по строевой, а ныне комендантом участка имперской канцелярии Шевцовым. Я коротко доложил комдиву о результатах поиска трупа Гитлера.

— Слушай, Михаил, — озадаченно спросил Антонов. — Но где же все-таки настоящий Гитлер?

— По словам немецкого офицера, из гитлеровской ставки охранявшие фюрера солдаты говорили ему, что труп Гитлера и Евы Браун сожжен вон в той воронке.

— Осмотрели воронку? — спросил Антонов у меня.

— Осмотрели, товарищ полковник. В воронке земли что-то засыпано, пепел, рядом несколько пустых канистр из-под бензина.

— Надо еще поискать...

По пути к имперскому дворцу мы увидели такую картину. Парторг 2-го батальона 1050-го стрелкового полка лейтенант Никита Михайлович Егоренков с группой бойцов срывал висевшего над парадным входом бронзового орла, державшего в когтях лавровый чугунный венок с фашистской. Вскоре фашистская эмблема с гулом рухнула на землю. Бойцы спустились вниз и с веселыми шутками забросали ее на кучи мусора. Антонов толкнул меня локтем в бок:

— Смотри, смотри, Михаил. Это выброшена на свалку истории вся фашистская Германия!

После полудня в район имперской канцелярии прибыл начальник гарнизона и комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин с членом Военного совета генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым. Приняв доклад Антонова, они направились к имперскому дворцу. Увидев развевавшиеся над ним красные флаги, Николай Эрастович оживленно воскликнул, обращаясь к Бокову:

— Глянь, Федор Ефимович. Не меньше десятка! Вот это молодцы! Здорово сражались!

Внутренность дворца носила страшные следы только что затихших здесь боев: ободранная штукатурка, сорванные люстры, захламленные полы, поломанные и выбитые двери. Прошли по галерее, ведущей к кабинету Гитлера. Комнаты, в которые мы заглядывали по пути, были усеяны трупами убитых или застрелившихся эсэсовцев. Кабинет Гитлера находился в самом конце

галерей. Войдя в него, мы увидели огромный стол, обставленный со всех сторон стульями. К дальнему концу его был приставлен поперек второй полированный двухтумбовый стол. Около него стояло кресло с высокой спинкой. Справа был виден большой глобус, испещренный во многих местах знаками, сделанными синим карандашом. Говорили, что Гитлер любил покрутить его, разжигая в себе бредовые планы мирового господства.

— А куда вы собираетесь деть этот глобус? — спросил командарм.

— Я предлагаю поставить его в ваш кабинет, товарищ командарм,— сказал генерал-лейтенант И. П. Росслый.— Потому что вы первый из военачальников вошли сюда.

— Спасибо за предложение, Иван Павлович, — поблагодарил его Берзарин.— Но я думаю, что будет очень правильно, если мы предложим его маршалу Георгию Константиновичу Жукову, который внес неоценимый вклад в разгром гитлеровской Германии и руководил войсками, штурмовавшими Берлин.

— Верно, товарищ генерал-полковник! — поддержали его присутствующие.

После этого мы покинули имперский дворец. Командарм уже начал было прощаться, но в это время к нему обратился Антонов с просьбой принять памятные трофеи. Берзарину и Бокову были вручены топографическая немецкая карта с нанесенной обстановкой (ее взяли со стола Гитлера в его кабинете в подземном бункере) и жезл генерал-фельдмаршала Роммеля, а Военному совету армии был передан личный штандарт фюрера.

Теперь он лежит в зале Победы Центрального музея Советской Армии в Москве среди других гитлеровских знамен перед картиной «Парад Победы Красной Армии на Красной площади 24 июня 1945 года». В хранилище музея находится и маршальский жезл Роммеля.

Карта Гитлера с росписями генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова и майора Ф. К. Шаповалова находится в Германской Демократической Республике, в Берлине, в Карлехорстском музее Советской Армии.

Уже садясь в машину, Берзарин вдруг задержался на минуту и подозвал к себе Антонова:

— Кстати, о Жукове: завтра Георгий Константинович будет здесь. Так что готовьтесь к встрече!..

— А мы давно готовы, товарищ командарм,— улыбнувшись, заметил Владимир Семенович.

— Это как? — удивился Берзарин.— Кто вам сообщил?

— Так это ясно и без всякого сообщения: неужели Георгий Константинович, несмотря на всю свою занятость, удержится от того, чтобы не осмотреть то самое логово фашистского зверя, о котором столько писали в газетах?

— Ну что ж, резонно,— грузно опускаясь на сиденье, заметил Берзарин.— Поэтому надо подумать о том, чтобы показать ему все самое интересное.

АГОНИЯ В «ФЮРЕРБУНКЕРЕ»

Итак, свершилось то, что неминуемо должно было свершиться. «Третий рейх» пал. В результате мощных ударов наших славных Вооруженных Сил фашистское государство прекратило свое существование. То, что началось под Москвой и Сталинградом, было довершено здесь, в Берлине. Советские войска с честью выполнили свой священный долг перед своим Отечеством и народами Европы.

Что же происходило за толстыми стенами подземной катакомбы Гитлера в дни штурма центра Берлина и самой рейхсканцелярии? В литературе подчас встречается такое утверждение, будто нам в то время ничего не было известно о последней агонии фашистских главарей. Утверждение столь же категоричное, сколько и

ошибочное. Разумеется, всего мы знать не могли, но основные события становились нам известными на второй же день.

Дело в том, что начиная с 23 апреля мы ежедневно захватывали десятки, а при штурме правительственных зданий и сотни гитлеровских солдат и офицеров. Они сообщали много ярких подробностей о происходящем в подземном бункере Гитлера. Особенно ценные данные мы получили от пленных, охранявших имперский дворец и бункер, офицеров подразделений, оборонявших участок рейхсканцелярии.

Наконец, послевоенная мемуарная литература позволила нам внести некоторые уточнения в добытый еще в то время материал.

После этого необходимого вступления я позволю себе вновь вернуться к 20 апреля 1945 года. В этот день в бомбоубежище имперской канцелярии по случаю дня рождения фюрера последний раз собралась вся нацистская верхушка. Здесь были министр пропаганды доктор Геббельс, фельдмаршал Кейтель, рейхслейтер Борман, адмиралы Фосс и Вагнер, генерал Бургдорф, обергруппенфюрер СС Фегелейн, рейхсмаршал Геринг, рейхсфюрер СС Гиммлер, министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер и многие другие ближайшие приближенные Гитлера. Все они льстиво заверяли фюрера в неизменной своей преданности. Фегелейн с пафосом заявил, что вопросы, касающиеся обеспечения безопасности «вождя нации», с успехом разрешены. Но все это было не более чем пылью, пускаемой в глаза своему некогда могущественному властелину. Каждый из собравшихся в этот момент больше думал о спасении собственной шкуры, чем о спасении фюрера и Германии. Нависшая над ними смертельная опасность подсказывала им лишь один выход — бегство. И оно вскоре началось. Первым бесследно исчез в тот же день, 20 апреля, Альберт Шпеер. Незадолго до этого он по приказу Гитлера подготовил к взрыву все мосты через Шпрее, чтобы воспрепятствовать продвижению советских войск. Ему же поручалось и руководство взрывными работами. Однако, услышав первые выстрелы советских орудий по окраине столицы, Шпеер трусливо бежал, бросив на произвол судьбы своих эсэсовцев-подрывников.

Пример Шпеера оказался, как говорится, заразительным. Вскоре ему последовали фельдмаршал Кей-

тель и генерал-полковник Йодль. Укрылся в Баварских Альпах командующий «люфтваффе» рейхсмаршал Герман Геринг, хотя ходили слухи, что его прочат главой будущего правительства, если с Гитлером что-то случится. Гиммлер махнул на север, поближе к датской границе, где через графа Бернадоба пытался вести тайные переговоры с командованием американских и английских войск. Правда, зловещая фигура рейхсфюрера СС была настолько одиозна, что западные державы не решились признать его представителем договаривающейся стороны.

Удрали из Берлина даже лечащий врач Гитлера профессор Морелль и его личный хирург Бранд. Но особенно потрясла фюрера попытка бежать из бункера в ночь с 23 на 24 апреля обергруппенфюрера СС Фегелейна, которого он искренне считал одним из самых верных и преданных себе людей. Фегелейн был женат на сестре Евы Браун фрау Гетль. Так что они с Гитлером были, можно сказать, без четырех дней «свояки». Однако породнение не состоялось. По приказу Гитлера Фегелейн был расстрелян во дворе имперской канцелярии, на глазах у многих эсэсовцев, находившихся в дворцовом саду. Гитлер остался непреклонен, несмотря на слезные просьбы сестер Евы и Гетль о помиловании.

Гитлера окружала теперь лишь небольшая кучка его приверженцев, среди которых были Геббельс, Борман, Кребс, Бургдорф. В Берлине уже вовсю гремела артиллерийская канонада. И тем не менее Гитлер все еще чего-то выжидал, на что-то надеялся, решительно отклоняя предложения выехать из Берлина.

На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Кейтель упомянул о своем последнем посещении Гитлера 23 апреля 1945 года. В бункер имперской канцелярии Кейтель приехал прямо со своего командного пункта, находившегося в Крамнице. Весь его доклад вкратце сводился к следующему: положение на фронте безнадежное, фюреру необходимо срочно покинуть Берлин. Гитлер решительно отклонил предложение фельдмаршала. Кейтель попрощался и вышел. Однако, постояв несколько минут за дверью, он вновь вернулся и с неожиданной для него смелостью сказал:

— Мой фюрер, я прошу вас ответить: начаты ли переговоры с противником о капитуляции и кто их ведет?

Гитлера болезненно передернуло при слове «капитуляция». Нахмурив брови, трясущимися губами он пробормотал, что с капитуляцией торопиться не надо. Переговоры с противником можно начать, но только «после какой-либо победы в Берлине». Кейтеля этот ответ не удовлетворил, и он попросил ответить конкретнее. Тогда Гитлер, бросив на фельдмаршала раздраженный взгляд, пояснил, что он уже давно распорядился начать переговоры с Англией через Италию, поручив это Риббентропу.

Из этого факта видно, что Гитлер до самого последнего момента не терял надежды на раскол единого антифашистского фронта. Он не уставал повторять Борману, Кребсу, Геббельсу и другим, что «столкновение между Советским Союзом и Соединенными Штатами неизбежно».

Между тем события стали сменяться уже не по дням, а по часам и даже минутам. К концу того же дня, 23 апреля, Гитлеру сообщили, что Геринг в Альпах не сидит сложа руки, а готовит против него заговор. Этого сообщения оказалось достаточно для того, чтобы Гитлер немедленно снял командующего «люфтваффе» со всех занимаемых должностей и отменил его кандидатуру как своего возможного преемника.

Следующий день, 24 апреля, не только не принес надежды обитателям подземного убежища, но и превзошел их самые худшие ожидания. Советские войска форсировали Шпрее и приступили к прорыву последнего оборонительного кольца Берлина. При создавшемся положении Гитлер произвел очередную смену командующего обороной столицы. До 22 апреля этот пост занимал генерал-лейтенант Рейман. 23-го его сменил бывший начальник штаба национал-социалистического руководства полковник Кантер, произведенный по этому случаю сразу в генерал-лейтенанты. А ровно через два дня Кантер уступил место командиру 56-го танкового корпуса генерал-лейтенанту Гельмуту Вейдлингу.

Поначалу его командный пункт размещался в здании 3-го запасного округа на Гогенцоллерндам. Но затем дом этот показался Вейдлингу недостаточно прочным, и он перенес командный пункт на Бендлерблок.

27 апреля. Кольцо советских войск вокруг окруженной фашистской группировки продолжает катастрофически сжиматься. Захвачены два последних аэродрома

в Темпельгофе и Готове. Даже запасная посадочная площадка для небольших самолетов на Шарлоттенбургштрассе в парке Тиргартен находится под непрерывным обстрелом наших орудий, минометов и пулеметов. Окружен Потсдам. Но самое большое потрясение этого дня для Гитлера — сообщение о переговорах Гиммлера с английским и американским командованием, которое отклонило его предложение до тех пор, пока на это не согласятся русские. С этого момента для всех оставшихся в имперской канцелярии Гиммлер — изменник.

Вечером фюрер вызывает к себе генерал-полковника авиации Ритера фон Грейма, назначает его командующим немецкими ВВС и производит в чин генерал-фельдмаршала. Загвоздка была в том, что свеженспеченному генерал-фельдмаршалу командовать, по сути дела, было нечем: в руках у немцев оставались считанные единицы машин.

Заимев командующего авиацией без авиации, Гитлер выкинул очередной номер: в ночь с 28 на 29 апреля он сочетался браком с Евой Браун, которая из любовницы с весьма солидным стажем превратилась, таким образом, в «законную супругу». Свадьба была очень скромной и немноголюдной. Приглашены были только Геббельс с женой, Мартин Борман и две секретарши Гитлера. Музыки не было. Впрочем, ее отлично заменяли артиллерийские и минометные налеты по имперской канцелярии, периодически производившиеся всю ночь.

О свадьбе Гитлера мы с Антоновым узнали утром 29 апреля от захваченных пленных и тоже внесли свою лепту в ее «музыкальное сопровождение», обрушив на участок имперской канцелярии артналет, длившийся около 15 минут. Затем по рейхсканцелярии нанесли бомбовый удар штурмовики Ил-2, которых гитлеровцы называли «черной смертью».

— Ну вот и поздравили новобрачных,— улыбнувшись, заметил Антонов. — А «горько» пускай сами кричат, для них это слово сейчас самое подходящее...

Войска нашего 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии были в это время уже у стен имперской канцелярии. Гитлер бросил в бой последние остатки эсэсовцев, но ничто уже не могло остановить надвигавшуюся катастрофу.

29 апреля в 22 часа Гитлер провел свое последнее совещание. Если раньше в подобных случаях собира-

лись все нацистские верхи, то на этот раз в его кабинете было непривычно малолюдно: доктор Геббельс, генералы Кребс и Бургдорф, Мартин Борман, адъютанты Гитлера майор Майф и штурмбанфюрер СС Гюнше, руководитель фашистской молодежи, врач Аксман, бригаденфюрер СС Монке.

Доклад о положении в Берлине сделал генерал Вейдлинг. Он настаивал на попытке прорыва из окруженной столицы. Гитлер не принял это предложение, но в крайнем случае разрешил прорываться небольшими группами, хотя все присутствующие понимали, что теперь это уже невозможно. А вот наши штурмовые группы к этому времени начали дерзко проникать в расположение имперской канцелярии, делая большой переполох среди ее высокопоставленных обитателей. О действиях одной из этих групп под руководством Героя Советского Союза старшины Угачева уже говорилось выше. Вот что рассказал об этом пленный ефрейтор-эсэсовец.

— Утром 30 апреля в районе бомбоубежища имперской канцелярии произошло несколько сильных взрывов. Среди солдат и офицеров разнесся слух, что проникли русские и забрасывают нас гранатами большой взрывной силы. Поднялась паника. Я с несколькими солдатами решил спрятаться в магазине, но там уже были русские разведчики, которые и захватили нас.

В этой накаленной атмосфере Гитлер назначает нового преемника. Выбор пал на сравнительно малоизвестного гросс-адмирала Карла Деница, который в это время находился даже не в Берлине, а в Плене. Впрочем, Гитлер мог теперь назначать на свое место кого угодно, даже своего камердинера Линге. Так как его часы и часы его преемников были уже сочтены...

К полудню 30 апреля штурмовые группы нашей дивизии и целые подразделения достигли Фридрихштрассе, а оттуда проникли на Фашштрассе, куда выходили фасад имперской канцелярии и главный вход в подземное убежище Гитлера. Вот что рассказывал об этом один из пленных:

— У дверей в убежище начали один за другим раздаваться огромной силы взрывы. Фюрер от этого пришел в настоящее неистовство. Он метался из угла в угол, хватал первые попавшиеся под руку предметы и с яростью запускал ими в стену. Глаза его налились кровью,

изо рта вылетали бессвязные ругательства. Всем было ясно, что настала та пора, когда он вот-вот должен покончить с собой.

В дальнейшем, по показаниям пленных (камердинера Гитлера Линге, шофера Кемпке, техника гаража рейха Шнейдера, хирурга Брауна, врачей Штумпфеггера и Аксмана), события развивались так.

Вызвав камердинера Гейнца Линге, Гитлер приказал ему подготовить 200 литров бензина. Неожиданный приказ фюрера явно озадачил Линге. Он долго ломал голову над тем, где ему достать такую прорву бензина, притом как раз в тот момент, когда все ходы и выходы из имперской канцелярии были блокированы советскими войсками, пока к нему не пришла счастливая мысль привлечь к этому делу шофера Гитлера Кемпке.

— Двести литров? — даже присвистнул от удивления Кемпке.— Зачем это ему столько? Если вздумал удирать, то поздно спохватился. Даже вывести машину из гаража вряд ли удастся. А уж пробиться сквозь русское кольцо — пустая затея, даже для фюрера...

Но приказ есть приказ. Немного подумав, Кемпке с камердинером отправился в подземный гараж имперской канцелярии, где стояло 18 легковых автомашин, принадлежавших Гитлеру и его приближенным. Здесь вместе с техником гаража Карлом Шнейдером они стали сливать бензин из баков машин в канистры. Как ни старались, с трудом собрали лишь 180 литров.

Едва Линге вернулся назад, Гитлер хриплым болезненным голосом позвал его к себе в кабинет. Вышел он оттуда минут через 30 с бледным лицом и слезами на глазах.

— Ну что? — с тревогой спросил его Кемпке, поджидавший у выхода.

— Фюрер и его жена собираются покончить с собой, — дрожащим голосом сообщил Линге.

— Да ты что! — с ужасом воскликнул Кемпке.

— Фюрер приказал после своей смерти его труп и труп его жены сжечь, а урну с пеплом зарыть здесь, в саду имперской канцелярии, и замаскировать так, чтобы русские не смогли найти это место...

Полдень 30 апреля. Берлин в плотном черном дыму. В районе имперской канцелярии непрерывно громыхают разрывы мин и снарядов. Но в подземных апартаментах Гитлера, отделенных от поверхности зем-

ли высотой двухэтажного здания, слышны лишь глухие толчки. Гитлер, понурив голову, сидит за своим огромным письменным столом, вытянув по его поверхности тощие руки, которые трясутся, как у нервнобольного. Бледный, высохший, с серым злым лицом, он больше похож на мумию, чем на живого человека. Кроме него в приемной, обставленной роскошной мебелью, Мартин Борман, врач Аксман, Ева Браун, камердинер Гейнц Линге, шофер Эрих Кемпке, врач Штумпфеггер.

После продолжительного гробового молчания Гитлер, не вставая с кресла, попросил всех подойти к нему. Когда присутствующие приблизились, он протянул каждому для прощания свою дрожащую руку.

По окончании этой церемонии Гитлер встал и, придерживаясь за плечо Евы Браун, удалился вместе с ней в спальню, закрыв за собой дверь на замок. Всем теперь было ясно, что за этим последует. И каждый стал напряженно вслушиваться в малейший шорох, долетавший из спальни.

Из показаний Ганса Ратенхаубера, начальника личной охраны Гитлера:

— В это время территория имперской канцелярии уже простреливалась ружейным огнем русских. Я несколько раз заходил в приемную Гитлера по делам службы и уходил, так как обстановка была чрезвычайно напряженная, и я считал своим долгом обеспечить должную охрану убежища, ибо каждую минуту можно было ожидать прорыва русских на территорию имперской канцелярии.

Примерно в три-четыре часа дня, зайдя в приемную, я почувствовал сильный запах горького миндаля.

Это был запах смертоносного яда, подготовленного к применению. Таким образом, тот, кого «считал своим долгом» охранять Ратенхаубер, уже не нуждался ни в какой охране. Вскоре в спальне Гитлера сухо ударил пистолетный выстрел, заставивший всех сидевших в приемной мигом вскочить на ноги.

Охранники распахнули двери спальни, и глазам присутствующих предстала такая картина. На диване с чуть наклоненным вперед корпусом и свешенной на грудь головой застыл Гитлер с отвисшей нижней челюстью. На его плече лежало мертвенно синее лицо Евы Браун с закрытыми глазами и растрепанными во-

лосами. Перед диваном на полу валялся пистолет «вальтер» и мертвая собака Гитлера.

Обследование показало, что Гитлер и Ева Браун отравились сильно действующим ядом, причем предположительная очередность отравления была такова: сначала была отравлена собака (вероятно, для проверки силы действия яда).

После обследования Кемпке и Линге с помощью Штумпфеггера и Бормана вытащили трупы из бункера, подтащили быстро к ближайшей воронке и, сбросив их туда, вернулись обратно. Все это было сделано очень быстро, так как обстрел ни на минуту не прекращался.

Последующую работу выполняли Кемпке с Линге. Выкатив бочонки с бензином, они вылили его весь на трупы. Бросили горящую тряпку в воронку и побежали назад, оглядываясь на взметнувшееся к небу огромное пламя.

Так человеку, мечтавшему всю жизнь о мировом господстве, пришлось после смерти удовольствоваться небольшой воронкой на перепаханном взрывами дворе имперской канцелярии.

Весь этот день, 30 апреля, эфир был буквально забит радиограммами. Большинство из них адресовывалось гросс-адмиралу Карлу Деницу. Утром Борман сообщил шифрорадиограммой, что фюрер назначил Деница своим преемником.

Затем последовало несколько распоряжений начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса командующему обороной Берлина генералу Вейдлингу. Содержание всех их сводилось к одному: фюрер решительно отвергает капитуляцию немецких войск. Встретилась в них и такая фраза: «Все мероприятия, намеченные на вечер 30 апреля, приостановить». Очевидно, здесь имелся в виду разрешенный накануне Гитлером «прорыв небольшими группами».

И наконец, нами была перехвачена радиограмма, которая заинтересовала больше других. Подписавший ее Борман сообщал: «Завещание фюрера вступило в силу». Это могло означать только одно: Гитлера уже нет в живых, новой главой фашистского государства является отныне Дениц.

Однако вернемся в подземный бункер Гитлера. В 5 часов вечера в комнате покойного фюрера собрались Геббельс, Борман, Кребс и Вейдлинг. Когда все рассе-

лись, генерал Кребс встал, придвинув к себе лежавший на столе блокнот, и объявил:

— Сегодня, 30 апреля, около 15 часов 30 минут фюрер покончил самоубийством. Его труп сожжен в саду имперской канцелярии в воронке от снаряда. О самоубийстве фюрера нужно хранить строжайшее молчание. Персонально я был обязан не разглашать тайну впредь до дальнейшего развития событий. Из внешнего мира только одному маршалу Сталину было дано знать по радио о самоубийстве фюрера. Подполковник Зейферд, как командир центрального участка, уже получил приказ установить связь с местными командными инстанциями русских, с которыми договорится о времени, месте и проводах меня к русскому Главному командованию.

Русскому Главному командованию я должен доложить следующее.

О самоубийстве Гитлера, а также содержании его завещания, о создании нового правительства. Правительство создается в следующем составе: президент империи гросс-адмирал Дениц, рейхсканцлер доктор Геббельс, министр по делам партии рейхслейтер Борман, министр внутренних дел Зейсс-Инкварт, военный министр генерал-фельдмаршал Шернер.

Вопрос о капитуляции Германии пока откладывается до полного сбора правительства в Берлине.

Поскольку Деница в столице не было, все функции руководства умирающим рейхом взял на себя Геббельс. Он все еще надеялся добиться от Советского правительства и Верховного Главнокомандования согласия вести переговоры о перемирии, а не о безоговорочной капитуляции. Очень хотелось Геббельсу и сохранить тот состав нового кабинета, который был сформирован им и Борманом и в котором он надеялся играть роль первой скрипки. Однако действительность опрокинула надежды бывшего министра пропаганды. Поэтому с таким нетерпением ждал он 1 мая результатов очередного визита немецких парламентеров во главе с Кребсом к советскому командованию. Кребс вернулся с малоутешительной вестью: требование маршала Жукова — только безоговорочная капитуляция, русские ждут ответа до 18 часов.

Геббельс ушел из гитлеровского кабинета в подавленном настроении.

Из показаний личного врача Геббельса Аксмана:

— Когда Геббельс вернулся из убежища Гитлера, вид его был ужасен, он сел в кресло и прерывающимся голосом сказал: «Все потеряно... Фюрер еще вчера покончил жизнь самоубийством, русские требуют безоговорочной капитуляции. Ко мне пусть никто не входит, я должен побыть один».

Передав распоряжение Геббельса его охране, Аксман ушел к себе. Около полуночи в помещении, которое занимала семья Геббельса, раздались два выстрела. Аксман быстро вскочил и разбудил охранников. Здесь их глазам предстала страшная картина: в первой комнате валялись на полу Геббельс с Магдой, из пулевых отверстий в их висках еще сочилась кровь. Пульс у них уже не прощупывался. Заглянув в соседнюю комнату, Аксман похолодел от ужаса: все шестеро детей Геббельса были тоже мертвы. На столике стоял медицинский чемодан, валялись шприцы и несколько пустых ампул из-под яда.

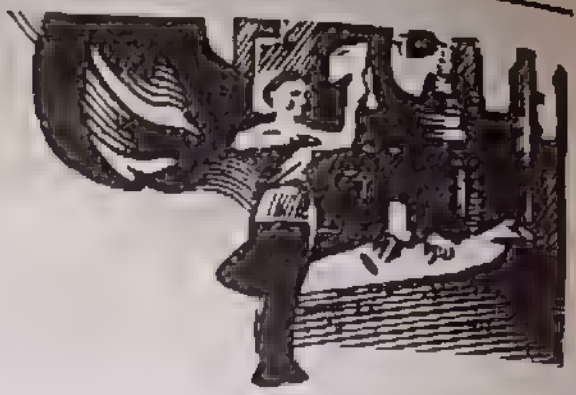
Кровавая драма, разыгравшаяся в квартире Геббельса, послужила толчком к другим многочисленным самоубийствам гитлеровских чиновников и офицеров. Трещал и рушился «третий рейх», а вместе с ним, страшась возмездия за свои преступления перед человечеством, уходили из жизни люди, чьими усилиями был некогда выпестован самый человеконенавистнический режим.

Над Берлином занималась заря новой жизни.

Только за один день, 2 мая, воинами нашей дивизии было извлечено из фюрербункера более 30 трупов высших должностных лиц «третьего рейха». Среди них начальник штаба сухопутных войск генерал Ганс Кребс, двойники Гитлера, трупы Магды Геббельс и шестерых детей.

К 15.00 2 мая весь Берлин был уже в наших руках.

Над Берлином занималась заря новой жизни. Славный Первомай 1945 года уходил в прошлое. Но только не из памяти людей. Он навсегда останется суровым предостережением тем, кто попытается навязать миру новую военную катастрофу — на этот раз самую страшную из всех, что когда-либо знало человечество. И в то же время он стал знаменем тех, кто полон решимости не допустить ядерного безумия, тех, кто борется за мирное будущее наших детей и внуков.



КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...

1

3 мая 1945 года. Хорошо помню утро первого мирного дня. Оно было необычно тихим и мягким. Странно было смотреть, что люди ходят совершенно свободно, ничего не опасаясь. Не маскируются, не прижимаются к стенам домов, не посматривают с опаской на верхние этажи в ожидании автоматной или пулеметной очереди, как это было еще вчера.

Солдаты и офицеры, встречаясь друг с другом, обнимались, целовались, ничуть не смущаясь слез, текших по их обветренным лицам.

Даже солнце в это утро словно бы в нетерпении выпрыгнуло из-за горизонта, вмиг осыпав еще тихо дымившийся город веселыми праздничными лучами.

Часов в девять мы с Антоновым последний раз поднялись на наш последний наблюдательный пункт. Солнце ярко подсвечивало алые лоскутки знамен, развевавшихся над рейхстагом, дворцом «канцлеримперии», главными правительственными зданиями. Берлин представлял собой жуткую картину. Повсюду, куда достигал взгляд,— руины, руины, руины. Светящиеся огромными дырами, засыпанные черным пеплом.

По улицам все еще тянулись понурые колонны пленных. Но гораздо больше было гражданского населения, навсегда покинувшего подвалы и подземные убежища. Многие берлинцы сразу приступили к расчистке улиц от завалов, щебня, танковых «ежей».

— А что мы будем делать сегодня? — спросил я у Антонова.

— Что делать? Во-первых, продолжать искать трупы Гитлера, Евы Браун, а также Бормана, во-вторых, очищать район имперской канцелярии от трупов и разного хлама, в-третьих, продолжать охрану имперской канцелярии, в-четвертых, надо организовать питание немцев в районе дивизии. Об этом есть специальное распоряжение Берзарина.

Утром 3 мая мы с Антоновым чуть свет уже были в расположении имперской канцелярии. Вскоре сюда же прибыли командир корпуса, а за ним и командарм Н. Э. Берзарин. Николай Эрастович ознакомил нас с порядком показа маршалу канцелярии, сквера в ее дворе, а — если у него будет время и желание — то и подземного бункера Гитлера.

К 10 часам во двор канцелярии въехали четыре поблескивавшие черным лаком легковые автомашины. Дверца первой мягко распахнулась, и мы увидели хорошо знакомое с круго выдвинутым вперед волевым подбородком лицо маршала Жукова. С того времени, когда я видел его в последний раз, Георгий Константинович заметно посвежел и даже помолодел. Сейчас он выглядел по крайней мере на десяток лет моложе своих 48 лет. Причину этого понять было нетрудно: победное окончание войны для маршала не менее желанно, чем для простого солдата. Гораздо позже я прочел в замечательной книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» о том, как он встретил конец войны.

Георгий Константинович писал, что никогда не считал себя эмоциональным человеком, но в ликующий день Победы и он почувствовал, как к его глазам подступили счастливые слезы.

Несмотря на свою коренастость, тяжеловесность, Жуков с какой-то юношеской легкостью соскочил с сиденья машины. Пожал руку Берзарину, членам Военного совета армии. Сделал несколько шагов вперед. И, остановившись, с каким-то пристальным вниманием осмотрел снизу доверху массивное здание канцелярии. Потом вместе с Берзариным и членом Военного совета генералом К. Ф. Телегиным неторопливо двинулся к ее парадному входу.

Перед широкими мраморными ступенями маршал вновь остановился и, подозвав к себе Антонова, сказал:

— Мне доложили, что всю эту громадину брала штурмом ваша дивизия. Тяжеленько пришлось?

— И тяжело и легко, товарищ маршал! — даже сквозь смуглоту щек у Антонова проступил жаркий румянец.— Ведь каждый солдат и офицер знал, что это, так сказать, последний и решительный бой!..

— Дрались вы отменно, полковник. Молодцы! —искоса взглянув на комдива, похвалил Жуков. Затем, придерживая рукой фуражку, посмотрел вверх на высеченный фасад, изрешеченный пулями и осколками.— Если мне не изменяет память, там, вверху, был бронзовый фашистский орел? - спросил он вдруг у Владимира Семеновича.

— Так точно, товарищ маршал,— быстро ответил Антонов.— Но мои бойцы сорвали его и сбросили на мусорную свалку.

— Что ж, это даже символично,— улыбнулся Жуков.— Вся фашистская Германия оказалась на свалке истории. Таков закономерный итог человеконенавистнических замыслов бесноватого фюрера.

Почти без остановки Жуков прошел по многочисленным большим и малым комнатам канцелярии по пути к кабинету Гитлера.

Все тут сохранилось так, как было при его недоброй памяти владельце, имя которого звучало проклятием на устах миллионов людей, переживших все ужасы войны, чудовищные планы которой были выношены здесь, в этом кабинете с длинным столом, обставленным по бокам двумя рядами аккуратно выровненных стульев с высокими спинками. К дальней его оконечности крестом был приставлен массивный письменный стол, на котором стоял огромный глобус, испещренный разноцветными карандашами. Жуков легонько крутнул его, задумчиво наблюдая, как медленно сменяют друг друга моря и континенты.

Этим моментом решил воспользоваться член Военного совета 5-й ударной армии генерал Ф. Е. Боков, чтобы ознакомить Георгия Константиновича с высказанным Н. Э. Берзариным и единодушно одобренным всеми предложением:

— Товарищ маршал, - несколько волнуясь, произнес он.— Мы решили, что этот глобус следует подарить вам...

— Мне? — удивленно переспросил Жуков.— А зачем он мне? Спасибо, Федор Ефимович, за предложение, но мне кажется, что этому глобусу самое достойное ме-

сто — на мусорной свалке, куда недавно выбросили фашистского орла...

Выйдя из имперской канцелярии, Георгий Константинович медленно прошелся по саду к Вильгельмштрассе, где стояла его машина. Но, подойдя к ней, остановился и еще некоторое время с прежним вниманием осматривал здание канцелярии, сад и ближайшие дома. Как видно, ему хотелось прочно запечатлеть это в своей памяти.

Он уже собрался уходить, когда к машине подошла группа немецких женщин, которые с испуганными лицами, перебивая друг друга, стали что-то говорить Жукову. Тот попросил перевести, что хотят от него эти женщины.

— Извините, товарищ маршал, но на их главный вопрос я им уже ответил,— улыбнувшись, сказал переводчик.— Они спрашивали, правда ли, что всех немцев теперь сошлют в Сибирь... Я сказал, что это провокационные слухи, распространителей которых следует тут же привлекать к ответственности.

— Так, хорошо,— одобрительно сказал Жуков. — Можешь добавить, что это фашисты сотнями тысяч увозили русских девушек и подростков на работу в Германию. Пытали, мучили и сжигали наших военнопленных в концлагерях. Но мы не фашисты и чувства мести к немецкому народу не питаем, несмотря на все те бесчисленные жертвы, которые нам пришлось понести в борьбе с фашизмом. Так что пусть живут спокойно, строят, восстанавливают разрушенное. И мы даже готовы помочь им в этом.

Так прошла наша встреча с этим выдающимся человеком, нашим национальным героем, пополнившим по праву такую блестящую плеяду русских полководцев, как Суворов, Кутузов, а если заглянуть еще дальше в отечественную историю, то вспоминаются и такие славные имена, как Дмитрий Донской, Александр Невский. Своим полководческим искусством они помогли нашему народу отстоять русскую землю от жестоких чужеземных пришельцев, вступивших на нее с огнем и мечом.

На военном параде 1941 года, когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, называя эти дорогие сердцу каждого русского человека имена, выразил на-

дежду, что они будут вдохновлять наших воинов на разгром ненавистного врага. И Великая Отечественная война выдвинула таких полководцев, которые стали достойны бессмертной славы своих великих предков.

Среди них одним из первых стоит и славное имя Георгия Константиновича Жукова, достойного сына великого русского народа.

Вот мнение маршала А. М. Василевского:

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны являлся Г. К. Жуков» [1].

Весь день кипела мирная работа. Более ста грузовых автомашин дивизии вывозили с территории имперской канцелярии побитое и покалеченное вооружение, технику.

Лучше сохранилось имущество подземного имперского гаража. Вход в него шел из тоннеля, соединявшего имперскую канцелярию с бункером Гитлера. Здесь было обнаружено 18 легковых автомашин: 4 «мерседесбенца», 9 «оппель-адмиралов», остальные — «майбахи». Все они были в хорошем состоянии.

С поисками трупа Гитлера дело было сложнее. Бойцы тщательно осмотрели все закоулки убежища, подземные ходы, воронки, но ничего не обнаружили, кроме небольших кучек пепла в воронках, в том числе и в той, где, по показаниям пленных, были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун. Не был обнаружен и труп Бормана, хотя один из трупов, вытащенный из подземного бункера Гитлера, был похож на имевшийся у нас портрет Бормана, вырезанный из немецкого журнала. Только одет был покойник в гражданский костюм.

Вечером к имперской канцелярии опять приехал комендант Берлина Н. Э. Берзарин. Его сопровождали член Военного совета армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков, командующий артиллерией армии генерал-лейтенант П. И. Косенко, адъютант командарма майор Н. Г. Тюрин и еще шесть офицеров штаба.

Моросил мелкий дождь. Поэтому Николай Эрастович был в кожаном генеральском реглане, туго обтягивавшем его мощную квадратную фигуру, остальные офицеры — кто в шинелях, кто в куртках.

---

[1] А. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1976, с. 592.

Едва машины остановились у имперской канцелярии, к ним начали сходиться немцы. Посыпались обычные в таких случаях вопросы: правда ли, что всех немцев будут угонять из Берлина в Сибирь и на Сахалин? Что они будут теперь делать, если их не угонят в Россию? Кто им даст питание, работу?

Одни вопросы вызывали у Берзарина и Бокова лишь улыбку. На другие они давали подробные и обстоятельные ответы.

Один из прибывших с командармом офицеров был мне незнаком, хотя я уже видел его 29 апреля во время штурма зданий штаба рейхсмаршала Геринга. А приезжал он тогда к нам в дивизию с группой офицеров политотдела армии.

Это был высокий стройный капитан лет 25, с продолговатым лицом и светло-русыми волосами. Он привлек мое внимание не только беглой немецкой речью, но и какой-то непринужденной манерой обращения с окружавшими его немцами.

Когда Берзарин с офицерами направился к зданию имперской канцелярии, я придержал за руку адъютанта командарма Тюрина.

— Послушай, майор, кто этот офицер? — спросил я, указывая глазами на капитана.

— А вы что, его не знаете?

— Если б знал, то не спрашивал бы... Кто он? Переводчик? Уж больно по-немецки быстро шпарит...

— Не угадали...

— Корреспондент?

— Тоже нет. Это родной сын председателя Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика капитан Красной Армии Артур Пик,— несколько торжественно сказал Тюрин, явно довольный тем, что нашелся человек, которому он может сообщить эту в самом деле неожиданную новость. Кстати сказать, неожиданной она оказалась не только для меня. Вернувшись на командный пункт дивизии, я не преминул рассказать об Артуре Пике Антонову. Владимир Семенович тоже искренне пожалел, что не узнал об этом раньше, иначе он непременно бы с ним познакомился.

— А как обстоит дело с питанием берлинцев? — спросил я комдива.— Хорошо, что они так дружно вышли на расчистку дворов и улиц, но ведь на пустой желудок много не наработаешь!

— К тому же они еще до этого неделями сидели без пищи, воды и света,— сочувственно заметил подполковник Коломейцев.

— А что, разве мы в этом виноваты? — зло усмехнулся полковник Казанцев.— Геббельс ведь обещал им чуть ли не рай небесный на земле, вот они его и получили...

— Уж не собираетесь ли вы те счеты, что имеете к фашистам, предъявить старикам, женщинам и детям? — неодобрительно взглянул на него Антонов.— Партия учит нас, что фашизм и немецкий народ — это далеко не одно и то же. И объединение этих двух понятий является политической близорукостью, непростительной для советского офицера и коммуниста. Прошу не забывать об этом, товарищ Казанцев. Хочу довести до сведения всех присутствующих, что комендант Берлина генерал-полковник Берзарин дал распоряжение о выделении ежедневно каждому жителю Берлина двухсот граммов хлеба, четырехсот граммов картофеля и тридцати граммов мяса...

— Откуда же возьмем столько? — спросил подполковник Коломейцев.

— Кое-какое продовольствие есть на берлинских складах. Но этого, по-видимому, будет мало. Придется каждому подразделению изыскивать, так сказать, и свои резервы...

— А мы их уже нашли, товарищ полковник! — вдруг выпалил заместитель по тылу полковник И. Т. Нагорных.

— И что же вы нашли, Иван Тимофеевич? — мягко спросил Антонов.

— Остатки пищи из ротных кухонь раздаем немцам — раз! Бойцы своим пайком делятся — два! Кое-что из своих запасов раздаю — три! Нами захвачен целый склад свинины. Свинина очень жирная, бойцы ее едят не слишком охотно, и никто не против, когда часть ее мы отдаем немецкому населению.

— Я считаю, Иван Тимофеевич, что вы поступаете правильно, — сказал, поднимаясь, Антонов. — Так будем делать и дальше. Михаил Иванович, — повернулся он ко мне: — Я попрошу вас поставить об этом в известность командиров частей и заодно разъяснить им суть этого мероприятия...

4 мая дивизия продолжала располагаться в райо-

не имперской канцелярии, выполняя функции ее охраны. Специально выделенные группы не прекращали поиски останков еще не опознанных фашистских главарей.

В полдень командование дивизии с командирами полков и приданных частей выехало к рейхстагу. Это здание было мрачным и олицетворением поверженного фашистского режима, и нам давно уже не терпелось взглянуть на него.

Исковерканное бомбами и снарядами, почерневшее от гари и копоти, с изуродованными фигурами бывших правителей Германии на фасаде здание рейхстага представляло собой унылое и безотрадное зрелище.

Стены, колонны, двери, даже полы были вкривь и вкось испещрены подписями. Писали чем попало, что могло оставлять более или менее заметный след на прокопченной поверхности этого ненавистного здания. Вот некоторые из этих подписей, выписанные мной в блокнот: «Мы пришли! Воины Страны Советов»; «Мечтали добить зверя в его берлоге и добили!» Были среди них такие, что, несомненно, принадлежали воинам нашей дивизии, их я узнавал по называемым ими местам: «От Моздока дошел до Берлина»; «С Терека пришел в Берлин» и другие. Одна из надписей запомнилась больше других, звучит она достаточно современно и в наши дни: «Мы пришли с мечом в Берлин, чтобы навсегда отучить немцев от меча».

Наше внимание привлекла стоявшая неподалеку группа солдат. Немолодой уже, лет за 40, сержант под смех товарищей закатывал рукава гимнастерки на правой руке, в пальцах которой был зажат огромный кусок угля. Шрамы, пересекающие его щеку, говорили о том, что путь его к Берлину «был нелегок и непрост», как поется во фронтовой песенке.

Когда мы к ним подошли, бойцы стали по команде «смирно» и отдали честь. Один из них при этом толкнул локтем стоявшего к нам спиной сержанта. Тот резко повернулся, сделал шаг в сторону и тоже отдал честь.

— Что, подписываете акт о капитуляции, товарищи бойцы? — тепло улыбнулся Антонов.

— Так точно, товарищ полковник! — гаркнуло в ответ сразу несколько голосов. — Надобно и свою метку оставить. А то кабы не подзабыл кое-кто, что мы бывали...

ли туга. Жаль, что ихний дуроватый Адька-фюлер со своей ледащей Евкой Брауншей поторопился на тот свет, а то бы мы, прежде чем его туда спровадить, эту метку на его окаянном темени поставили...

— Стопло бы поставить, — весело поддержал их Антонов.

— Товарищ полковник, а вы бы нас уважили, а? Черкнули бы заодно и свою подпись? — протягивая уголь Антонову, попросил сержант.

— С большим удовольствием. Только после вас. Пишите вы, а уж потом и мы распишемся, если место останется...

Сержант заколебался.

— Пишите, пишите, товарищ сержант! — подбодрил его Антонов. — Субординации здесь ни к чему. Кто первый ворвался в рейхстаг? Полковник или сержант с бойцами? Конечно, сержант с бойцами. Кто водрузил вон то знамя на куполе? Опять же сержант с бойцами. Значит, и подписываться вам первыми...

Сержант еще секунды помедлил, а потом, решившись, размашисто написал: «И я дошел! Слава Родине! Семен Черенков — волжанин».

— А вы еще и мой земляк, оказывается. Как тут не расписаться, — заметил Антонов, ставя рядом свою подпись.

— С Волги, товарищ полковник? — с радостным удивлением воскликнул Черенков. — Да наш брат-волгарь тут кругом свою руку приложил. Вон, смотрите! — он указал на одну из простенков, где четко белела надпись: «Мы волгари из Саратова и Костромы».

Перед отъездом фотограф нашей дивизионной газеты сделал несколько снимков, где запечатлел всю нашу группу на фоне поверженного рейхстага.

5 мая, к исходу дня, на основании директивы командующего 5-й ударной армией дивизия передала охрану участка имперской канцелярии 1371-му стрелковому полку 416-й стрелковой дивизии и ночью переместилась в район Трептов-парка.

Утро 6 мая выдалось ясным, солнечным. Мы с комдивом и еще несколькими офицерами вышли на большую поляну в центре парка. Блаженно щурились на поблескивавшее в верхушках деревьев солнце. Воздух полностью очистился от пороховой гари и отдавал теперь холодком лесной свежести.

Однако наслаждаться этим мирным весенним утром пришлось недолго. Антонова вызвал к телефону командир корпуса генерал-лейтенант И. П. Рослый.

— Владимир Семенович, как, по-вашему, Гитлер с Евой Браун действительно покончили с собой? — задал он несколько неожиданный вопрос.

— Вне всякого сомнения, товарищ генерал. Об этом говорит проведенное нами расследование. Я уже докладывал вам о его результатах...

— Все это так... — Рослый немного помолчал, словно бы подыскивая нужные слова. — Но понимаешь, в чем дело. На Западе ходят слухи, что Гитлер с Евой Браун каким-то потайным подземным ходом выбрались из убежища, поднялись с Унтер-ден-Линден на спортивном самолете и скрылись в западном направлении...

— Это все сказки, товарищ генерал. Никакого подземного хода нами не обнаружено. А вот воронка, где сожжены их трупы, была...

— Я вам полностью доверяю. Но в Ставке Верховного Главнокомандования обеспокоены этими слухами. Сделан соответствующий запрос командованию союзных войск. Потому — чем черт не шутит! Надо еще раз тщательно обследовать все ходы и выходы из убежища с целью выяснения, была ли у Гитлера возможность выбраться оттуда 29 и 30 апреля. После этого доложить мне.

Прежде чем приступить к поискам, мы еще раз мысленно перебрали в памяти участок имперской канцелярии. Он уже не раз был обследован бойцами вдоль и поперек. В подземном ходе, соединявшем имперский дворец с катакомбой Гитлера, осмотрен и ощупан каждый метр, разведаны и другие подземные ходы. Небольшое сомнение возникло у нас лишь в отношении туннеля метрополитена, одна из станций которого находилась на Саарланденшграссе, где располагался 3-й батальон 1050-го полка майора И. З. Михайлова.

Вызвав Гумерова, Антонов поручил ему вместе с Михайловым лично обшарить туннель. А комендант участка полковник Шевцов поехал организовать обследование всех подземных ходов и выходов из убежища.

К полудню эта работа была закончена, и мы с Антоновым вновь собрали командиров частей. Первым доложил полковник Шевцов.

— Все подземные ходы из катакомбы еще раз про-

верены лучшими нашими разведчиками. Никакого выхода на Унтер-ден-Линден не обнаружено.

— А как обстоит дело с туннелем метрополитена? По нему Ева с Гитлером не могли удрать? — повернулся Антонов к Гумерову.

— Ни в коем случае, товарищ комдив, — ответил тот. — По туннелю 29 и 30 апреля можно было выйти только в боевые порядки 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. И никуда больше.

— Никуда больше... — в задумчивости повторил Антонов, проведя ладонями по своим аккуратно зачесанным назад черным волосам.

— Да, товарищ полковник. Причем воронка, в которой засыпаны сожженные трупы Гитлера и Евы, нами еще второго мая была обнаружена, охранялась и указана при сдаче участка.

— Товарищ полковник, разрешите мне сказать! — поднимаясь, попросил командир 1052-го полка Пешков.

— Пожалуйста, Александр Иванович! — вскинул на него свои внимательные черные глаза Антонов.

— Может, я чего недопонимаю, но вся эта затея с поисками воронки кажется мне пустой. У нас более чем достаточно данных о самоубийстве Гитлера и его милой женушки, язви их в печенку. И даже зачем нам эта воронка? Монумент этому людоеду ведь никто ставить не собирается! — хрипловато засмеялся полковник.

— Дело не в монументе, — не принял его шутливого тона Владимир Семенович. — Нам нужны точные факты, чтобы пресечь сейчас и в будущем появление всяких небылиц о чудесном спасении фюрера. Нам-то с вами хорошо известно, что 30 апреля через кольцо окружения, простреливаемое насквозь не только пулеметами, но и артиллерией, даже какому-нибудь оборотню и то ни за что не удалось бы проскочить, а тем более такому полуживому неврастенику, как Гитлер. Ведь, как говорили Вейдлинг, Кребс, Зейферд, Гитлер в последнее время уже не мог ходить без помощи посторонних... Но кто об этом знает? Мы с вами да еще сравнительно небольшое число людей... Потому и нужны точные факты, Александр Иванович.

О результатах поиска Антонов доложил командиру корпуса Герою Советского Союза генерал-лейтенанту И. П. Рослому. А 7 мая комкор сам прибыл к нам для

проведения смотра частям дивизии. Смотр закончился парадным прохождением воинов на одной из больших поляи Трептов-парка. Иван Павлович остался доволен выправкой солдат, их заботливо ухоженным оружием.

Впервые смотр проводился в такой спокойной, мирной обстановке. Красные флаги, все еще развевавшиеся над имперской канцелярией, «фюрербункером», как бы возвещали о том, что долгожданный мир, к которому мы шли четыре долгих года войны, наступил окончательно и всерьез.

2

День 8 мая начался для нас, как и предыдущие мирные дни, ожиданием какого-то необыкновенного события. Хотя события и так следовали одно необыкновеннее другого: наши войска вышли на Эльбу; успешно бьют врага соединения 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов в Чехословакии и Австрии, дело идет там к окончательному разгрому гитлеровской армии.

И все-таки мы не ошиблись в своих ожиданиях чего-то сверхнеобыкновенного: из штаба корпуса сообщили, что сегодня вечером должно произойти подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Все машины, направлявшиеся в Карлсхорст, где должна была проходить эта историческая процедура, следовали через Ораниенплац. Туда к полудню и подъехали мы с Антоновым. Вскоре к нам присоединились командир корпуса Иван Павлович Рослый, его заместитель Василий Трифонович Помпиов, начальник штаба Емельян Иванович Шикин и еще несколько штабных офицеров.

Ждать пришлось недолго. В небе появились самолеты с опознавательными знаками союзных войск — они разворачивались и делали круг для посадки на Темпельховский аэродром.

Автомобильная дорога на Карлсхорст протянулась между ровными серыми кубиками пятиэтажных домов. Еще недавно подходящие к ней улицы носили крикливые имена фашистских главарей «Герман-Геринг-штрассе», «Роберт-Лейштрассе», «Каттбуссерштрассе»... Теперь от многих из них остались только кучи битого кирпича и щебня. Уцелевшие дома зияли выби-

тыми окнами и разными дырами от снарядов, иногда на протяжении нескольких кварталов не было видно ни одного неразрушенного дома.

На дороге появилась вереница легковых автомашин разных марок с флажками союзных государств на капотах.

Начальник оперативного отдела корпуса полковник Сергей Сергеевич Прага, взяв себе в подмогу нескольких переводчиков, громко объявлял фамилии проезжающих и их чины.

Прошли машины начальника штаба 1-го Белорусского фронта генерала армии В. Д. Соколовского, коменданта Берлина, нашего командарма, Н. Э. Берзарина, представителя командования экспедиционных сил союзников главного маршала авиации Артура Теддера...

К концу дня стало известно, что от союзных войск в Карлсхорст прибыли кроме А. Теддера также командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи. Советское Верховное Главнокомандование представляет Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. На подписание акта о капитуляции в Карлсхорст будут доставлены представители разгромленных германских вооруженных сил.

На ужин я был приглашен к Антонову. Стол поистине царский: чего там только не было, начиная от салата из свежих огурцов и кончая русским квасом. А ординарец комдива с поваром подносили все новые блюда. Настроение у всех приподнятое. Под стать ему и аппетит. Перекидываясь обычными в таких случаях шутками, мы с веселой жадностью налегли на еду.

После ужина, когда мы остались с Антоновым вдвоем, он подошел ко мне вплотную, положил руку на плечо и, глядя прямо в глаза, заговорщически проговорил:

— Смерть как хочется взглянуть хотя бы одним глазком на эту процедуру... Что бы нам придумать, Михаил, чтоб попасть туда?

— Не разрешат, — неуверенно пожал я плечами.

— А ты позвони генералу Шикину. А вдруг? Чем черт не шутит?

Однако мой звонок лишил Антонова последней надежды. Никому из командиров соединений присутствовать на церемонии подписания акта капитуляции не разрешили. Посоветовавшись с Владимиром Семенови-

чем, мы решили все же послать в Карлсхорст своих «представителей»: заместителя редактора дивизионной газеты «Сталинец» капитана М. В. Шерстобитова, инструктора политотдела дивизии капитана И. Е. Лопатина и офицера штаба майора Ф. А. Яровой.

Потянулись минуты и часы в нетерпеливом ожидании. Никто и не думал о сне в эту ночь. Часа в три наши посланцы наконец вернулись. Я сразу отвел их к Антонову. Тот сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. Но, увидев вошедших, сразу отложил ручку в сторону.

— Прибыли? — весело спросил комдив.

— Так точно!

— Ну, ну... Рассказывайте быстрее.

— Даже не знаю с чего начать... — откашлявшись, смущенно произнес майор Яровой. — В общем, подписание акта проходило в столовой военно-инженерного училища, того самого, что брал штурмом наш 1050-й полк. А теперь его «штурмуют» корреспонденты и фоторепортеры, — улыбнулся майор. — Их там тоже не меньше полка. А машин, машин — тьма! Никогда столько не видел...

— Что ты мне все о машинах да о репортерах, — нетерпеливо уставился на него черными круглыми глазами Антонов. — Ты мне расскажи, как акт подписывали...

— Так, товарищ полковник, — обескураженно сдвинул фуражку на лоб Яровой. — Как вам сказать... Туда-то нас и не пустили...

— Вот тебе и снова здорово! — с притворным возмущением обернулся ко мне Антонов. — Мы сидим тут, уши навострили, а они, оказывается, даже не были там...

— Но мы все узнали, товарищ полковник, — покраснев, сказал Яровой. — Нам товарищи из политуправления армии все рассказали...

— Я шучу, майор, — подбодрил Антонов растерявшегося Ярового.— На то, что вам удастся туда попасть, мы, конечно, и не рассчитывали. Выкладывайте, что вам там удалось разузнать...

Беседа затянулась до самого утра. Когда уже стало светать, за окнами вдруг раздались ликующие крики, топот ног, многоголосый людской гул. Я удивленно взглянул на часы: стрелки показывали шесть утра. Мы

выскочили на крыльцо: подходившая к дому большая парковая поляна была буквально запружена народом. Бойцы, радостно крича, бросали вверх шапки, потрясали поднятым оружием.

— Ура! Конец войне! Ура!

— Дождались, братцы! Победа! Ура!

Я бросился на дивизионную телефонную станцию.

— В чем дело? Что случилось?

— Конец войне, товарищ полковник! — восторженно объявил начальник связи дивизии майор Николай Дмитриевич Григорьев.

Звоню начальнику штаба корпуса генералу Шикину.

— Все верно, Михаил Иванович! — подтвердил он.— Конец войне! Сегодняшний день, девятого мая, объявлен днем всенародного торжества.

— То, что это торжество, ясно и так, без объявления, — весело пошутил я. — У нас здесь так кричат, что невозможно по телефону разговаривать...

Я поспешил с радостной вестью к Антонову. Но тот уже затерялся среди окруживших его счастливых бойцов. Никогда еще мне не приходилось видеть такого искреннего и всеобщего ликования огромной массы людей. Крепкие рукопожатия, крепкие мужские объятия — до хруста в костях, поцелуи, смех, песни, краски — все это слилось в один восторженный шумный гомон, мощными волнами прокатывавшийся по Трептов-парку.

Начался митинг. Многие ораторы не могли удержать слез. И впервые за всю войну не стыдились и не прятали их. Незабываемый, счастливый день!

Вечером все сгрудились у радиоприемников. Затаив дыхание вслушивались в спокойный голос Левитана, передававшего Приказ Верховного Главнокомандующего Сталина:

«...Товарищи красноармейцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, — тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий!

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Слово «Победа» в эти дни не сходило с уст бойцов и командиров. Куда бы кто ни шел, везде звучало это волшебное пьянящее слово: «Победа! Победа! Победа!»

Переполняющие их чувства воины выражали в письмах, приходивших в редакцию дивизионной газеты. Помню, однажды ее редактор Модест Васильевич Шерстобитов принес мне целую кипу таких писем.

— Прямо не знаю, что делать, — весело пожаловался он. — Ведь если их все публиковать, ста газет не хватит.

— Все, конечно, не нужно, — заметил я. — Но выдержки из писем можно дать. Только надо взять самые интересные. Есть такие?

— Сколько угодно, товарищ полковник! Даже стихотворение одно есть, посвящено нашей дивизии...

— Стихотворение? А кто автор? — заинтересовался я.

— Автор, так сказать, коллективный — бойцы первого батальона тысяча пятидесятого полка...

Модест Васильевич протянул мне мелко исписанный листок. «От Кубани до Берлина» — бросился в глаза выписанный покрупнее заголовок. Под ним шли четверостишия:

Под дождями и колючим ветром
В самый зной, суровую пургу
Тысячи прошли мы километров,
Нанося удары по врагу...

— Ну что ж, — дочитав стих до конца, сказал я Модесту Васильевичу. — С поэтической стороны тут, возможно, не все красиво, но зато со стороны фактической и политической все очень верно. Слушай, а что если сочинить к нему музыку? Строевой марш дивизии! Здорово, а?

— Музыку? А кто же за это возьмется? — засомневался Шерстобитов.

— Ну, это не проблема! — улыбнулся я. — Есть в музыкальном взводе старшина Коля Клевцов. Он не только марш, целую симфонию сочинит, если нужно...

У Владимира Семеновича мое предложение вызвало настоящий восторг. Он посоветовал подключить к этому делу инструктора политотдела дивизии Франса Марковича Вилинского, который был известен у нас как

большой любитель музыки, обладавший к тому же красивым голосом.

Так у дивизии появился свой марш. Дня через три его разучил духовой оркестр. И с тех пор ни одно мало-мальски важное событие не обходилось без бравурного звучания этого марша.

Надо сказать, что День Победы расшевелил поэтическое чувство у многих солдат и офицеров. В моей фронтовой тетради выписаны стихи безвестных авторов о нашем комдиве Антонове, комсорге Салиджане Алимове.

А те, кто за стихи браться все-таки не решался, писали репортажи, очерки, зарисовки. Так что кому праздник, а редактору дивизионки Шерстобитову дел было хоть отбавляй.

Через некоторое время большой группе воинов нашей дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне пришлось присутствовать на митинге (они шли всюду в тех частях, где служили герои), посвященном вручению высокой награды командиру полка Николаю Николаевичу Радаеву.

Я зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР, поздравление от командования дивизии. Выступили с приветствием несколько офицеров и солдат полка. Затем слово взял сам награжденный.

— Товарищи! — заметно волнуясь, сказал он. — Это моя самая высокая награда, но это также и ваша награда! Ваша солдатская помощь и поддержка помогли мне, простому парню с Волги, вырасти до командира полка. С вами я освобождал Кавказ, Донбасс, Южную Украину, Молдавию, Польшу. С вами прорывал оборону немцев с Кюстринского плацдарма, форсировал Шпрее, штурмовал правительственные здания в Берлине... Спасибо вам, дорогие боевые соратники, за ваш доблестный ратный труд, за преданность нашей великой Родине!

3

24 июня мы вновь с большим волнением собрались у радиоприемников: шла прямая трансляция Парада Победы, шедшего на Красной площади в Москве.

Мы гордились тем, что принимал парад командующий нашим 1-м Белорусским фронтом, один из прославленных полководцев Великой Отечественной войны маршал Георгий Константинович Жуков.

Гордились мы и тем, что один из сводных полков на параде вел командир нашего 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Павлович Рослый.

Однако к праздничному настроению примешивалось и чувство горечи: на параде мог быть и наш командарм Николай Эрастович Берзарин. Но трагический случай оборвал его жизнь через несколько дней после Победы.

В сентябре я был свидетелем еще одного парада — союзных войск, состоявшегося на главной аллее Тиргартен-парка — Шарлоттенбургштрассе. В нем участвовали советские, английские, французские и американские войска.

Принимал парад Главнокомандующий группой Советских оккупационных войск маршал Г. К. Жуков.

Места на трибунах офицеры союзных армий заняли каждый по своему усмотрению, кроме главной трибуны, где разместились командующие армиями, члены Военных советов, а также высокие чины войск союзников.

Посмотреть на парад пришло и очень много берлинцев. Они заполнили не только весь парк, но и прилегающие к нему улицы.

Мы с Владимиром Семеновичем заняли места на восточной стороне трибуны, откуда должны были выходить войска на парад. Слева от нас стояли несколько офицеров нашего корпуса, справа — трое английских офицеров, среди них — одна женщина в чине майора. Ее спутники — как, впрочем, и многие из офицеров-союзников — были с фотоаппаратами, которые они то и дело наводили на центральную трибуну, щелкая затворами. Женщина-майор, по-видимому, была корреспонденткой, так как, болтая и кокетничая, она все время что-то записывала в свой блокнот. Иногда она, обращая любопытные взгляды и в нашу сторону, бросала, как бы между прочим, ломаные русские фразы. Чувствовалось, что ей не терпится завязать с нами разговор. Однако мы оставались невозмутимыми. Наконец англичанка не выдержала и сама обратилась к нам:

— Господа офицеры, как вы предполагаете, интэр'есным будет парад?

— Посмотрим. Наверно, интересным, — уклончиво ответил Антонов.

— О, уэл! — не унималась англичанка. — А какая арми будет самой лютш... красивая?

— Мы употребили все свои усилия, чтобы вам понравиться, мисс, — с улыбкой вступил я в разговор.

Раздавшиеся торжественные звуки фанфар, громкие слова команд прервали нашу беседу.

Первым показался сводный полк Красной Армии. Рослые, обветренные в боях ребята твердо чеканили шаг, взяв на руку карабины с холодно поблескивавшими ножевыми штыками. На трибунах вспыхнули аплодисменты. Зааплодировали и сгрудившиеся в парке немцы.

— Ну как? Ол райт? обернулся я к англичанке.

— О, вэри гуд, вэри гуд! — согласно закивала она головой, вновь помечая что-то в блокнотике.

А войска шли и шли: французские какой-то танцующей походкой; английские — в белых гетрах и белых перчатках; американские, строевой шаг которых был свободнее и расслабленнее, чем у других. В составе американских подразделений было немало тех, кто дрался в Африке, форсировал Ла-Манш.

После прохождения четких «коробок» пехоты в параде произошла небольшая пауза. Затем с востока к трибуне двинулись бронетанковые подразделения английской армии. Впереди средние танки, за ними — легкие, замыкали колонну несколько бронемашин.

На повышенной скорости прошли американские танки, и снова наступила пауза.

Но вот в воздухе раздался нарастающий мощный рев моторов. Из Бранденбургских ворот стали медленно выползать темно-зеленые стальные громадины ИС, за ними, строго соблюдая дистанцию, двигались наши легендарные «тридцатьчетверки». Лязгающая, грохочущая армада растянулась на всю длину Шарлоттенбургштрассе.

Над передним танком генерал-майора Абрамова, который вел колонну, плескалось алыми волнами боевое Красное знамя с прикрепленными к нему орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова.

На трибунах стало твориться нечто невообразимое. Восторженные крики, рукоплескания. Те, кто был сзади,

лезли на плечи стоящим впереди, чтобы лучше рассмотреть проходящие танки. Другие поднимали на вытянутых руках фотоаппараты. Третьи пожимали руки советским офицерам, дружески похлопывали их по плечам.

— Ну, как? — наклонившись почти к уху, вновь спросил я нашу англичанку.

Возбужденно блестя глазами, с красными пятнами на щеках, она быстро стала лопотать что-то по-английски, показывая свой исписанный блокнот. Потом, встретившись с моим непонимающим взглядом, спохватилась и крикнула, перекрывая шум моторов:

— Рэд армн — очень корошо! Вэри гуд!

«Да, конечно, для них это вэри гуд. Красная Армия, пройдя тяжкий боевой путь длиной в четыре долгих года войны, не только не ослабла, не обескровилась, но еще больше окрепла, возмужала, и нет в мире армии, которая может сравниться с ней по технической мощи, выносливости, воинскому мастерству, крепости солдатского духа. Пусть об этом задумается тот, кто в будущем вознамерится обнажить меч против нашей священной Родины. На протяжении истории много иноземных завоевателей тянулось к ней жадными руками, но все они с позором были изгнаны прочь. А она как стояла, так и будет стоять в веках — сильной, процветающей и несокрушимой!»

СРАЖЕНИЕ БЕЗ ОРУЖИЯ

Озеро, голубеющее на южной окраине Потсдама — пригорода Берлина, называется Юнгфернзее. В июле сорок пятого года мне столь часто доводилось бывать на его берегах, что весь этот район стал для меня как бы

своим. И я ориентировался здесь столь же уверенно, как, скажем, москвич в Сокольниках или Марьиной роще или саратовец в саду «Липки».

Кстати сказать, проехать по Потсдаму было для нас с Антоновым в то время большим удовольствием. Этот пригород подвергся разрушению гораздо меньше, чем сам Берлин. Все эти пышные, с величественной архитектурой дворцы Фридриха Великого и многих других неизвестных нам немецких баронов, их отпрысков и любовниц стояли целехонькие, будто были заговорены от бомб. Только все стекла повышибало воздушной волной, и громадные стрельчатые окна зияли темными дырами.

Приятным сюрпризом стала для нас и так называемая «русская деревня» — десятка два перевезенных сюда в незапамятные времена по чьей-то прихоти рубленых пятистенных изб, остро напоминавших мне здесь, на далекой чужбине, мою далекую сибирскую юность. Родное село с его двумя порядками таких же изб, сложенных из почерневших от времени бревен лиственницы.

Однако влекли нас сюда, конечно, не только красоты этого живописного пригорода немецкой столицы. На южном берегу озера Юнгфернзее дислоцировался наш 1050-й стрелковый полк П. П. Гумерова. И тут ни на минуту не прекращалась обычная армейская жизнь. В лесах, к югу от Потсдама, у озера и в самом Потсдаме шли занятия по боевой подготовке. Повсюду стояли посты: с одной стороны нашей дивизии, с другой — соседней 248-й, а с запада — американцев.

Машину комдива постовые нашего полка узнавали сразу, можно сказать, даже по звуку мотора. А когда различали сквозь ветровое стекло смуглое лицо Владимира Семеновича, с озабоченно сведенными к переносице черными бровями, молодцевато брали под козырек, указывая левой рукой, что путь свободен...

С утра 14 июля я был в полку Пешкова и вернулся в штаб только к полудню. Не успел я войти в кабинет, как в приемную влетел запыхавшийся посыльный и доложил, что меня срочно вызывает командир дивизии.

КП дивизии размещался в местечке Марцендорф, к югу от Берлина. Штаб со всеми отделениями и многочисленными службами занимал трехэтажный мрачноватого вида замок. А штабные офицеры квартировали поблизости у местных жителей.

Антонову же достался совершенно пустой дом, брошенный своими хозяевами. Все хозяйственные домашние дела вел адъютант комдива лейтенант Иосиф Каретников. Кстати сказать, лучший нападающий сборной футбольной команды дивизии. Однако встретил меня сам комдив.

После обмена энергичным рукопожатием Владимир Семенович усадил меня в уютное кожаное кресло, а сам, извинившись, скрылся в соседней комнате. Судя по всему, разговор предстоял очень важный, может даже секретный. Так бывало всегда, когда Антонов перед моим приходом отсылал из кабинета всю свою «свиту»: адъютанта, ординарца и других штабных офицеров.

Наконец дверь отворилась, и вошел Владимир Семенович со свернутой в трубку картой в руке. Опустившись в кресло, стоявшее напротив меня, он с минуту помолчал, будто собираясь с мыслями и как-то загадочно посматривая на меня своими черными цыганскими глазами. Затем спросил деланно равнодушным тоном:

— Новостей никаких нет?

— А какие могут быть новости после конца войны, — подстраиваясь под его тон, так же равнодушно ответил я. — У всех чувство радостное настроение. Красноармейцы ждут не дождутся демобилизации.

— Да, война, конечно, всем осточертела... — задумчиво протянул Антонов. — Я бы сам сейчас, если б отпустили, пешком ушел к себе на Волгу... Но нам это еще рано делать, надо развязать кое-какие узелки, оставленные войной. Ты знаешь, что в Потсдаме намечается проведение конференции глав правительств антигитлеровской коалиции?..

— Вот с этого и надо было начинать, — сразу оживился я. — Любишь ты оттягивать самое главное напоследок. И каких же стран конкретно?

— Америки, Англии и СССР.

— Значит, такие же, как в Ялте?

— Да, но вопросы будут, очевидно, решаться несколько иного рода, о послевоенном устройстве. К тому же Соединенные Штаты вместо недавно скончавшегося президента Рузвельта будет представлять новый президент Трумэн.

— Трумэн — это, конечно, далеко не Рузвельт, — задумчиво протянул я. — Впрочем, поживем — увидим. Одно мне неясно: для чего ты вызвал меня, да

еще в таком спешном порядке? Я думаю, за стол переговоров нас с тобой вряд ли пригласят...

— Я тоже думаю, что во дворец Фридриха Великого нас могут не пригласить, — улыбнулся в ответ на мою шутку Антонов. — Но задача, которую возложил на нас командарм и командир Рослый, тоже весьма ответственна: нам поручена охрана Потсдама с юга, то есть со стороны расположения полка Гумерова...

— Но у нас и так стоят там посты. Что же теперь изменится?

— Прежде всего сам настрой у часовых должен измениться. Ведь чем они до сего времени занимались? Задерживали американских «коробейников», пытавшихся пронести на нашу территорию ручные часы для продажи. А теперь они должны обеспечить безопасность «большой тройки», то есть глав правительств великих держав. Чуешь разницу? Надо поставить заслоны таким образом, чтобы даже мышь не смогла проскочить в Потсдам! И сделать это надо сегодня, чтобы уже завтра перекрыть все входы и выходы в Потсдам с южной стороны. Ясно? Ну вот и добре. Даю тебе часок на размышление. Обдумай все как следует. Потом доложишь мне и отправишься к Гумерову организовывать все на месте...

Перебрав в уме всех гумеровских офицеров, я быстро набросал список тех, кому можно было бы поручить охранение. Одновременно у меня возникла еще одна сразу захватившая меня мысль: хорошо бы послать на конференцию кого-нибудь из наших, чтобы получить информацию, так сказать, из первых рук. Этой своей задумкой я и поделился с Антоновым после того, как подробно ознакомил его с планом охраны отведенного участка, которую я решил поручить батальонам майора Шаповалова и майора Михайлова — одним из лучших комбатов дивизии.

— Вообще-то, ты прав, Михаил Иванович, — выслушав меня, согласился Антонов. — А то ведь может получиться так, что мы будем все видеть, но ничего не знать. Кого же ты предлагаешь послать?

— Я бы рекомендовал секретаря редакции нашей дивизионки Марка Лисовецкого. Журналист он хваткий, с хорошим нюхом... Этот все разузнает.

— Да, но кто его туда пропустит? Ты подумал об этом? — засомневался было Владимир Семенович.

— Такое, конечно, возможно. Но даже если ему не удастся пробиться в Бабельсберг, он, с его способностями, может легко войти в контакт со своими коллегами из армейских газет, а если повезет — то и с московскими журналистами. И тогда-то мы уж точно будем все время в курсе происходящих событий...

— Ну, хорошо, уговорил. — Антонов встал из-за стола, одернул китель и озабоченно добавил: — Но прежде всего займись охранением. Езжай сейчас к Гумерову, а к вечеру и я подъеду, посмотрю все сам.

Пополудни я приехал на командный пункт Гумерова, который размещался в домике лесника. Во дворе у сарайчика работал фуганком хозяин — пожилой немец болезненного вида. Тут же хлопотала по хозяйству его дочь — бойкая, говорливая девица лет 17, вокруг которой увивался франтоватый адъютант Гумерова лейтенант Козлов. Как видно, внимание молодого офицера было приятно девушке, и она то и дело прыскала коротким звонким смешком от его комплиментов, состоящих из какой-то невообразимой мешанины русских и немецких слов. Хотя слова в данном случае имели мало значения. И те нежные взгляды, которыми изредка обменивались молодые люди, были, конечно, намного красноречивее всяких слов.

Мой предстоящий разговор с Исхаком Идрисовичем Гумеровым осложнялся тем, что я пока не мог ему открыть истинную причину установления усиленной охраны на участке его полка. Потому, как я и предвидел, запланированные мной мероприятия не вызвали у него ничего, кроме удивления.

— Сплошное заграждение на всем участке парка перед Потсдамом? — недоверчиво переспросил он. К чему все это? Вы ведь знаете, что за целый месяц, пока полк находится здесь, мы еще ни одного по-настоящему подозрительного лица не задержали. Все это были старики, инвалиды да женщины. Ну и еще всякая мелкая сошка, вроде американских солдат-спекулянтов. И то они пытаются проскользнуть на своих «виллисах» по главной штрассе, а не со стороны парка.

— Исхак Идрисович, таков приказ командующего Берлинским гарнизоном! — как можно мягче, но категорично сказал я. — Приказ есть приказ, и мы должны его выполнять. Сегодня к вечеру я должен доложить комдиву, что все готово...

Гумеров испытующе посмотрел на меня, будто хотел мысленно угадать, что скрывается за моими словами. Потом вздохнул, поняв, что большего от меня не добиться, и сказал деловым тоном:

— Ну что ж, раз надо, значит, будем делать...

— Вот это другой разговор! — с облегчением сказал я. — Давай карту Берлина: посмотрим, сколько на твоем участке дорог и окольных путей, чтобы определить, где поставить дополнительные посты...

После того как все места постов и застав были окончательно определены, мы с Гумеровым проехали по участкам, поставив задачу командирам батальонов Шаповалову и Михайлову.

Вернулся я на свой командный пункт уже за полночь. Однако Антонов не спал, поджидал меня. После моего доклада он, потянувшись всем телом, сказал:

— Страсть как хочется посмотреть всю эту «большую тройку»: Черчилля, Трумэна... Да и Сталина я видел только издалека.

— Попробуем, Владимир Семенович! Сделать это, конечно, будет трудно. Но ведь на то и существует солдатская находчивость...

Однако последующие двое суток не принесли нам ничего нового. Все было засекречено так, будто никакой конференции в Потсдаме и не предполагалось. Приезжавшие к нам товарищи из политотдела корпуса разговора на эту тему старались не затевать. Да видно, они и сами ничего толком не знали.

Утром 17 июля ко мне неожиданно вбежал инструктор политотдела дивизии капитан Лопатин:

— Был там! — ликующим тоном прямо с порога возгласил он.

— Где был, в Потсдаме? — недоверчиво спросил я.

— Именно в Потсдаме, и все разузнал! — сияя, как начищенный самовар, подтвердил он.

— Тогда пошли к Антонову. Он приказал всех, кто хоть что-нибудь разведает о конференции, доставлять прямо к нему!

Я подхватил его под руку, и мы чуть ли не бегом кинулись к Антонову.

— Ну что там, рассказывай! — закидал его вопросами Владимир Семенович, как только узнал, где был Лопатин.— Черчилль и Трумэн там? А Сталин приехал?

— Все уже там, товарищ комдив. Черчилль и Тру-

мэн уже двое суток как в Потсдаме. А Сталин будто бы приехал только сегодня ночью, поездом.

— И что же, ему не организовали никакой торжественной встречи? — недоверчиво спросил Антонов.

— Сталин есть Сталин, — заметил майор Курчевский. — Вы же знаете, что он не любит никаких встреч...

— Ну почему же не встречали,— вступил в разговор подполковник Коломейцев.— Генерал Шикин сказал, что Верховного Главнокомандующего встретил маршал Жуков. А затем они поездом проследовали в Потсдам...

— Ну а Черчилля с Трумэном вы видели? — спросил я Лопатина.

— Нет, товарищ полковник. Правда, ребята из армейской газеты говорили, что оба они в Цецилиенхофе. А где точно, никто не знает. Там такая охрана, что не пробьешься...

Мы уже хотели было расходиться, как в кабинет Антонова вошел капитан Франс Вилинский и сообщил, что он только что из Берлина, где видел Черчилля.

— Ну и как он? — с любопытством спросил Антонов.

— Осмотрел рейхстаг, имперскую канцелярию и другие правительственные здания рейха.

— Ничего не говорил?

— Нет, но я заметил, что при виде красных знамен на рейхстаге и других зданиях физиономия у него сделалась какой-то кислой. Видно было, что ему это не слишком по нутру. На здании имперской канцелярии увидел наш большой лозунг и попросил перевести, что там написано. Ему перевели слова Сталина: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ Германии и государство германское остается». Он опять поморщился, попыхал своей неизменной сигарой, но, не сказав ни слова, проследовал дальше...

— А все-таки здорово, что наши решили провести конференцию именно в Потсдаме! — воскликнул я, выслушав, как и все присутствующие, с глубоким вниманием рассказ Вилинского.

— Что же здесь такого? — не понял полковник Казанцев. — Правда, случись это в Вене, Париже или Лондоне, — вряд ли тогда полку Гумерова пришлось бы ее охранять... — добавил он в шутку.

— Дело не в том, — не принял я его шутливого тона. — Здорово потому, что над всеми правительствен-

ными зданиями бывшего рейха развеваются наши красные знамена и главы великих держав могут, так сказать, воочию убедиться, кто вырвал ядовитое жало у фашистского ползучего гада...

Мысль о том, что рядом, буквально в нескольких ста метрах, вот уже два дня свершается событие исторического значения, а я не могу взглянуть на него хотя бы одним глазом, не давала мне покоя все это время. Наконец, 19 июля, терпение у меня лопнуло, и я стал просить Антонова отпустить меня в Потсдам.

— Отпустить-то я тебя отпущу, что мне — жалко, что ли, — с сомнением пожал плечами Владимир Семенович. — Но ведь все равно тебя туда не пустят...

— Попытка не пытка, Владимир Семенович! Заодно проверю наши посты...

— Ну что ж, езжай, если уж тебе так не терпится. Как говорится, ни пуха ни пера!..

Как и предвидел Антонов, в Цецилиенхоф и Бабельсберг мне проскочить не удалось. Свои посты проехал с легкостью, но далее путь преградили наши пограничники, американские и английские посты, а также какие-то широкоплечие молодцы в гражданских костюмах. В результате мне с начштаба гумеровского полка майором Лебедевым не солоно хлебавши пришлось вернуться на КП. Настроение, как говорится, было ниже среднего.

Увидев мой расстроенный вид, ко мне подошел майор Леонтьевский.

— На рыбалку не хотите смотать, Михаил Иванович? — неожиданно спросил он с самым невозмутимым выражением лица. — Юнгфензее — это, конечно, не Байкал и даже не Ильмень-озеро, но кое-какая рыбешка здесь водится. Если повезет, так можно будет и ушицей побаловаться!

— Ты что, издеваешься, что ли? — обиженно сказал я. — Какая сейчас может быть ушица?.. Да и что можно поймать в этой луже?

— Э, не скажи, Михаил Иванович! — продолжал гнуть свое Леонтьевский, незаметно подталкивая меня к какой-то осенившей его идее. — Говорят, на том берегу Одера даже Черчилль с Трумэном, бывает, выходят подышать свежим воздухом.

И вот на озере Юнгфензее появились два мирных рыболова, облюбовавших самый конец шатких мост-

ков, уходивших от берега метров на 40—50. Погодка, надо сказать, выдалась самая подходящая для клева. Наполненное звоном птиц утро было тихим, безветренным. От зеркальной, без единой морщинки, глади воды несло запахом тины, водорослей и еще чем-то трудно уловимым, полузабытым, связанным с воспоминаниями далекого детства.

Закатав до колен штанины, мы с майором Лебедевым блаженно опустили босые ноги в теплую желтоватую воду и, закинув длинные удочки, застыли в привычной позе — когда каждый готов мгновенно встрепенуться при малейшем движении поплавка. Впрочем, если бы кто-нибудь подошел к нам поближе, то наверняка бы отметил несколько странное для рыболова поведение: ведь мы больше смотрели все-таки на противоположный берег озера, чем на поплавки.

Наше желание увидеть кого-либо из «большой тройки» было столь велико, что мы просидели на своих мостках до самых сумерек. Видели праздношатающихся или деловито семенящих куда-то военных — больше американцев. Но все это была, так сказать, мелкая сошка: всякие там повара, охранники, переводчики, то есть представители многочисленной обслуги конференции. «Рыба» покрупнее, не говоря уже о тех — самых, самых! — ради которых мы и предприняли это прямо-таки «марафонское» сидение с удочками, нам так и не попалась.

Следующий день тоже нас мало чем порадовал. Только раз между высоких стен мелькнула вроде бы мощная коренастая фигура маршала Жукова. Но это длилось считанное мгновение. И мы даже не сумели рассмотреть выражение его лица.

К вечеру в моей душе все сильнее стало нарастать раздражение. Вся эта еще недавно казавшаяся такой заманчивой поездка в Потсдам, на который ныне обращены были пристальные взгляды всех людей в мире, а тем более — утомительная двухдневная «рыбалка» казалась мне теперь какой-то дурацкой, бессмысленной затеей.

Зато у Антонова рассказ о всех наших потсдамских злоключениях, а особенно о «рыбалке», вызвал приступ поистине гомерического хохота.

— Ничего, Михаил Иванович, не переживай, — вытирая тыльной стороной ладони слезы со своих круглых

шек, в шутку успокаивал он меня. — Будешь потом своим внукам рассказывать, как «рыбачил» в Берлине...

Шутки шутками, но я почти физически ощущал, как неумолимо утекало драгоценное время. Мелькал день за днем. Позади уже осталась целая неделя со дня начала конференции, а сведения о ней мы по-прежнему имели самые скудные.

И все-таки 25 июля наша настойчивость и томительное ожидание были наконец вознаграждены. Отчетливо помню, как в мою комнату шумно ввалились наши «полпреды» в Потсдаме — капитаны Виленский и Лопатин. По их восхищенным лицам я понял: новости есть!

— Вижу, что лед тронулся! — улыбнулся я, пожимая обоим руки.

— Тронулся, товарищ полковник, и еще как тронулся! — радостно подтвердили они. — Разузнали уйму интересного о самой конференции и об откликах на нее!..

— В таком случае пошли к комдиву: он тоже сидит как на иголках! — быстро надевая китель, сказал я.

У Антонова, словно бы поджидая нас, уже собрались начподив подполковник Коломейцев, командующий артиллерией полковник Казанцев, заместитель по тылу полковник Нагорных, ответственный секретарь партkomиссии майор Клыков.

— А ты, Михаил Иванович, легок на помине,— заметил Антонов, быстро переглянувшись со штабными офицерами.— Я уже хотел было посылать за тобой дежурного по штабу... О, да ты, я вижу, не один, с нашими «чрезвычайными посланниками»? — заметно оживляясь, спросил он. — Тогда располагайтесь поудобнее и выкладывайте, что там вам удалось выудить! — чуть налегая на последнее слово, добавил Владимир Семенович, жестом руки приглашая всех садиться.

Оба «полпреда» переглянулись, словно бы решая, кому начать первым, затем, откашлявшись в кулак, начал капитан Лопатин:

— Ну, в зале конференции мы, конечно, не были, товарищ генерал. Но с теми, кто там постоянно присутствует, удалось побеседовать... Они рассказывали, что дебаты разгорелись очень жаркие. Особенно усердствует Черчилль, который часто выступает рука об руку с Трумэном. Ну, например, в вопросе о Польше...

— То, что он хочет навязать польскому народу этого эмигранта Миколайчика с его буржуазным прави-

тельством,— это нам известно из газет,— заметил Антонов.— А что еще ему не нравится?

— Многое не нравится. Можно сказать, каждое наше предложение он встречает в штыки. И до того ослеплен своим яростным противодействием, что договаривается до абсурда. К примеру, зашла речь о германском флоте. Мы предложили поделить его на две равные части: одну отдать Англии и Америке, а вторую оставить у нас. Но тут выступил Черчилль и предложил — что бы вы думали? — потопить весь немецкий флот, все боевые корабли...

— Эх, куда хватил! — изумленно вскинул брови Антонов.

— Именно так: пусть все идет на дно, лишь бы Советам не досталось — вот что думает господин Черчилль. И не только в отношении немецкого флота...

— А что же ответил ему Сталин? — с любопытством спросил я.

— Сталин ответил: уж если господину Черчиллю так хочется, то пусть он топит свою часть. Мы же от своей половины немецкого флота не отказываемся и топить ее не собираемся, — с видимым удовольствием произнес Лопатин, вызвав дружный смех среди присутствующих.

— Вообще, наши ребята говорят, что Черчилль явно побаивается лаконичных и острых ответов товарища Сталина,— вступил в разговор капитан Вилинский.

— А что пишет о конференции западная пресса? — спросил Антонов, который все больше оживлялся по ходу разговора.

— Тон ее мало отличается от того, каким говорят господа Трумэн и Черчилль,— ответил Лопатин, доставая из планшета небольшой, но густо исписанный блокнот.— А кое-кем буржуазные писаки даже перещеголяли, на мой взгляд, своих хозяев. Антисоветские статьи идут, что называется, косяком. Во всем этом чувствуется умелая дирижерская рука. Во всех разногласиях обвиняют советскую делегацию. «Стращают» читателей мнимой агрессивностью русских, которые якобы готовы проглотить всю Европу... Честное слово, товарищ генерал! — не удержался от возмущенного восклицания Лопатин. — Читаешь такое, и поневоле приходит мысль: с кем мы воевали? С фашистской Германией или с Англией и Америкой?..

Несколько позже мы с глубоким удовлетворением прочитали наиважнейшие решения Потсдамской конференции: о демократическом переустройстве всей политической жизни Германии, о мерах по искоренению германского милитаризма — ликвидации фашистской партии и создании таких условий, которые исключили бы ее возрождение в любой форме; прекращении деятельности немецких монополистических объединений, поскольку они несли главную ответственность за развязывание двух мировых войн; о подготовке и заключении мирного договора с Германией на демократической основе...

Но у каждого из нас остался горький осадок от враждебной шумихи, поднятой западной печатью вокруг конференции.

Недавно я прочел о том, что среди американских студентов была распространена анкета: что они знают о Советском Союзе. Были там вопросы, касающиеся второй мировой войны, в ответе на которые большая часть анкетируемых обнаружила прямо-таки потрясающую наивность и невежество! Так, многие отвечали, что в минувшую войну воевала с Германией одна лишь Америка и победила ее. А другие написали, что во время второй мировой войны Советский Союз выступал на стороне... фашистской Германии!

Читаешь такое и диву даешься, как извращена в юных умах лживой западной пропагандой история, как все поставлено с ног на голову!..

И незаметно мысли мои вновь перенеслись в июль сорок пятого года. Все-таки, несмотря ни на что, мы тогда не теряли надежды, что отношения с союзниками войдут в конце концов в дружественное русло. Станут такими, какими они и должны быть у недавних товарищей по оружию. Эта надежда, пусть и с оговорками, подкреплялась многочисленными встречами с американскими солдатами и офицерами (о них будет рассказано в следующей главе). К сожалению, наши надежды не оправдались. Пройдет совсем немного времени, и все тот же Черчилль произнесет в Фултоне свою печально-знаменитую речь, которая положит начало холодной войне. Хотя первым ледяным холодком на нас подуло уже тогда, во время Потсдамской конференции.

ДОМОЙ!..

Эти осенние месяцы в Берлине выдались на удивление тихими и теплыми. Даже не верилось, что первое мирное лето уже осталось позади. Казалось, что в те ликующие весенние дни, когда все мы были опьянены таким звонким и долгожданным словом **победа**, природа накопила столько радости и тепла, что их с лихвой хватило не только на лето, но и на эту прозрачную сухую осень.

Как бы там ни было, но жизнь наших войск (да и местного населения) к этому времени уже уверенно вошла в спокойное мирное русло. Более четко определились границы зон, занятых союзными армиями. После этого в расположение наших частей перестали забредать американцы — «коробейники», бесцеремонно предлагавшие купить или обменять часы, зажигалки и всякие другие хитрые заграничные штучки.

А англичане перестали бывать у нас (по крайней мере, в этом непоколебимо были убеждены наши спортивные болельщики) после того, как наша футбольная команда, тренировать которую взялся сам комдив Антонов, с внушительным счетом 3:1 обыграла сборную наших британских союзников. Пережив бурю восторга по поводу одержанной победы над родоначальниками футбола, мы было вознамерились помериться с ними силами и в баскетболе, но англичане на сей раз вежливо уклонились от встречи, что также немало потешило самолюбие дивизионных болельщиков.

Но вообще-то дружеские встречи между союзниками на самых различных уровнях были довольно частым явлением. Правда, языковый барьер часто затруднял общение, но мы довольно быстро научились его преодо-

левать. Воинская находчивость помогала и здесь. Небольшой запас заученных английских слов дополнялся мимикой, жестикуляцией, в результате чего нам удавалось вести даже длительные беседы. А в самых затруднительных случаях, когда понимание друг друга заходило в тупик, в ход пускался русско-английский разговорник карманного формата.

Особенно запомнилась мне пышно обставленная торжественная встреча офицеров и генералов — командиров дивизий, корпусов и командующих армий, которая с нашей стороны возглавлялась маршалом Г. К. Жуковым, а со стороны союзных войск — их главнокомандующим генералом Дуайтом Эйзенхауэром.

Состоялась она километрах в 30 западнее Берлина на огромной, густо заросшей зеленой травой поляне, окруженной светлым сосновым бором, с живописным старинным замком, возвышавшимся в дальнем ее конце.

Когда все съехались и собрались в отведенном месте, от группы американских офицеров и генералов отделился молодцеватый подтянутый полковник и стал что-то бойко говорить по-английски. Наш переводчик фронта объяснил нам, что воздушно-десантная дивизия генерала Джеймса Гэвина сейчас произведет показательную выброску десанта.

Мы обменялись с Антоновым быстрыми взглядами, переваривая это неожиданное сообщение. 82-я воздушно-десантная дивизия была нам знакома. Мы знали, что при открытии союзниками второго фронта в Европе она одной из первых была выброшена в Нормандии, обеспечив высадку с кораблей сухопутных войск. Знали мы и то, что немцы крепко потрепали ее в Арденнах.

Однако смысл продемонстрированного, словно на параде, десанта поначалу не дошел до нас. Наблюдая, как из больших транспортных самолетов, накрывших поляну плотным могучим гулом своих моторов, горохом посыпались черные комочки, над которыми, словно разноцветные огоньки, стали вспыхивать яркие купола парашютов, я подумал, что еще до войны на учениях наших войск видел выброску авиадесантов во много раз крупнее по численности и если американцы вздумали, по излюбленной привычке, произвести сенсацию масштабностью своей выброски, то их расчет явно не оправдался. По крайней мере, в отношении представителей советских войск.

Однако не мог я не отметить и хорошей выучки десантников, которые в это время уже приземлились и теперь ловко гасили и сворачивали свои парашюты. Впрочем, достаточно было взглянуть на сияющие лица генерала Гэвина и всего его пышного окружения, чтобы понять, что запланированная реклама боевой мощи военно-воздушных сил США принесла самим янки немало приятных минут.

Но вот стих гул громадных «боингов», прошла в парадном строю американская воздушная пехота, и генерал Эйзенхауэр пригласил всех в замок, где был устроен грандиозный банкет. Правда, огромный зал лесного дворца все же не смог вместить всех гостей, и весьма многочисленной их части пришлось довольствоваться широким крыльцом и просторной площадкой перед замком.

Пример открыл генерал Эйзенхауэр, который в краткой речи оценил четкость выброски парашютного десанта, адресовав немало лестных слов генералу Гэвину.

- Вот без таких молодых, но талантливых командиров, - с пафосом заключил он, — была бы невозможна наша победа над нацистами.

Я заметил, что при этих словах Эйзенхауэра крупное лицо Жукова словно бы окаменело, сделалось непроницаемым, и, наклонившись к Антонову, сказал:

Эйзенхауэр говорит «наша» так, будто победа является собственностью американских генералов.

— Да, гонору у них столько, словно это они, а не мы сломали хребет фашистскому зверю, — с сердцем отозвался Владимир Семенович.

С ответным словом выступил Георгий Константинович Жуков. Поблагодарив Эйзенхауэра за показанное умение, он сказал:

— Хорошо, что вы так высоко оцениваете ваших молодых командиров. Должен заметить, что присутствующие здесь офицеры, воспитанники советской военной школы, тоже в большинстве своем молоды, талантливы и отважны в боях. Вот, например, генерал Владимир Антонов, он тоже молод, но его дивизия взяла штурмом имперскую канцелярию и подземный бункер Гитлера, генерал Василий Шатилов, воины которого взяли рейхстаг, взметнув над его руинами красное знамя Победы...

По огромному залу дворца волной прокатился одобрительный гул, который, все усиливаясь, перешел в аплодис-

менты. Союзники воздавали должное силе и боевой доблести Красной Армии, сыгравшей решающую роль в разгроме гитлеровской Германии.

На этот раз настал черед измениться в лице Эйзенхауэру, попытавшемуся все же прикрыть кислую мину вежливой улыбкой.

Когда торжественный вечер был уже в разгаре, к нам подошел командующий 5-й ударной армией генерал Баринов и передал Антонову, что с ним хочет познакомиться генерал Гэвин.

— Ну вот, приходится пожинать плоды неожиданной популярности,— с улыбкой сказал мне Антонов.— Только ты, Михаил, уж не бросай меня, ради бога. А то ты ведь знаешь этих американцев: заклюют вопросами... Одному мне трудно будет отбиваться.

Забегая вперед, скажу, что обычно малоразговорчивый Антонов был в тот вечер явно в ударе и своими ответами, а главное — простотой и непринужденностью общения произвел самое благоприятное впечатление на американцев. А генерала Гэвина он прямо-таки заворожил. Через несколько минут оба перешли на «ты», и американец, обнимая Владимира Семеновича за широкие литые плечи, поинтересовался, в каких местах России родятся такие симпатичные парни.

— Я волгарь, из Саратова,— с удовольствием и несколько растягивая по-волжски это слово, ответил Антонов.—Слышали о таком городе?

Гэвин отрицательно качнул головой, но тут же, смеясь, добавил, что, вероятно, это там, где есть черная икра, много черной икры...

— Ты любишь черную икру? — спросил Антонов. — Тогда приглашаю к себе на ужин... У меня еще кое-что осталось от старых запасов.

— А русская водка? — весело сощурился Гэвин.

— Ну и водка, конечно!.. Какая же может быть икра без водки? — в тон ему ответил Антонов. И оба, расхохотавшись, дружески ударили по рукам.

— Да, но ведь сегодня вы наши гости! — словно спохватившись, громогласно объявил Гэвин. — А потому приглашаю тебя продолжить эту дружескую вечеринку у меня... Правда, русской водки у меня нет, но французский коньяк и виски с содовой, надеюсь, смогут ее заменить на один вечер?..

Антонов вопрошающе посмотрел на меня.

— Езжайте, Владимир Семенович, раз союзники приглашают,— сказал я.— Но мне пора возвращаться в дивизию. Так что не беспокойтесь: все, что будет нужно, я сделаю...

Антонов с Гэвином уселись в приземистый легковой «додж» защитного цвета, который с места набрал скорость и через несколько мгновений исчез из вида, скрывшись за поворотом лесной дороги.

Вернулся Антонов поздно вечером. Поджидая его, я не ложился спать и, как только комдив вошел, спросил с любопытством:

— Ну, как тебя потчевали американцы?

— Ужин был прямо губернаторский,— расстегивая китель, усмехнулся Антонов.— Надо сказать, этот Гэвин устроился здесь с размахом. Занимает целое имение, настоящий дворец. Когда я ему сказал об этом, он похлопал меня по плечу и сообщил, что у него в штатах есть свой дворец, не хуже этого. И тут же спросил, богат ли я, какими домами располагаю...

— Ну и что же ты ему ответил? — живо представив эту сцену, полюбопытствовал я.

— Что ответил? Сказал, что очень богат,— усаживаясь в кресло, невозмутимо продолжил Антонов свой рассказ.— Сказал, что мне принадлежат все дворцы в Союзе, в том числе и Зимний дворец, из которого в семнадцатом году мы вытурили своих царей... Гэвин сначала не понял, посмотрел на меня удивленно, а потом расхохотался и говорит: «Вы, русские, хитрый народ, везде умеете проталкивать свою пропаганду...»

Потом прошли к столу, который, как я и предвидел, буквально ломился от всяких яств. Выпили за Победу. И тут Гэвин меня спрашивает, почему у меня такой печальный вид, может, угощение не нравится? Спасибо, отвечаю, угощение прекрасное, а печален оттого, что вспомнил о своих погибших однополчанах, которые остались лежать на всем долгом боевом пути дивизии — от Грозного до Берлина — и перед которыми я в неоплатном долгу...

Гэвин помолчал немного, а потом попросил через переводчика уточнить, почему я чувствую себя в долгу перед погибшими. Я ему ответил, что если я и остался жив, то только благодаря им, хотя и самого четырежды не обошла фашистская пуля... Гэвин опять задумался, а потом наполнил рюмки и сказал, что он тоже

в долгу перед своими героями, которых выбросили в Арденнах на немецкую танковую дивизию, прямо под гусеницы вражеских танков... Многие из них были тут же буквально растерзаны на части. Только ему с небольшой группой солдат и офицеров чудом удалось спастись. Нечто подобное могло повториться еще раз, если бы русские не выручили его и его дивизию. Теперь пришла моя очередь удивляться. Как это? — спрашиваю Гэвина. Тогда он объяснил, что его дивизия готовилась для выброски на Берлин и кто знает, чем бы это все кончилось, если бы русские не опередили их, взяв его штурмом.

— Ну уж здесь Гэвин, вероятно, покривил душой,— заметил я, укладываясь спать.— Наверное, он все-таки рассчитывал, что немцы встретят его в Берлине не снарядами и пулями, как в Арденнах, а распростертыми объятиями, как они делали во многих своих городах, через которые американцы прошли, можно сказать, церемониальным маршем, в то время как мы самый крошечный немецкий городишко нередко брали ценой многих жизней наших бойцов...

— Что верно, то верно! — согласился Антонов, натягивая до подбородка серое солдатское одеяло. — Как мне показалось, Берлин у них теперь как бельмо в глазу — как это так: мы его взяли, а не они.

— И дело тут не только в амбициях американских генералов,— задумчиво сказал я, глядя сквозь светлый квадрат окна на яркие звезды, которые показались вдруг такими родными на этом темном чужом небе.— Свой интерес здесь имеют и самые влиятельные американские фирмы. Помнишь ту странную встречу на заводе «Телефункен»?..

Антонов не ответил. Видимо, уже заснул, утомленный впечатлениями минувшего дня. Мне же эти самые впечатления продолжали горячить воображение, отгоняя сон. А тут еще в памяти, словно кадры кинохроники, замелькали детали той поездки на завод «Телефункен», которая случилась у нас вскоре после 9 мая.

Началось все с телефонного звонка. Мы с Антоновым только что проводили командование корпуса, специально прибывшее в дивизию, чтобы поздравить всех с победой, и сели за стол перекусить. Впрочем, «перекусить» — слишком скромное слово для той обильной трапезы, которую заблаговременно заготовил для нас

повар. Он-то ведь знал, что с самого утра у комдива и у меня маковой росинки во рту не было. Когда прибывает такое высокое начальство, тут уж, конечно, не до еды. Естественно, что мы набросились на приготовленные блюда так, что, как говорится, за ушами трещало.

Когда обед подходил к концу, дверь, ведущая в смежную комнату, распахнулась, и перед нами возникла с каким-то испуганным видом наша телефонистка Маша Бережная.

— Товарищ полковник! — вытянувшись в струнку, обратилась она к Антонову. — Вас срочно вызывают к телефону!..

— Кто это там посмел прервать мой обед? — шутливо спросил Антонов.

— Не знаю, товарищ полковник, но, по-моему, кто-то из штаба армии, — покраснев от смущения, уточнила Маша.

— Ого! Вот с этого и надо было начинать,— быстро вставая из-за стола, промолвил Антонов. Заинтригованный, я тоже последовал за ним. Остановился у двери и стал прислушиваться к громким, отчетливым словам Антонова, которые он с нахмуренным видом выдыхал в телефонную мембрану. Однако ответы его были какие-то односложные: «Слушаюсь», «Есть», «Понял», «Будет выполнено». Поэтому никакого представления ни о содержании разговора, ни о том, кто находился на другом конце провода, я не получил.

Положив трубку, Владимир Семенович медленно прошелся по комнате — к окну и обратно, зримо обдумывая полученное приказание.

— Что-нибудь важное?— не выдержав, нарушил я наконец молчание.— Кто это был?

— А ты отгадай!— вдруг перешел на шутливый тон Антонов.— Начальник штаба должен по одному виду определять, с кем разговаривает командир дивизии...

— Так долго он может говорить только с очень большим начальником, почти мгновенно отреагировал я.— Да и разговор был односторонний! Кто-то давал вам указания, а вы лишь короткими репликами подтверждали, что поняли их и приняли к исполнению... Кто это говорил? Берзарин?

— Точно!— с каким-то детским удивлением подтвердил Антонов.— Ну, Михаил, ты прямо Шерлок Холмс.

Хотя я давно заметил, что ты иногда можешь угадывать мои боевые замыслы по одному лишь выражению лица... А если говорить серьезно, то ничего существенного не произошло. Просто командарм поручает нам провести одну работу, связанную с конкретным выполнением решений Ялтинской конференции...

Теперь пришел черед удивляться мне:

— Решения Ялтинской конференции? Что-то я не пойму, какое отношение имеем к ним мы...

— А ты вспомни, в чем заключалась суть этих решений. Ведь все это было не так уж давно — в феврале этого года...

— Ну, они касались дальнейшей судьбы побежденной Германии, — медленно начал припоминать я. — Разоружение и роспуск германских вооруженных сил, ликвидация генерального штаба...

— Боюсь, что эту работу нам с тобой не поручат, — улыбнулся Антонов. — Хотя лично я взялся бы за нее с большим удовольствием. Так, дальше...

— Ну, еще был рассмотрен вопрос о репарациях за причиненный Советскому Союзу громадный ущерб... Он будет взыскиваться из западных зон за счет прежде всего оборудования из военных отраслей хозяйства.

— Стоп! — поднимая руку, неожиданно прервал меня Антонов. — Вот это как раз то, что нам и нужно. В соответствии с решениями Ялтинской конференции маршал Жуков приказал коменданту и начальнику гарнизона советских войск в Берлине, которым, как ты знаешь, является наш командарм Николай Эрастович Берзарин, взять под охрану все военные заводы немецкой столицы и ее пригородов, а также военные склады... В частности, нашей дивизии предстоит взять на себя охрану завода «Телефункен».

— «Телефункен»? — переспросил я. — Это который делает радиоприемники?

— Не только, — усаживаясь в кресло, сказал Антонов. — Берзарин говорит, что наряду с радиоприемниками он выпускает военную аппаратуру связи, стрелковое оружие: пистолеты, автоматы, а также патроны и даже гранаты... Так что решение о постановке вокруг него надежного боевого охранения кажется мне весьма своевременным.

— Ну что ж, если надо — поставим... это дело нехитрое.

— Ты думаешь? — задумчиво произнес Антонов. А по-моему, тут все надо обдумать как следует. Давай для начала съездим туда и посмотрим все на месте. Так что подбирай команду, кто с нами поедет. Обязательно прихвати своего «лорда»!

«Лордом» все стали называть начальника связи дивизии майора Григорьева после того, как ему однажды пришла в голову диковинная затея: облачиться в раздобытый где-то роскошный черный фрак с атласными отворотами, длинными фалдами, а на голову надеть не менее роскошный цилиндр, что действительно придало ему сходство с каким-то из героев Диккенса. Этот маскарад и послужил причиной звучного прозвища, которое навсегда пристало к нему с той поры.

Кроме Григорьева в «сборную» нашей дивизии для поездки на «Телефункен» вошли командующий артиллерией полковник Казанцев, начальник разведки майор Боровко, дивизионный инженер майор Сапленков, инструктор политотдела капитан Лопатин и переводчик лейтенант Маринов. Сопровождал эту представительную группу взвод, составленный из лучших комсомольцев-автоматчиков.

Выехали после завтрака на трех легковых и двух грузовых автомашинах и долго колесили по каким-то разрушенным улицам и мрачным переулкам, пока наконец не наткнулись неожиданно на один из цехов завода.

«Телефункен» поразил нас прежде всего своими размерами: серые четырехэтажные здания цехов протянулись на целый квартал, отгородившись от окружающих домов массивным — трехметровой высоты — железобетонным забором, напоминавшим крепостную стену. По верху его в несколько рядов была натянута колючая проволока.

Пока Антонов, немного пройдя вдоль улицы, внимательно осматривал огромные окна цехов с выбитыми, как и повсюду, стеклами, мы с майором Боровко и лейтенантом Маринов пошли к проходной. Огромная территория завода казалась пустынной и безлюдной. Но неожиданно из-под ворот выскочила лохматая черная собачонка и, обдав нас заливистым лаем, вновь скрылась в подворотне.

— Что, дворняги перепугались? — громко произнес Антонов, неслышно подошедший сзади.

— Как бы там, за воротами, не оказались «бульдоги» покрупнее, притом на двух ногах,— оглянувшись, ответил я, не подозревая, насколько близок к истине в своем шутливом предположении. Ибо едва мы приблизились к проходной будке, как из нее вышли трое мужчин и перегородили нам путь. Двое из них — дородные, с холеными, чисто выбритыми лицами — имели такой вид, будто собрались куда-нибудь на торжественный прием: в элегантных черных костюмах, туго обтягивавших их мощные плечи, и темно-синих беретах, щегольски сдвинутых на правое ухо. Третий — длинный, худощавый, в жеваном сером пиджаке и измятой черной шляпе — казался человеком совершенно случайным среди этих респектабельных здоровяков. Однако именно он заговорил первым и — что удивительно! — на ломаном русском языке:

— Что есть угодно господам официрен?

— Согласно приказу советского командования мы берем этот военный завод под охрану,— сухо ответил Антонов, сразу угадав по характерному акценту в долговязом немца. Еще в Академии имени М. В. Фрунзе он усердно изучал немецкий язык и нередко объяснялся с пленными без переводчика. Однако когда долговязый стал что-то торопливо объяснять стоявшим рядом с ним толстякам, Владимир Семенович был явно обескуражен. Разговор, который они вели между собой, шел не на немецком языке!

Прислушавшись, я определил, что говорили они на английском. Это тоже меня удивило: ну, этот высокий, конечно, немец. Но кто эти двое, говорящие по-английски, в тоне которых звучали начальственные нотки. Американцы? А может, англичане? Тогда почему они не в военной форме? Подозвав к себе Маршова, я попросил у него спросить у немца, кто эти два господина и что они тут делают. Но в этот момент долговязый немец опять заговорил по-русски, делая большие паузы между предложениями, так как, очевидно, обдумывал, как правильнее сказать то или иное русское слово.

Однако мы уже не обращали внимания на его акцент. Ибо то, что он сообщил, до того ошеломило нас, что мы даже невольно переглянулись с Антоновым. Оказывается, те двое были американцами. Да еще какими! Доверенными представителями одной американской фирмы, которая и являлась истинным хозяином этого заво-

да. А потому на «Телефункен» якобы не распространяются положения о репарациях...

Было отчего нам почесать затылки! Ведь получалась какая-то головоломка: завод находится в Берлине, а хозяева его за океаном, американцы — наши союзники, а «Телефункен» исправно поставлял военную продукцию для фашистской армии!..

— Что будем делать, комдив? — прерывая затянувшуюся паузу, спросил я у Антонова.

— Выполнять приказ командарма!— будто решившись, отрубил тот, набычив свою лобастую голову. И, обращаясь к долговязому немцу, добавил:— Объясните своим господам, что, несмотря ни на что, мы будем делать то, ради чего сюда приехали: ставить охрану!.. Их же просим покинуть территорию завода. Пока что просим... Ибо в случае неповиновения будем вынуждены применить силу! Verstehen? [1]

— Jawohl, gerr oberst! [2] — испуганно поджавшись, отозвался немец и тут же стал переводить американцам слова Антонова. По мере того как до них доходил смысл наших требований, лица «доверенных представителей» все больше вытягивались и делались злее. Но они, конечно, не могли не видеть, на чьей стороне сила. Поэтому, перекинувшись несколькими раздраженными репликами, американцы с потными красными лицами убрались восвояси.

Пока мы расставляли у каждому цеху, зданию и складу своих часовых, к заводу подошла колонна наших грузовиков с двумя ротами солдат. Началась погрузка трофейного оружия и военной аппаратуры.

— Ну, что скажешь, Михаил Иванович?—наблюдая за быстрыми и умелыми действиями бойцов, спросил Антонов.— Не завод, а оборотень какой-то! Как говорится, и нашим и вашим...

— Да,— задумчиво отозвался я.— Война войной, а у бизнеса, видать, свои законы... Когда дело пахнет большой деньгой, то он готов услужить даже своему злейшему врагу!

Тогда мы еще не знали, что в то время, когда миллионы жизней, в том числе тысячи жизней американских солдат, отдавались ради того, чтобы стереть фашист-

---

[1] Поняли? (Нем.).
[2] Слушаюсь, господин полковник! (Нем.).

скую свастику с измученного лица Европы, многие из американских миллиардеров были, так сказать, своими людьми в гитлеровской Германии. Там, на подопечных им заводах, поставлявших оружие и боеприпасы для рейхсвера, который, кстати сказать, вел боевые действия и против американской армии, постоянно жили их представители. Они перекачивали выплачиваемые гитлеровской казной барыши на счета швейцарских банков, где американские магнаты имели специальное управление, возглавлявшееся небезызвестными братьями Даллесами — Джоном Фостером и Аллесом Уэлси.

Кровь людская не водица, говорят в народе. У американских же дельцов кровь своих соотечественников тоже стала средством наживы, оседая золотистым дождем долларов в стальных банковских сейфах.

Но об этом мы узнали гораздо позже. А тогда, весной сорок пятого, даже неприятный инцидент на заводе «Телефункен» не смог поколебать нашего общего дружеского настроя к нашим союзникам — американцам. Встречи продолжались, и подчас довольно курьезные...

Так, однажды мне вновь пришлось столкнуться со своего рода американским «десантом». Дело было так. В середине дня в расположении полка подполковника Пешкова приземлился небольшой американский самолет, типа нашего У-2. Из него вылезли три долговязых американца и, широкой улыбкой встретив подбежавших советских солдат, стали что-то объяснять на нашем «союзническом» языке, немилосердно коверкая русские слова. В результате получасовой сумбурной беседы подполковнику Пешкову наконец удалось понять, что бравые американские асы ищут русских девушек («We're finding for russian girls»), с которыми они познакомились на какой-то «party», то есть встрече или вечеринке. С этим сообщением, немало обескураженный, он и пришел ко мне.

— Не буду же я водить их по подразделениям, искать этих самых «герлз»,— с сердцем сказал он, прибавив одно из своих крепких словечек.— А с другой стороны, и вот так сразу давать от ворот поворот неудобно. Все-таки союзники...

— Вот что!— после недолгого раздумья решил я.— Отправь-ка ты этих молодцов к нашему военному коменданту. Там разберутся, что с ними делать. А самолет

надо отбуксировать в один из ближних дворов да поставить охрану, чтоб ни одного винтика не пропало...

Надо заметить, что «жениховские» настроения будоражили в это время наших ребят ничуть не меньше, чем американцев. И это было, пожалуй, другой яркой приметой наступившего мирного времени.

Я даже как-то в шутку заметил Антонову, что, как видно, ни мне, ни ему не избежать вскоре роли посаженого отца. Действительно, не прошло и месяца, как в дивизии — по-русски разудало, под звон гармоник и отчаянный топот вихревых плясок — сыграли несколько свадеб. В общем, все было как на далекой и милой сердцу каждого бойца «гражданке». Только военная форма молодоженов — нашей милой телефонистки Маши Бережной и не менее любимого всеми переводчика лейтенанта Володи Маринова — да изданный комдивом Антоновым приказ, разрешающий им вступить в брак, напоминали о том, что они пока еще находятся в армии.

Такие же солдатские свадьбы справили командир саперного взвода Валентина Смирнова с командиром роты Иваном Яковлевым, машинистка Анна Воропаева и фельдшер Галина Федоренко с офицерами Павлом Зарицким и Петром Карибским.

Наблюдая, с какой скоротечностью создаются иные брачные союзы, я, признаться, стал испытывать нечто вроде сомнения в их долговечности. К счастью, мои опасения оказались напрасными. Наши фронтовые семьи в большинстве своем успешно прошли испытание временем. И многие из них по сей день пребывают в любви и согласии.

Вероятно, всех наших молодоженов подстегивало еще и то обстоятельство, что начиная с октября все чаще с берлинских вокзалов уходили эшелоны с демобилизованными воинами, и перед отъездом домой наши молодые пары спешили, так сказать, узаконить свои личные отношения.

Мне часто приходилось провожать эти празднично оформленные, испещренные победными надписями и плакатами поезда, и я видел, что всеобщее ликование у отъезжающих всегда было пронизано довольно явственной ноткой грусти. Ведь приходилось расставаться со своими однополчанами — боевыми соратниками, с которыми крепче крепкого сдружили и даже, можно сказать, сроднили суровые фронтовые годы.

Расставаясь с однополчанами, не думал я, что и мне придется вскоре собираться в дальнюю дорогу. Поэтому, когда мне однажды позвонил начальник штаба корпуса полковник Емельян Иванович Шикин, я не заподозрил в его словах ничего особенного. Тем более что речь поначалу шла о батальонных тактических учениях, с которыми у нас было все в порядке.

Но неожиданно Шикин резко переменил тему разговора. И голос его приобрел какую-то особую мягкость и доверительность:

— А у меня для вас приятная новость, Михаил Иванович! Из штаба армии и фронта пришло распоряжение отправить вас в Москву, в Академию имени Фрунзе... Так что укладывайте чемоданы!

— В Москву?— не веря своим ушам, с волнением переспросил я.

— Вот именно, в Москву — столицу нашей Родины,— добродушно подтвердил Шикин.— А ты что, или не рад?..

— Ну как же, Емельян Иванович... Конечно, рад.— смущенно пробормотал я.— А как же с дивизией? Я сейчас замещаю Антонова, он в отпуске...

— Ну, Антонов вернется, а на ваше место уже назначен полковник Иванов. Завтра сдадите ему дела...

Положив трубку, я долго еще перебирал в памяти каждое слово Шикина. Учеба в академии была, надо сказать, моей давнишней мечтой. И в прошлом мне уже представлялись случаи попасть в это прославленное военное заведение. Но всякий раз дело расстраивалось: то из-за хасанских событий, то из-за учебы на кавалерийских курсах перед самой войной.

Даже в военном 1944 году, когда наша дивизия освобождала Молдавию, из Москвы вдруг пришел вызов на учебу во Фрунзенскую академию. Прочитав его, Антонов, сразу помрачнев, отрезал: «Не пущу! Вот кончим войну, тогда сам вещи уложу...» Впрочем, сказал он это так, для порядка. Ибо знал, что я и сам никуда не уеду. Действительно, сколь ни заманчивым было предложение, дивизию я бросить не мог. И поэтому до самого конца войны старался даже не думать об этом. И вот теперь давняя мечта становилась реальностью.

На следующий день, 14 октября, я встречал своего преемника на посту начальника штаба дивизии. Представил его штабным офицерам, ознакомил с ходом боевой подготовки. И в заключение передал ему по акту

печать и топографическую карту, где было отмечено расположение частей дивизии.

Теперь можно было готовиться к отъезду. Долгие годы походной жизни приучили меня делать это быстро, но без всякой суеты и спешки. Поэтому к вечеру, когда ко мне заглянул на огонек майор Дима Курчевский, весь мой багаж был уложен, упакован и полностью готов к отправке. Окинув быстрым взглядом два скромных чемодана да пару тощих узелков, Курчевский изобразил на своем лице крайнюю степень удивления:

— А где же трофеи, Михаил Иванович?

— Какие трофеи?— не сразу понял я.

— Ну, как — какие? — весело сощурился Курчевский. — Трофеи победителя. Ты что, военную историю не знаешь? А еще в академию наладился... Испокон веков так заведено: победитель забирает у поверженного противника богатые трофеи...

— А, ты вот в каком смысле...— подстраиваясь под шутливый тон Курчевского, ответил я.— Трофеи у меня есть, Дима. И не то что богатые, но для меня, можно оказать, бесценные...

— Ну-ка, ну-ка, что за трофеи?— явно заинтригованный, Курчевский подошел поближе к столу, куда я стал выкладывать различные предметы.

— Ну, вот, к примеру,— шпага командира тридцатого армейского корпуса генерала Постеля... Помнишь такого?

— Как же, как же, конечно, помню,— оживился Курчевский.— Этому Постелю мы под Кишиневом добрую баньку устроили...

— Ну так вот, Дима, разве это не трофей? — продолжал я, окидывая любовным взглядом разложенное богатство.— Или чемодан Магды Геббельс... Впрочем, и о нем ты знаешь. А это пенсне, подаренное мне одной немкой с Каттбуссеритрассе в благодарность за то, что мы накормили двух ее малышей, еле державшихся на ногах от голода...

— Тут даже альбом есть! Семейный?— спросил Курчевский, осторожно приподнимая двумя пальцами толстую обложку.

— Смотри, смотри!.. Там ничего секретного нет. Это подарок мне от фотокорреспондента нашей дивизионки...

— Да, это будет память на всю жизнь,— задумчиво произнес Курчевский, медленно переворачивая страницы

и с интересом вглядываясь в фотографии, запечатлевшие эпизоды различных боев, портреты наших дивизионных героев...

— Бр-р! А это тебе зачем?— брезгливо сморщился Курчевский, увидев в конце альбома фотографии, где были сняты жалкие останки тех, кто кичливо именовал себя сверхчеловеками, высшей расой, призванной господствовать над всем миром,— Геббельса, генерала Кребса, одного из двойников Гитлера...

— Для истории, Дима,— ответил я, бережно укладывая альбом в чемодан фрау Геббельс.— И для напоминания тем, у кого память окажется короткой.

...Утром 17 октября выдалось теплым, но пасмурным. Когда я приехал на Гарлицкий вокзал, моим глазам предстала уже ставшая привычной картина: стоящий у первой платформы длинный эшелон, каждый из вагонов-теплушек которого был настолько густо набит демобилизованными бойцами, что напоминал муравейник.

Однако на этот раз это был мой эшелон, на котором мне предстояло совершить радостный путь возвращения на Родину. Вспомнился прощальный вечер со штабом дивизии, прошедший в замке Мариендорф. Слушая дружеские слова напутствия, я чувствовал, как все печальнее сжимается мое сердце. Мне казалось, что многих из своих боевых друзей я вижу в последний раз. А ведь сколько с ними пройдено дорог! И каких дорог — самой тяжелейшей из войн, какие когда-либо знала история. В этот памятный вечер, за разговорами и воспоминаниями, мы снова прошли мысленно весь славный боевой путь дивизии — от воспетого еще Лермонтовым Терека, где состоялось наше боевое крещение, до самого логова ненавистного врага,— затянутого дымом пожарищ и капитулировавшего под победные залпы наших пушек Берлина.

Я шел вдоль эшелона по влажному от прошедшего ночью мелкого дождя перрону, вглядывался в такие родные, сияющие неподдельной радостью лица воинов-победителей, слушал голоса наших русских двухрядок, взлетавших, казалось, до самого неба — сумрачного, чужого неба Германии, и чувствовал, как понемногу снимается с сердца тяжесть от недавних грустных минут прощания.

Бродяга Байкал переехал.
Навстречу родимая мать:

— Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша!
Скажи, где отец мой и брат,—

пели в одной из теплушек чуть хрипловатыми, но стройными голосами под серебристый звон трофейного аккордеона. И эта старинная песня, в которой изливало истосковавшуюся в далеких странствиях душу не одно поколение русских людей, сейчас, с окончанием страшной войны, получила новое осмысление. Ведь многие из поющих бойцов, которые и сами чудом уцелели в жестоком военном смерче, и впрямь недосчитаются по возвращении домой своих отцов и братьев, которые, возможно, сложили свои головы где-то здесь, на подступах к фашистской столице. А о том, как тяжело, чудовищно несправедливо было умирать тогда, когда до Победы был уже, что называется, только один шаг, знает только тот, кто сам пережил эти невероятно горькие моменты.

В теплушке, где я должен был ехать, все уже были в сборе, на своих местах. Только на перроне стояли, поджидая меня, мой ординарец Андрей Корниенко, шофер Панин, сержанты Ашхарбек Казарян, Нагдили Алиев и мой сын, который также прошел два года войны боевым офицером и с которым нежданно-негаданно мы встретились здесь, в Берлине.

Все они махали руками, поторапливая меня, так как эшелон в это время уже тихо взял с места. Я на ходу вскочил в вагон, поддержанный дружескими руками. Эшелон довольно быстро набрал скорость, и вскоре весь огромный разрушенный Берлин с его восточным пригородом Карлсхорстом остался позади. «Да, ехать назад — это совсем не то, что пробиваться вперед с боями,— подумал я, наблюдая за медленно проплывающей панорамой,— ведь в этом проклятом Карлсхорсте приходилось отвоевывать у врага буквально по метру!..»

Между тем Андрей Корниенко распределил места, аккуратно уложил чемоданы под нары, и мы, не мешкая, решили, что самым разумным и приятным будет отдохнуть после напряженного, пролетевшего в спешке и суматохе проводов дня.

Когда я проснулся после нескольких часов крепкого и по-мирному безмятежного сна, поезд все еще шел по территории Германии. Однако ход его был уже не таким быстрым, как вначале. А на Кюстринском вокзале, куда мы вскоре прибыли, нам сообщили, что стоянка предполагается на несколько часов.

Кюстрин!.. Это название было нам не менее памятно, чем Карлсхорст. И я решил использовать отпущенное время для того, чтобы попрощаться с еще свежими могилками своих однополчан, сложивших головы у этого немецкого городка. К счастью, мне удалось выпросить у военного коменданта станции «виллис», и я с пятью своими товарищами быстро достиг восточной окраины Кюстрина, где располагалось братское кладбище. Мы шли вдоль длинного ряда могил, читали знакомые имена на деревянных дощечках, и нами владели те чувства, которые, вероятно, лучше всех выразил наш великий поэт Александр Твардовский в своем близком сердцу каждого ветерана стихотворении «В тот день, когда окончилась война»:

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

Действительно, только теперь, в этот мирный октябрьский день, мы почувствовали, что прощаемся навсегда с павшими боевыми соратниками, что мы **живыми** вышли из огненного смерча войны. Пока шли бои, мы, как совершенно верно писал поэт, «были с ними как бы наравне», ибо в любой момент могли разделить их судьбу. И вот теперь только, после победного салюта, мы навсегда прощались с теми, кто совсем немного не дошел до Победы. И с теми, кто остался лежать далеко отсюда, у малых или больших городов, а то и вовсе у какой-нибудь безымянной высотки, но которые также сделали все, что могли, чтобы наступил этот всенародный праздник, праздник «со слезами на глазах»,— день нашей великой Победы.

«До-мой! До-мой!»—весело выстукивали колеса вагона. Эшелон мчался на восток. А в широко распахнутой двери теплушки, словно на киноэкране, возникали места былых боев. Вот с гулом и грохотом промелькнули массивные металлические переплеты мостов через реки Бзура и Равка.

И опять вспомнились боевые товарищи, жизнь которых оборвалась на этих трудных рубежах. Смертью храбрых в боях за освобождение Польши пали наш дивизионный инженер Григорий Лукьянович Саломатин, командир артдивизиона капитан Павел Самуилович Ко-

валевский, а также земляк нашего комдива саратовец Николай Степанович Маркелов, бронебойщик, подбивший четыре вражеских танка и уничтоживший огнем своего ПТР два дзота противника.

Маркелов и Ковалевский посмертно были удостоены звания Героя Советского Союза. И оба навсегда остались лежать здесь, в этой израненной польской земле...

Жаль, что Варшаву мы проехали в сумерках и не смогли как следует рассмотреть польскую столицу, в освобождение которой наша дивизия внесла столь значительный боевой вклад.

Когда до государственной границы нашей страны осталось совсем немного, как говорится, рукой подать, эшелон резко увеличил скорость, словно бы торопясь приблизить нашу встречу с долгожданной Родиной. И в такт дружному перестуку колес все сильнее и радостнее бились наши сердца!..

Правда, никаких пограничных столбов или каких-то других обозначений мы не увидели. Границей служила сама река — Западный Буг.

Словно бы угадав наше общее желание, поезд, почти не сбавляя скорости, проскочил железнодорожный мост, но затем стал резко тормозить и вот уже, громыхнув в последний раз стыками вагонов, замер на месте. Наступила оглушительная тишина.

С минуту мы стояли молча, будто не веря своим глазам. Вот она, родимая земля, путь к которой пролег у каждого из нас через долгих четыре года боев, смертей и лишений.

Затем, словно бы повинуясь неслышной команде, сотни людей горохом посыпались из теплушек. Не помня себя, я тоже выскочил из вагона, опустился на колени, поцеловал родную землю и застыл, прижавшись к ней щекой. В войну человек обретает с землей какое-то особое родство: она защищает его от пуль и осколков, в ней он укрывается от дождей и холодов.

И каждому воину, а особенно рядовому русскому Ивану, как мы тогда говорили, пришлось буквально «пропахать на животе» и Польшу и Германию.

Но у **этой** земли даже дух был какой-то особенный. И он впервые был очень мирным, этот запах. Земля пахла свежей пашней, высохшими травами и еще чем-то непередаваемо родным и знакомым.

Кто был на фронте, тот поймет, что значат такие

минуты для солдата, только что вышедшего живым из смертельного огня. По моему лицу, как и многих моих товарищей, безмолвно распластавшихся на родной земле вдоль железнодорожного полотна, текли слезы, и никто не стыдился их.

Я перевернулся на спину, блаженно раскинув руки. И — о чудо! — словно бы специально к нашему возвращению природа приготовила этот волнующий сюрприз. Высоко в небе, чуть заметно сдвигаясь к югу, возник летящий клин журавлей, которые для каждого русского человека издавна были символом его родины — России. И вот уже откуда-то из-под облаков, проникая, казалось, в самое сердце, донесся знакомый курлыкающий клик.

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалека летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.

Эти ставшие песней строки замечательного русского поэта Алексея Жемчужникова, рожденные, кстати сказать, на чужбине, во время пребывания его за границей, мне довелось прочесть значительно позже. Но они удивительно точно соответствуют охватившему меня в то время чувству, испытанному у Западного Буга, в первые минуты свидания с родной землей...

А затем, много лет спустя, была создана одна из лучших, на мой взгляд, песен о минувшей войне, в основе которой — светлая и скорбная легенда о душах павших солдат, превратившихся в белых журавлей. И когда я слушаю ее в задушевном исполнении Марка Бернеса, то всегда вспоминаю тех журавлей — над свинцово мерцающими водами Западного Буга, что осенью сорок пятого радостным кликом приветствовали нас, воинов-победителей, вернувшихся на родную землю из поверженной вражеской столицы.

СОДЕРЖАНИЕ

Натиск на Берлин! 1
На Одере весна... 24
На Кюстринском плацдарме 31
Пока не погасли прожекторы 41
Карлсхорстские эпизоды 65
На Шпрее 86
В центре пылающего Берлина 105
Последний штурм 134
Агония в «фюрербункере» 161
Когда окончилась война... 172
Сражение без оружия 191
Домой!.. 203

Михаил Иванович Сафонов

СЕМНАДЦАТЬ ШТУРМОВЫХ ДНЕЙ

Литературная обработка
В. И. Азанова

Редактор В. Фатеева
Художник Л. Безрученков
Художественный редактор В. Иванов
Технический редактор Л. Андронова
Корректоры В. Антошина, Н. Дудуева

ИБ1108

Сдано в набор 24.09.84. Подписано в печать 25.02.85. НГ02433. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 11,76+0,84 вклейки. Усл. кр.-отт. 13,52. Уч.-изд. л. 12,197+0,88 вклейки. Заказ 2316. Тираж 15 000. Цена 60 коп.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

63.3(2)722.13
С22

Рецензент: Е. М. Ковалев, генерал-майор в отставке.

Сафонов М. И.

С22 Семнадцать штурмовых дней.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985.— 224 с., ил.

Автор рассказывает о взятии Берлина, штурме имперской канцелярии и подземного бункера Гитлера, о мужестве и героизме советских воинов.

В работе над книгой автор использовал свои фронтовые записки, архивные документы, воспоминания однополчан, советских военачальников, а также подробно ознакомился с работами немецких историков, мемуарами бывших гитлеровских генералов.

Книга посвящена 40-летию победы над фашистской Германией.

Рассчитана на массового читателя.

Издание второе, дополненное и переработанное.

С $\frac{0505030202}{153(16)-85}$

63.3(2)722.13

© Приволжское книжное издательство, 1978.
© Приволжское книжное издательство, 1985.

в отставке.

ратов: При

ской канце-
изме совет-

ые записки,
военачальни-
историков,

Германией.

63.3(2)722.13

САРАТОВ • ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1985

80 к.